

**«КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ
ЧТЕНИЯ»**

***Материалы
межвузовской конференции, посвящённой
Дню славянской письменности и культуры
и Международному дню филолога***

(Кострома, 24 мая 2022 года)

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Костромской государственной университет
Костромское региональное отделение
Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России»

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы межвузовской научной конференции,
посвящённой Дню славянской письменности и культуры
и Международному дню филолога
(г. Кострома, 24 мая 2022 года)

Текстовое электронное издание на компакт-диске

Кострома

КГУ

2022

Титул

**Сведения
об издании**

**Выпускные
данные**

Содержание

УДК 81(0.034)
ББК 81я434я04
К431

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

Р е ц е н з е н т :
кафедра отечественной филологии
Ивановского государственного университета

К431 **Кирилло-Мефодиевские чтения** : материалы межвузовской научной конференции, посвящённой Дню славянской письменности и культуры и Международному дню филолога (г. Кострома, 24 мая 2022 года) / сост. Н. Г. Коптелова, М. А. Фокина ; под ред. Н. Г. Коптеловой, М. А. Фокиной. – Кострома : Костромской государственный университет, 2022. – Электронные текстовые, граф. дан. (1,28 МБ). – Кострома : Костромской государственный университет, 2022. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) : цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 МВ RAM; свободное место на HDD 1,5 Гб; Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 Мб; CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8285-1230-0

В материалах конференции представлены исследования по проблемам славянской письменности, истории и культуры, межкультурной коммуникации, филологического и исторического образования в школе и вузе.

Для студентов, аспирантов и преподавателей вузов, учителей истории, русского языка и литературы, специалистов в области славянской филологии, истории и культуры.

УДК 81(0.034)
ББК 81я434я04

ISBN 978-5-8285-1230-0

16+

© Костромской государственный университет, 2022
© Коптелова Н. Г., Фокина М. А., составление, 2022

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Пленарный доклад <i>Федотова А. А.</i> «Юдоль плачевная»: библейский контекст «рапсодии» Н. С. Лескова	7
Раздел 1. Литературоведение. История	15
<i>Астахова А. Н.</i> Фальсификация истории в украинских школьных учебниках	15
<i>Коптелова Н. Г.</i> Особенности художественной рефлексии в стихотворении Г. В. Иванова «Только всего простодушный напев...»	20
<i>Морозов Н. Г.</i> Христианская мысль в «Слове о полку Игореве».....	27
<i>Осипова Е. А.</i> Проблема понимания в семейном изводе: Василий Розанов и Аполлинария Суслова	32
<i>Слепенков В. А.</i> Проблема пересмотра исторического прошлого в контексте современных событий на Украине	37
<i>Юдникова А. А.</i> Образ времени в книге очерков Б. К. Зайцева «Афон»	41
Раздел 2. Лингвистика. Методика преподавания языков	46
<i>Владимирова О. Н.</i> Неологизация в период пандемии COVID-19	46
<i>Мезенцева А. И.</i> Гуманитарное образование в вузах технического профиля: особенности, достижения, проблемы	51
<i>Орлова Н. Ю.</i> Коммуникативная направленность научно-популярного медиадискурса (на материале англоязычной научной журналистики)	55
<i>Смирнова П. П.</i> Особенности функционирования фразеологизма <i>белая ворона</i> в современных медиатекстах	60
<i>Соколовская А. А.</i> Интерпретация эмотивной лексики на основе пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад» на занятиях по русскому языку в иностранной аудитории	65
Раздел 3. Дискурсивное исследование текста. Филологический анализ художественного произведения	69
<i>Большова М. О.</i> Функции фразеологических единиц в романе Анатолия Рыбакова «Дети Арбата»	69

<i>Мамаева Д. А.</i>			
Вербализация концепта «Друг» в современной русской поэзии			74
<i>Павлова А. Э., Кулебянова Ю. С.</i>			
Фразеологические единицы как средство выражения парадоксальности в рассказах Н. А. Тэффи			78
<i>Сорокина Э. А.</i>			
Оценочные смыслы существительного «немец» и его производных в прозе Н. С. Лескова			81
<i>Фокина М. А.</i>			
Проблема изучения языка костромских писателей в школе и вузе			87
<i>Шохра Мохаммед</i>			
Дискурс власти в научной интерпретации Мишеля Фуко			92
Раздел 4. Pro memoria			98
<i>Морозов Н. Г.</i>			
Моя встреча с академиком Д. С. Лихачёвым в Пушкинском Доме.....			98
<i>Фокина М. А.</i> Традиции празднования Дня славянской письменности и культуры в Костромском государственном университете			99
Сведения об авторах			103

Титул

Сведения
об издании

Выпускные
данные

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

Межвузовская научная конференция «Кирилло-Мефодиевские чтения» состоялась в Костромском государственном университете 24 мая 2022 года и была приурочена к Дню славянской письменности и культуры и к Международному дню филолога.

Учредителями научного собрания выступили Костромской государственный университет и Костромская областная общественная организация «Многонациональная Кострома» – Костромское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России».

Участниками конференции явились студенты, аспиранты, преподаватели вузов; учителя русского языка и литературы, иностранных языков, истории; журналисты и работники культуры (всего – более 60 человек). В научном собрании приняли участие представители пяти вузов Российской Федерации: Костромского государственного университета – 52 человека; Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского – 3 человека (1 преподаватель, 2 студента); Саратовского национально-исследовательского университета им. Н. Г. Чернышевского – 2 студента; Российского университета дружбы народов (Москва) – 2 студента; Черноморского высшего военно-морского ордена Красной Звезды училища им. П. С. Нахимова МО РФ (Севастополь) – 1 преподаватель. Обучающиеся Костромского госуниверситета представили кафедры отечественной филологии, истории, романо-германских языков.

Цель и задачи проведения конференции: интеграция современного гуманитарного знания в области филологии, истории, культурологии и философии; обобщение научного и методического опыта в образовательной деятельности; определение проблем и перспектив дальнейших исследований в сфере русистики, славяноведения, межкультурной коммуникации; укрепление социальной роли русского языка как государственного языка Российской Федерации и одного из международных языков.

Основные научные направления конференции: отечественная и зарубежная филология (лингвистика, литературоведение, межкультурная коммуникация); журналистика; философия; культурология; история и археология; туризм. Формы проведения научного собрания: пленарное заседание, научные секции; конкурс научно-исследовательских работ студентов и аспирантов.

С приветственным словом выступил ректор КГУ Александр Рудольфович Наумов. Он отметил, что в вузе сложились давние традиции празднования Дня славянской письменности и культуры, Международного дня филолога и Дня русского языка, а также высоко оценил научно-методический и творческий потенциал костромских филологов. Председатель общественной организации «Многонациональная Кострома» Камран Бабаев представил выставку национальных костюмов славянских народов. Презентация творческого проекта «Национальный костюм как яркое проявление идентичности» вызвала большой ин-

терес участников праздничного форума. Затем задорно и темпераментно выступили студенты Костромского колледжа культуры. В их исполнении зрители увидели русские и белорусские народные танцы.

На пленарном заседании выступили профессора КГУ Александр Владимирович Зайцев и Алексей Вячеславович Зябликов, доктор филологических наук Анна Александровна Федотова (ЯГПУ им. К.Д. Ушинского). Учёные рассказали о языковой политике славянских государств, об особенностях использования кириллической азбуки и латиницы, о библейских мотивах в произведениях Николая Лескова, о роли имён собственных в пьесах Виктора Розова.

На секционных заседаниях обсуждались вопросы об истоках и традициях славянской письменности и культуры; проблемы изучения и сохранения славянских языков, славянской литературы и истории; славянского наследия в мировой культуре; духовно-нравственные проблемы русской литературы; особенности филологического анализа текста, функционирования языковых единиц в различных дискурсах; проблемы гуманитарного образования в школе и вузе.

По итогам секционных заседаний определились победители конкурса научно-исследовательских работ студентов и аспирантов. Дипломы конкурса получили аспиранты Осипова Елена (кафедра истории) и Юдникова Алёна (кафедра отечественной филологии); студенты-филологи КГУ: Большова Мария (5 курс, Педагогическое образование, Русский язык и литература); Кулебянова Юлия (5 курс, Педагогическое образование, Русский язык и литература); Сорокина Эльвира, студентка 2 курса Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского).

Участники научного собрания отметили, что конференция успешно состоялась, прошла торжественно, ярко, на высоком исследовательском уровне.

Н. Г. Коптелова

М. А. Фокина

ПЛЕНАРНЫЙ ДОКЛАД

УДК 821.161.1

А. А. Федотова

gry_anna@mail.ru

Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского

«ЮДОЛЬ ПЛАЧЕВНАЯ»: БИБЛЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ «РАПСОДИИ» Н. С. ЛЕСКОВА

Русский классик второй половины XIX века Н. С. Лесков на протяжении всего своего творчества активно обращался к текстам Ветхого и Нового Завета, что выразилось в значительном количестве библейских цитат и аллюзий в его произведениях. В рамках предлагаемой работы анализируются заимствования из Ветхого и Нового Завета в одном из последних произведений Лескова крупной формы – повести, или, в авторском определении, «рапсодии» «Юдоль» (1892). Новизна исследования определяется тем, что в нём выявляются и интерпретируются ранее не замеченные в литературоведении цитаты и аллюзии из Псалтыри, пророческой книги Варуха, а также Евангелия от Иоанна.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, Псалтырь, Ветхий Завет, Евангелие, рецепция, цитата, аллюзия.

A. A. Fedotova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

“THE LAMENTABLE VALE”: THE BIBLICAL CONTEXT OF N. S. LESKOV'S “RHAPSODY”

The Russian classic of the second half of the XIX century, N. S. Leskov, throughout his work, actively turned to the texts of the Old and New Testaments, which was expressed in a significant number of biblical quotations and allusions in his works. Within the framework of the proposed work, borrowings from the Old and New Testaments are analyzed in one of Leskov's last works of a large form – the novella, or, in the author's definition, the “rhapsody” “Yudol” (1892). The novelty of the study is determined by the fact that it identifies and interprets previously unnoticed quotations and allusions from the Psalms, the prophetic book of Baruch, as well as the Gospel of John.

Keywords: N. S. Leskov, Psalter, Old Testament, Gospel, reception, quotation, allusion.

Среди русских писателей-классиков XIX века творчество Н. С. Лескова выделяется ориентацией на «чужое» слово. С течением времени менялся круг авторов, на рецепцию работ которых был нацелен писатель, однако один из источников заимствований Лескова оставался неизменным – им выступала Библия, в которой автора равно интересовал и Ветхий, и Новый Завет.

За последние тридцать лет, начиная с 1990-х гг., в отечественном литературоведении был предпринят ряд серьезных шагов по изучению библейского контекста произведений писателя (см., например, [8, 12, 13, 14, 15, 17]). Между тем, вопрос о функционировании библейского текста в творчестве Лескова в целом, безусловно, не является решённым до тех пор, пока не появится отдельного исследования, посвящённого системному анализу данного вопроса. Изучение рецепции писателем Библии представляется сегодня особенно актуальным в связи с общей ориентацией современного литературоведения на изучение поэтики классической литературы в аспекте духовно-нравственных поисков писателей (см., например, работы В. Г. Андреевой [1; 2], И. А. Виноградова [6], М. И. Щербаковой [21]).

Название повести Лескова «Юдоль» провоцирует на восприятие её в библейском контексте. Слово «юдоль» – архаизм, который в современном Лескову языке имел нейтральный по стилистической окраске синоним – долина. Употребляя устаревшее слово, писатель тем самым отсылает читателя к известному фразеологизму «юдоль плачевна» (в современных вариантах – «юдоль плача», а также «земная юдоль»). Источником этого фразеологизма выступает Псалтырь, а именно 83 псалом, который в православном богослужении входит в молитвословия девятого часа, посвящённые крестной смерти Христа.

В оригинальном контексте выражение включено в седьмой стих. Обращаясь к Господу, авторы псалма (по мнению исследователей [7], это сочувствовавшие царю Давиду левиты) заключают: «Блаженъ мужъ, ему же есть заступленіе его у Тебе: восхожденія въ сѣрдцы своѣмъ положи, во юдоль плачевную, въ мѣсто еже положи: ибо благословеніе дасть законополагая» (Пс. 83: 6–7). В синодальном переводе эта фраза звучит следующим образом: «Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены к Тебе. Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает её благословением» [4].

По толкованию А. П. Лопухина [11], псалом был написан во время гонений на Давида его сына Авессалома, когда царь был вынужден убежать из Иерусалима. Под «долиной плача» в этом случае понимается место изгнания царя Давида и близких ему людей, а в утверждении псалмопевцев прочитывается упование на то, что даже будучи оторваны от храма, изгнанники не будут лишены блаженства, так как они уповают на Господа.

Между тем, как это вообще свойственно Псалтыри, прямой смысл 83 псалма дополняется и обогащается смыслом переносным. Об этом, в частности, писал, например, Мак Дональд, который считал, что основной тон псалму задаёт не столько грусть левитов и царя Давида, не имеющих возможности принять участие в богослужении в Иерусалиме, столько тоска «благочестивого пилигрима <...> по своей небесной родине» [5].

В переносном смысле фразеологизм «юдоль плачевная» («долина плача») обычно используется и общеупотребительно. Под ним чаще всего понимается «человеческая жизнь» или, точнее, трудности этой жизни, что также совсем не противоречит тексту псалма, ведь, по мнению его авторов, смиряясь и прини-

мая жизнь такой, как она есть, со словами благодарности Господу, человек принимает Бога в своё сердце.

Как мы увидим далее, Лесков в повести актуализирует оба переносных значения фразеологизма. Направляя внимание читателя на библейский контекст повести, он не ограничивается названием, но также ставит цитату из Ветхого завета, включающую слово «юдоль», в качестве эпиграфа. Лесков атрибутирует заимствование, указывая его источник: «Совеща Бог смиритися горе и юдолиями сполнитися в равень земную» (Варух: 5: 7). Характерно, что точная атрибуция цитаты не становится препятствием для её небольшого искажения, что вообще характерно для индивидуального стиля Лескова. В первоисточнике заимствованный писателем фрагмент звучит следующим образом: «Совѣща бо Бѡгъ смиритися всяцѣй горѣ высѡцѣй и холмѡмъ вѣчнымъ, и юдоліямъ наполнитися въ равень земную, да идетъ Израиль утвержень славою Бѡжіею» (Варух: 5:7).

Писатель цитирует фрагмент из последней, пятой главы небольшой по объёму книги Варуха, которая была написана для иудеев, которые оказались в вавилонском плену. Ситуация во многом параллельна описанной в 83 псалме. От лица Иерусалима Варух убеждает иудеев, что при условии покаяния они будут спасены Богом. Последняя глава, процитированная Лесковым, содержит в себе торжественную песнь, в которой автор говорит, какие обетования уготованы Израилю в случае помилования его Богом: «ибо Бог определил, чтобы всякая высокая гора и вечные холмы понизились, а долины наполнились, для уравниения земли, чтобы Израиль шёл твердо, со славою Божию» (Варух: 5:7).

Книга Варуха, в отличие от 83 псалма, не относится к широко используемым в церковном богослужении текстам. Из-за того, что Лесков редуцирует фразу, убирая пояснение «для уравниения земли», смысл высказывания, очевидно, затемняется. Целью дать читателю своеобразную загадку, заинтересовать его перед прочтением повести, очевидно, служит и цитирование не в синодальном переводе (сделан в 1876 году), а на церковнославянском языке. Показательна в этой связи и замена глагольной формы «наполниться» на «исполниться», которая усложняет восприятие фразы и также затушёвывает смысл, связанный с гиперболой «уравниения» гор и низменностей («долин») для облегчения пути народу Израиля.

Архаичные и настойчиво отсылающие к библейскому контексту название и эпиграф, которые активизируют восприятие читателя «Юдоли», стилистически контрастируют с основным повествовательным массивом текста. Последний представляет собой (или во всяком случае подаётся Лесковым) как «частные заметки о том, что случилось голодную зимою 1840 года в нашей деревеньке и по соседству» [9, 219]. Однако содержательно цитаты из Ветхого завета, безусловно, настраивают читателя на изображение ужасов жизни голодающей деревни в Орловской губернии первой половины XIX века.

Повесть отчётливо делится на две части. Первая часть посвящена собственно показу бедственного положения деревни, страдающей от засушливого лета, когда «всё посеянное пропало» [9, 225]. Лесков повествует о том, как по-

степенно теряют свой человеческий облик от голода крестьяне. При изображении «юдоли плача» писатель прибегает к градации, обращаясь ко всё более эмоционально насыщенным эпизодам. От смерти сельского дьячка и жестокого убийства пьяницы шорника Лесков переходит к описанию гибели четырёхлетней дочери птичницы Аграфены, а затем к сюжету о том, как дети убили соседского мальчика и хотели сжечь его тело в печи.

Образы детей в русской литературе XIX века традиционно используются для создания наиболее экспрессивных, воздействующих эмоционально на читателя сцен. С этой целью обращается к ним и Лесков. Убийство оставшимися без присмотра детьми соседского мальчика является своеобразной кульминацией одной из важнейших смысловых линий «Юдоли» – изображения жестокости, свойственной «натуре» русского крестьянина. Голод, по мнению писателя, стал той призмой, которая обнажила, сколь тонка грань, отделяющая человека от того, чтобы совершить преступление, насилие над другим человеком, и как легко переступить эту границу в экстраординарной ситуации, которой для крестьян оказывается практически полное отсутствие пищи.

Описание ужасов голодного года в первой части повести во второй части «Юдоли» сменяет характеристика жизни персонажа, который, безусловно, претендует на статус главной героини «рапсодии» – «тётушки Пелагеи» или «тёти Полли». Тётя Полли относится к типу поздних лесковских героинь, которых обычно именуют «праведницами». В литературоведении доказано, что образы подобного типа были созданы Лесковым под непосредственным влиянием толстовской проповеди. Однако сам писатель неизменно подчёркивал, что генетически эти героини восходят к христианскому учению.

Показательно, что чуть позднее по тексту второй части повести в словах тёти Полли вновь звучит отсылка к названию, теперь уже в контексте 83 псалма. Объединяющим первую и вторую части произведения выступает эпизод с убийством крестьянами шорника и изготовлением свечи из его сала. Бесстрастный нарратор не дал в первой части «рапсодии» какой-либо оценки этому событию, теперь Лесков даёт право оценить его тёте Полли: «Когда был кончен рассказ о свече и о всём том, что записано выше в этих воспоминаниях, тётя Полли вздохнула и сказала: – Да! ... здесь юдоль плача... голод ума, голод сердца и голод души» [9, 294]. Важно отметить, что в этих словах Лесков объединяет библейскую цитату с высказыванием Л. Н. Толстого. Летом 1891 года, также в разгар голодного года, Лесков обратился к Толстому с письмом (подробнее см. [19, 20]), в котором просил совета о том, что ему, как писателю, необходимо, прежде всего, делать для того, чтобы помогать голодающим крестьянам [10, 491].

В письме от 4 июля 1891 года Толстой обстоятельно расписывает Лескову причины, по которым, по его мнению, начался голод, а также подчёркивает, что «против голода одно нужно, чтобы люди делали как можно больше добрых дел <...> А куда этого не будет – голод всегда будет. Он всегда и был, и не переставал: голод тела, голод ума, голод души» [18, 11–12]. Показательно, что при цитировании Лесков вновь трансформирует исходный текст. Сохраняя вы-

разительное по синтаксису и основанное на анафоре построение толстовской фразы, Лесков убирает из неё выражение «голод тела», хотя оно вроде бы как нельзя лучше соответствует содержанию «Юдоли», и меняет его на словосочетание «голод сердца».

Это изменение принципиально. Трансформируя толстовскую цитату, Лесков по смыслу приближает её к столь важному для понимания авторского замысла библейскому контексту «рапсодии». Писатель переносит акцент на голод «внутреннего», а не «внешнего» человека, что является, как уже было сказано выше, одним из мотивов как 83 псалма («Истомилась душа моя, желая во дворы Господни»), так и Библии в целом. В итоге автор получает одно из наиболее ёмких выражений в третьей заповеди Блаженств, сформулированной Христом в Нагорной проповеди: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся (Мф.: 5:6).

Принципиальный для Лескова в «Юдоли» мотив голода и тоски человеческой души по Богу достигает своей кульминации в эпизоде молитвы тёти Полли и её подруги квакерши Гильдегарды: «Они пели “cantique” на текст “Приходящего ко мне не изгоню вон” (Иоанна: 6: 37), и слова их песни перед звёздами (в русском переводе) были таковы:

Таков как есть, – во имя крови,
За нас пролитой на кресте,
За верой, зреньем и прощеньем,
Христос, я прихожу к тебе.

Я был поражен и тихой гармонией этих стройных звуков, так неожиданно наполнивших дом наш, а простой смысл дружественных слов песни пленил моё понимание. Я почувствовал необыкновенно полную радость оттого, что всякий человек сейчас же, “таков как есть”, может вступить в настроение, для которого нет расторгающего значения времени и пространства. И мне казалось, что как будто, когда они тронулись к нему “за верой, зреньем и прощеньем”, и он тоже шёл к ним навстречу, он подавал им то, что делает иго его благим и бремя его лёгким...» [9, 297–298].

В этом фрагменте, который по своему эмоциональному накалу выделяется на фоне всей повести и является, безусловно, одним из её ключевых эпизодов, сосредоточены наиболее важные для понимания характера религиозности Лескова темы и идеи. Прежде всего, мысли о том, что каждый человек, в каком бы состоянии он ни находился, любим и принимаем Богом («Таков, как есть»), и о том, что сущность религии заключается в единстве движения Бога и человека друг к другу («Когда они тронулись к нему <...> и он тоже шёл к ним навстречу»).

Однако роль евангельской цитаты, принципиальность которой Лесков подчёркивает её точной атрибуцией, на этом не ограничивается. В общем контексте повести и ключевого для неё мотива голода особую важность приобретает тот факт, что в 6 главе Евангелия от Иоанна, откуда взята цитата, описывается эпизод с чудом насыщения пяти тысячи человек пятью хлебами и двумя рыбками. В разговоре с людьми, последовавшим сразу за чудом, Христос, меж-

ду тем, предупреждает их, что не стоит чересчур заострять внимание на утолении им телесного голода людей: «Вы ищете меня <...> потому, что ели хлеб и насытились. Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст Вам Сын Человеческий» (Ин. 6: 26– 27). Продолжая свою мысль, Христос говорит и более прямо: «Я есмь хлеб жизни; приходящий ко мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда <...> и приходящего ко мне не изгоню вон» (Ин. 6: 35–37).

Слова Евангелия от Иоанна окончательно проясняют, в каком смысле необходимо понимать ключевые для повести слова Лескова о том, что такое «голод ума, голод сердца и голод души». Писатель прямо отсылает читателя к тому фрагменту Нового Завета, в котором высказана мысль о том, что только в единстве с Христом возможно преодоление этого голода. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) в своей книге о Божественной литургии подчёркивает: «Человек духовен, он своими глубинами приобщен Богу, он живёт не одним хлебом, но и словом Божиим» [3]. А путь к искомому единству – как показывает Лесков на примере образа тёти Полли – это, прежде всего, путь служения своему ближнему. Общий контекст повести и её первая часть в особенности демонстрируют, что, если у человека отсутствует нравственный христианский идеал, то он может при внешне неблагоприятных обстоятельствах (голодный год) легко превратиться в животное, готовое пойти на убийство. Эта идея всегда была близка Лескову и отразилась, например, в его раннем очерке «Леди Макбет Мценского уезда».

Библейские цитаты и аллюзии пронизывают собой текст «рапсодии» Лескова «Юдоль». Обращением к словам Ветхого и Нового Завета характеризуются наиболее семантически ёмкие фрагменты произведения – название, эпиграф, эмоциональные кульминации первой и второй части повести. Библейский интертекст у Лескова – не разрозненные фрагменты, а единое смысловое целое, в котором каждая цитата дополняет и проясняет другую. А вместе они формируют подтекст произведения, придают ему серьёзную смысловую глубину и насыщенность. Цитаты из 83 псалма, пророческих книг Варуха и Исаии, наконец, Евангелия от Иоанна превращают цепочку «отрывистых» воспоминаний писателя об ужасах голодного 1840 года в рассказ о голоде человеческой души, жаждущей Бога, и о том, как этот голод преодолеть. Как точно заключает комментатор к 83 псалму: «Как дождь является благословением Божиим для сухой долины, так для человеческой жизни благословением является Божия благодать» [16]. И как возвышенно заканчивает свою повесть Лесков: «Я ощущал *голод* ума, и мне были милы те звуки, которые я слышал, когда тетя и Гильдегарда пели, глядя на звёздное небо, давшее им “зрение”, при котором можно всё простить и всё в себе и в других успокоить» [9, 311].

Список источников

1. Андреева В. Г. Н. В. Гоголь и Л. Н. Толстой: преемственность эпической традиции // Два века русской классики. 2022. № 1. С. 118–165.

2. *Андреева В. Г.* О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома : КГУ, 2016. 492 с.
3. *Антоний Сурожский (Блум)*, митрополит. О литургии. Беседа 1. URL: <https://antsur.ru/ru/o-liturgii-beseda-1-18-oktyabrya-1966-g/> (дата обращения: 04.05.2022).
4. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. URL: <https://bible-teka.com/> (дата обращения: 04.05.2022).
5. Библия. Комментарии Мак Дональда. URL: <https://bible.by/mcdonald/19/83/> (дата обращения: 04.05.2022).
6. *Виноградов И. А.* «Три эпохи» создания статьи Н. В. Гоголя о русской поэзии. К 175-летию «Выбранных мест из переписки с друзьями» // Два века русской классики. 2022. № 1. С. 6–57.
7. *Виссарион (Нечаев)*, епископ. Толкование на паремии из книги Бытия. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vissarion_Nechaev/tolkovanie-na-paremii-iz-knigi-bytija/3 (дата обращения: 04.05.2022).
8. *Долинина И. В.* Концептуализация понятия «праведник» как принцип создания одноименного цикла в творчестве Н. С. Лескова // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 1, № 1. С. 67–73.
9. *Лесков Н. С.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 9. М. : ГИХЛ, 1958. 652 с.
10. *Лесков Н. С.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 11. М. : ГИХЛ, 1958. 862 с.
11. *Лопухин А. П.* Толковая Библия. Толкование на Псалтырь. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_22/83 (дата обращения: 04.05.2022).
12. *Лукашевич М.* Библия в художественном мире рассказа Н. С. Лескова «Однодум» // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 259–266.
13. *Лукашевич М.* Христианские ценности и предубеждения в повести Николая Лескова «Полунощники» // *Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury* (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel). Brno :Masarykova univerzita, 2017. S. 77–87.
14. *Лукашевич М.* «Я не враг церкви, а её друг... и уверенный православный». Церковная проблематика в публицистике Н. Лескова. Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 542 s.
15. *Новикова А. А.* Мифопоэтический образ жар-птицы в христианском контексте повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» // Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (к 175-летию со дня рождения). М. : ИМЛИ РАН, 2010. С. 88–99.
16. Псалтырь. Комментарий Новой Женевской Библии. URL: <https://bible.by/parallel/syn/geneva-bible/19/83/> (дата обращения: 04.05.2022).
17. *Старыгина Н. Н.* Христианская семантика рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 2. С. 238–259.
18. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 66. Письма 1891–1893 гг. М. : ГИХЛ, 1958. 527 с.

19. *Федотова А. А.* Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков в полемике вокруг «страшного вопроса» 1891 года // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22, № 5. С. 135–140.
20. *Федотова А. А.* «Трудный рост»: рецепция в прозе Н. С. Лескова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 342 с.
21. *Щербакова М. И.* «Евангельская история»: широкий замысел свт. Феофана (Говорова) и пути его воплощения // Два века русской классики. 2022. № 1. С. 228–241.

Раздел 1

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ

УДК 94 (477)

А. Н. Астахова

anastasiaas122@mail.ru

Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ В УКРАИНСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

В статье рассматриваются основные факты фальсификации и умалчивания истории в украинских школьных учебниках. Кратко характеризуются политические события в Украине, влияющие на грубое искажение исторической памяти.

***Ключевые слова:** фальсификация истории, школьные учебники, современная Украина, искажение исторической памяти.*

A. N. Astakhova

Saratov National Research State

University named after N. G. Chernyshevsky

FALSIFICATION OF HISTORY IN UKRAINIAN SCHOOL TEXTBOOKS

The article discusses the main facts of falsification and omission of history in Ukrainian school textbooks. The political events in Ukraine that affect the gross distortion of historical memory are briefly characterized.

***Keywords:** falsification of history, school textbooks, modern Ukraine, distortion of historical memory.*

В современном мире мы все чаще встречаемся не со столкновением противоположных мнений о событиях, а с таким явлением, как историческая фальсификация. Отечественные политологи считают, что фальсификация истории есть заведомо ложное описание или интерпретация тех или иных событий, которая используется как в политических, так и в экономических или иных целях. Фальсификация истории также имеет свои тенденции [5; 6]. Например, иногда она проявляется в преувеличении подвигов нации или народа, в приписывании этносу недоказанной древности, а порой даже и в пересмотре характера и итогов некоторых войн.

После распада Советского Союза некоторые бывшие республики начали переписывать историю. В основном эти государства используют одни и те же тезисы: во-первых, это государство всегда боролось с Россией за свою независимость; во-вторых, государство находилось под оккупацией России и ее диктатуры; в-третьих, Россия использовала ресурсы этого государства, в том числе и народ. Эстония, Латвия и Литва первыми из постсоветских государств преуспели в фальсификации истории. Однако после 2014 года к ним присоединилась и Украина.

История Украины была переписана с момента распада СССР и обретения Украиной независимости в 1991 году. Практически сразу в обществе стали происходить глубокие изменения. В 2006 году президент Ющенко учредил Украинский институт национальной памяти. Перед ним были поставлены задачи, которые должны были повлечь за собой популяризацию и продвижение националистических организаций. В отношении деятельности института прозвучали обвинения в мифологизации истории Украины. И тогда же было подписано постановление от 14 октября 2016 года «О всестороннем изучении и объективном освещении деятельности украинского освободительного движения и содействии процессу национального примирения». Оно было нацелено на разработку комплекса мер по освещению участия украинцев во Второй мировой войне и других военных конфликтах XX века, в том числе затрагивающих деятельность Украинской повстанческой армии (УПА), Украинской освободительной организации и Организации украинских националистов (ОУН).

В 2007 году Ющенко присвоил звание Героя Украины посмертно командующему УПА Шухевичу, который был заместителем командира батальона «Нахтигаль», а в 2010 году – лидеру украинской националистической организации Бандере, организовавшему подготовку вооруженного националистического подполья и боровшегося против СССР вместе с немецкими фашистами. Однако оба в 2011 году были лишены этого звания через суд, заявление в суд подали Донецкая и Луганская республики. Также в 2007 году во Львовской области стали говорить о сносе памятников времен СССР. А в августе 2008 года были осквернены мемориальный памятник жертвам Яновского концлагеря и могилы советских воинов в годы ВОВ. В дальнейшем борьба с памятниками велась повсеместно. Так, по подсчетам главного архитектора Киева С. Целовальника, сделанным в 2015 году, в столице Украины подлежало уничтожению 145 памятников [11, 437].

Кроме того, в 2012 году Верховная Рада Украины представила закон «Об основах государственной языковой политики», который гарантировал использование в Украине «региональных языков», то есть языков, которые более 10 % населения считают родными. Согласно этому закону, население соответствующего региона может пользоваться родным языком в законодательно установленных областях наравне с государственным украинским языком (а таких областей по опросам было 13 из 27). В основном это регионы восточной и южной Украины и Киев. После смены правительства закон не был ратифицирован.

Сильный толчок к отвержению всего советского и русского дала новая националистическая власть после неконституционного переворота в 2014 году. История стала инструментом, средством формирования мнения, которое хочет видеть политическая элита. Пропаганда национализма охватила все сферы жизни. А самой уязвимой группой стали школьники, потому что они наиболее восприимчивы к информационному менеджменту в силу еще не укрепившегося взгляда на свою жизнь и в большей степени – на исторические и политические события. Тем более что США умеют пустить пыль в глаза местным жителям. Так, в 2013–2014 гг. американцы отремонтировали одну из Очаковских школ и обеспечили ее соответствующими учебниками. На ее открытии присутствовали представители госдепа США и ВМС Украины. Оказалось, что в школе оборудован военный технологический навигационный центр слежения [10, 131].

Все началось с того, что количество русскоязычных школ стало уменьшаться. В 2010 году в Киеве было 13 школ с русским языком обучения. После 2014 года в некоторых случаях прекратили набор русских классов, а русский язык ввели только для дополнительного обучения. Уже в 2020 году все школы были обязаны перейти на обучение на украинском языке, и это при том, что в Украине по-прежнему оставалось много людей, говорящих по-русски. В это время началось переписывание новой истории Украины.

Например, в учебнике для 5 класса «Введение в историю» есть такое понятие, как «Русь-Украина», а вместо славянских народов упоминаются «протоукраинские народы» [12, 34]. Утверждается, что украинцы и русские не объединены этнолингвистической группой, а Украина является наследницей Киевской Руси [9, 23]. Происходит разделение восточнославянских племен с выделением только тех племенных союзов, которые проживали на территории нынешней Украины. Таким образом, проводится граница между племенами там, где ее не было.

В учебниках не упоминается о событии 1654 году, когда Богдан Хмельницкий заключил договор с Алексеем Михайловичем о переходе в подданство русскому царю. Зато написано о том, что наследники Хмельницкого не смогли удержать власть, и поэтому украинские земли были поделены между Речью Посполитой и «Российской империей» (хотя на тот момент это было Московское царство). Школьникам сообщается, что в сражении под Конотопом московские войска, пытавшиеся завоевать Украинское казачье государство, были разбиты казаками под командованием Выговского. Но в учебнике не говорится о наступлении после смерти Хмельницкого смутного времени и о том, что Выговский был лишь ставленником поляков. В нем замалчивается и следующий факт: казаки, узнавшие о связях Выговского с поляками, восстали против него [3, 46].

Еще одним интересным периодом в истории Украины является двадцатый век. Показательно, что украинские учебники 2010 года говорят о том, что в Украине возникла сложная ситуация: существование двоевластия Украинской Центральной Рады и Совета большевиков [7, 112]. Авторитет большевиков рос,

а популярность Центральной Рады падала, народ был недоволен ее политикой. Граждане неукраинской национальности – русские, евреи и поляки были обеспокоены тем, что связи между Россией и Украиной прерываются. В учебнике, изданном в 2020 году, утверждается, что большевики, пришедшие к власти в России, хотели установить свою власть во всем мире. Для этого им понадобились ресурсы Украины [3, 100]. И в этом же учебнике написано, что Украинская Народная Республика пригласила австрийские и немецкие войска на свои территории для защиты от Красной Армии. Но позже немцы стали вести себя как оккупанты, вымогать продовольствие и ресурсы и вмешиваться в дела Украинской Центральной Рады. Вместе с тем в учебном пособии не упоминается такое событие, как восстание большевиков в Киеве в октябре 1917 года. В учебнике за 10 класс подчеркивается, что украинскому советскому правительству отводилась роль прикрытия для интервенции России. Большевики въехали в Харьков на машинах с плакатами «Смерть украинцам» [8, 198]. Однако в рассматриваемых учебниках не приводится никаких фактов, подтверждающих эти громкие слова.

В учебнике для 10 класса можно найти информацию о том, что голод 1921–1922 годов был запрограммирован с самого начала, что все зерно с Украины специально вывозилось в Петроград и Москву [2, 165]. Но там совсем не сказано, что голод был не только на Украине, но и во всем Поволжье, и что правительство закупило около 100 миллионов тонн продовольствия за рубежом для голодающего населения на деньги золотого запаса Российской империи. Также немало мифов было собрано в учебниках о Великом голоде 1932–1933 годов [1, 167]. Опять же во всех учебных пособиях по истории последовательно проводится мысль о том, что от этой беды пострадала только Украина. В учебниках для 5-го класса указано, что специально созданный властями геноцид унес около 4 миллионов жизней [3, 109]. А в учебнике для 10-го класса говорится о том, что от голода погибло много украинцев: от 3 до 7, а иногда и 10 миллионов человек [8, 208]. Однако сами приведенные в учебниках цифры несколько отличаются от официальных данных. Ведь по всей Украине в 1932–1933 годах по самым разнообразным причинам погибло 2,5 миллиона человек. Возможно, указаны не все смерти. Но не стоит забывать, что люди могли погибнуть и от болезней, отравлений и естественных причин. Приведенная в учебнике цифра может быть искусственно завышена, чтобы доказать, что большевики хотели устроить геноцид. Аналогичная история с репрессиями 1930-х гг. В учебнике истории за 10 класс 2018 года есть фотография детей в концлагере за колючей проволокой с подписью «дети узники ГУЛАГа». Но авторы обрезают картинку. На самом деле это немецкий концлагерь [4, 214].

Объектом фальсификации в украинских школьных учебниках стала и Великая Отечественная война. Авторы отказались от привычных формулировок, и теперь эту войну называют советско-германской или просто Второй мировой войной, в которую Украина была втянута по вине Советского Союза. Также героями тех войн являются не советские солдаты, а члены организации украин-

ских националистов и Украинской повстанческой армии, участвовавшие на стороне гитлеровской Германии [3, 110].

В заключение хотелось бы сказать, что фальсификация истории, которая шла все это время, оказала сильное влияние на народ Украины. Многовековая история связывала Украину и Россию на протяжении многих лет, но сейчас Украина повторяет ту же историческую ошибку, что и веками ранее. В борьбе за свою свободу с помощью других государств Украина теряет свою независимость и историю.

Список источников

1. *Власов В. С., Данилевская О. М.* Введение в историю Украины. 5 класс. Киев : Генеза, 2010. 200 с.
2. *Власов В. С., Кульчицкий С. В.* История Украины для 10 класса. Киев : Литера, 2018. 256 с.
3. *Гисем О. В.* Вступ в историю: навч. вступление в историю : учеб. за 5 кл. Харьков : Утро, 2018. 144 с.
4. *Гисем О. В., Мартинюк О. О.* История Украины (ривен стандарту) : підручн. для 10 кл. [История Украины (стандартный уровень) : учеб. для 10 классов]. Харьков : Ранок, 2018. 240 с.
5. *Курьлев К. П., Станис Д. В.* Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутривитического нестабильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (43). С. 114–117.
6. *Мартынов А. С.* Новейшие националистические фальсификации истории Великой Отечественной войны на Украине // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт : сборник научных статей. Омск : ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. 2020. С. 164–171.
7. *Мисан В.* Вступ до истории Украины : навч. для 5 классов. Введение в историю Украины: учеб. для 5 классов. Киев : Генеза, 2010. 176 с.
8. *Пометун О. И., Гупан Н. М.* История Украины для 10 классов [за 10 классов]. Киев : Орion, 2018. 256 с.
9. *Свидерский Ю., Романишин Н.* История Украины : навч. для 7 классов. [История Украины : учеб. для 7 кл.]. Киев : Диплом, 2020. 176 с.
10. *Цыплин В. Г.* США продолжают осваивать Украину // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления : материалы VI Международной научной конференции (Саратов, 13 апреля 2018 г.) / (отв. ред. С. Г. Ивченко). Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 129–133.
11. *Цыплин В. Г.* «Зачистка» памятников участникам ВОВ как способ поддержания температуры риторики против России в 2015 году // Конфликты в современном мире: международное, государственное и межличностное измерение : материалы V Международной научной конференции (Саратов, 8 апреля 2016 г.). М. : Перо, 2016. С.484–488.
12. *Щупак И. Я., Пискарева И. А., Бурлака Е. В.* Вступ до истории для 5 классов. [Введение в историю для 5 класса]. Киев : Орion, 2018. 192 с.

Н. Г. Коптелова

nkoptelova@yandex.ru

Костромской государственной университет

**ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ
В СТИХОТВОРЕНИИ Г. В. ИВАНОВА
«ТОЛЬКО ВСЕГО ПРОСТОДУШНЫЙ НАПЕВ...»**

В статье рассматриваются особенности художественной рефлексии, проявившейся в лирическом стихотворении Г. В. Иванова «Только всего – простодушный напев...» (1931), диалогически соотносящемся с произведениями И. Ф. Анненского и Н. С. Гумилёва.

Ключевые слова: Г. В. Иванов, И. Ф. Анненский, Н. С. Гумилёв, художественная рефлексия, творческий диалог, лирика, образ, мотив.

N. G. Koptelova

Kostroma State University

**FEATURES OF ARTISTIC REFLECTION
IN THE POEM BY G. V. IVANOV
“JUST A SIMPLE-MINDED TUNE...”**

The article examines the features of artistic reflection, manifested in the lyrical poem by G. V. Ivanov “Just a simple-minded tune...” (1931), which is dialogically correlated with the works of I. F. Annensky and N. S. Gumilev.

Keywords: G. V. Ivanov, I. F. Annensky, N. S. Gumilev, artistic reflection, creative dialogue, lyrics, image, motive.

В последние десятилетия в контексте исторической поэтики в русском литературоведении на первый план всё чаще выходит проблема художественной рефлексии [3, 6, 14,]. Исследователи рассматривают функции, формы и приёмы этого литературного явления на материале русской словесности XIX–XX веков [7, 9, 15, 17].

Творческие искания Г. В. Иванова характеризуются настойчивым стремлением к художественной рефлексии, выраженной в самых разнообразных формах. Несомненно, рефлексивное начало особенно ярко проявляется в его эмигрантской лирике. Это объясняется тем, что, находясь в изгнании, поэт активно пытается найти духовную опору в диалоге с отечественной литературной традицией.

Рассмотрим особенности художественной рефлексии, реализовавшейся в лирическом стихотворении Иванова «Только всего – простодушный напев...» (1931), созданном в эмиграции. Впервые оно было опубликовано в журнале «Современные записки» (1931, кн. 47), а затем вошло во второй зарубежный

сборник поэта «Отплытие на остров Цитеру» (1937). Смысловая доминанта этого произведения подчинена воплощению художественной философии «музыки», являющейся стержнем лирической системы Иванова:

Только всего – простодушный напев,
Только всего – умирающий звук,
Только свеча, нагорев, догорев...
Только. И падает скрипка из рук.

Падает песня в предвечную тьму,
Падает мёртвая скрипка за ней... [8, 264].

Семантическое ядро стихотворения создаётся благодаря концентрации «музыкальных» символов: «простодушный напев»; «умирающий звук»; «песня», «падающая в предвечную тьму»; «скрипка»; «мёртвая скрипка», падающая из рук музыканта. При этом Иванов включается в диалог с поэтами-современниками (И. Анненским, А. Блоком, А. Белым, Вяч. Ивановым, В. Ходасевичем), опирающимися на романтическую традицию и разрабатывающими в своём творчестве концепцию «музыки» как первоосновы бытия. Представляется, что в этом произведении запечатлена поэтическая рефлексия Иванова на образный мир стихотворения И. Ф. Анненского «Смычок и струны» («Трилистник соблазна» сборник «Кипарисовый ларец» (1910)), выраженная в игре аллюзиями и реминисценциями. Как точно подчёркивает М. К. Лопачева, в художественном сознании Иванова Анненский занимал особое место, как автор, духовно близкий и интересный в творческом отношении [10]. От Анненского Иванов наследует мотивы затихающего («умирающего») звука и звука отражённого («эха»), репрезентированные также, например, в его стихотворении «Я люблю...» («Трилистник замиранья»). Иванов также переосмысливает в своём стихотворении и образ горящей свечи, весьма частотный в «Тихих песнях» (1904), в «Кипарисовом ларце» (1910) и в контексте поэтического творчества Анненского обладающий самой разнообразной семантикой [11].

У Анненского:

Смычок всё понял, он затих,
А в скрипке эхо всё держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На чёрном бархате постели [1, 63].

У Иванова: «Только свеча, нагорев, догорев...»; «И неподвластно уже никому, / < ... > Чудное эхо её повторит» [8, 264].

Иванов солидаризируется с Анненским в понимании трагической природы художественного творчества, оцениваемого как предельная самоотдача

и даже самопожертвование. У Анненского за вдохновенный порыв, за «музыку», скрипка расплавляется болью, мукой, истощением всех физических сил: «И скрипка отвечала “да”, / Но сердцу скрипки было больно»; «И было мукою для них, / Что людям музыкой казалось» [1, 63]. Но Иванов ещё более усиливает трагическое звучание мотива самопожертвования во имя творчества, сдвигая его смысловое наполнение в сторону экзистенциального отчаяния. Это можно почувствовать по трансформации образа «свечи», происходящей в контексте ивановского стихотворения. Н. В. Налегач точно дешифрует семантику символа свечи, использованного в стихотворении Анненского «Смычок и струны»: «<...> пара свечей в образной композиции соотнесена с парными элементами музыкального инструмента (скрипки) посредством мотива роковой предопределенности того, что им выпало: “Кому ж нас надо? Кто зажжёт / Два жёлтых лика, два унылых... / И вдруг почувствовал смычок, / Что кто-то взял и кто-то слил их”. Язычки пламени зажжённых свечей образуют такую же пару, как встретившиеся по воле рока-музыканта смычок и струны, благодаря чему усиливается мотив высшей власти Красоты, Любви, Музыки, мучительно раскрывающейся в невольности субъектов переживания, прикоснувшихся к тому или иному идеалу. И мука здесь не только страдание горения/звучания (то есть самого переживания как такового), но из-за невольности случившегося – “кто-то взял и кто-то слил их” – мучительное понимание хрупкости переживаемого счастья и неподвластности события любви, вдохновения, жизни человеческой воле» [11, 30].

В интерпретации же Иванова в стихотворении «Только всего – простодушный напев...» образ свечи обретает танатологическую коннотацию, зафиксированную в парадигме русских символистов, реконструированной А. Ханзен-Лёве [16, 310]: «Только свеча, нагорев, догорев... / Только. И падает скрипка из рук. / Падает песня в предвечную тьму, / Падает мёртвая скрипка за ней» [8, 264]. Собственно, это тот случай когда «“свеча” ассоциируется почти исключительно с угасанием, т. е. смертью и уничтожением» [16, 310]. Такая трактовка образа свечи, как точно подчёркивает А. Ю. Арьев [2, 624], также встречается, например, в стихотворении Анненского «Струя резеды в тёмном вагоне» (раздел «Складни» в сборнике «Кипарисовый ларец»): «Пока свечи плывут» [1, 109]. Примечательно, что это произведение великого предшественника тоже оказывается предметом лирической рефлексии в стихотворении Иванова «Был замысел странно-порочен...» (сборник «Портрет без сходства» (1950)), воспринимаемого как веха на пути формирования его внутренне противоречивой, основанной на смысловых контрапунктах, поэтической концепции «музыки»:

И всё-таки тени качнулись,
Пока догорала свеча.
И всё-таки струны рванулись,
Бессмысленным счастьем звуча [8, 280].

И в стихотворении Анненского «Смычок и струны», и в стихотворении Иванова «Только всего – простодушный напев...» скрипка – это одушевлённое существо. В лирическом сюжете, созданном как Анненским, так и Ивановым, её образ функционирует в качестве персонажа. В истолковании обоих авторов образ скрипки в определённой степени ассоциируется с героями грустных сказок Г. Х. Андерсена. В чудесных андерсеновских историях одушевлённые и даже одухотворённые представители вещного мира так же, как в лирическом повествовании Анненского и Иванова, часто страдают, погибают и жертвуют собой во имя гармонии и красоты. Но отношения «скрипки» и «музыканта», по художественной версии Анненского и Иванова, складываются по-разному. У Анненского музыкант – это повелитель скрипки, властный и беспощадный демиург, который распоряжается судьбой «смычка» и «струн», независимо от их воли: «И вдруг почувствовал смычок, / Что кто-то взял и кто-то слил их» [1, 62]; «Но человек не погасил / До утра свеч... И струны пели... / Лишь солнце их нашло без сил / На чёрном бархате постели» [1, 63]. В отличие от Анненского, у Иванова музыкант и скрипка сроднены, слиты воедино стихией «музыки», у них общая судьба и общий час смерти в момент самопожертвования во имя творчества [8, 264].

Это существенное различие связано с тем, что в структуру поэтической рефлексии, подпитывающей художественную систему стихотворения «Только всего – простодушный напев...», помимо рецепции стихотворения Анненского «Смычок и струны», включается и творческий диалог Иванова с произведениями его друга и соратника по акмеизму Н. Гумилёва. Переключка с Гумилёвым, несомненно, вносит в смысловое пространство ивановского произведения элемент творческой полемики со столь близким поэту-эмигранту Анненским. Дело в том, что в стихотворении Иванова соединяются отголоски новеллы Гумилёва «Скрипка Страдивариуса» (1908) и его стихотворной баллады «Волшебная скрипка» (1908), генетически связанной с названной новеллой [4, 49], [12, 68] и открывающей преакмеистский сборник «Жемчуга» (1910). Но при этом Иванов не просто заимствует мотивы диалектически соотносящихся [12, 68] гумилёвских творений, но переосмысливает их.

Из новеллы Гумилёва Иванов, во-первых, наследует мотив творческого «сращения» чудесной скрипки Страдивариуса с музыкантом Паоло Беллини до нарушения героем клятвы верности боговдохновенному музыкальному инструменту [5, т. 2, 219]. Во-вторых, он осваивает и радикально пересоздаёт завершающий новеллу мотив «смерти скрипки» и гибели музыканта, позарившегося на сверхъестественную «скрипку-Прообраз», принадлежащую Дьяволу. Паоло Беллини предаёт и уничтожает свой уникальный музыкальный инструмент, подаренный ему Страдивариусом. В конце концов, он убивает и сам себя: «Так умерла лучшая скрипка Страдивариуса; так покорно погиб её убийца» [5, т. 2, 223].

Кроме того, лирический герой ивановского стихотворения словно выполняет данное в финале стихотворения Гумилёва напутствие «милому мальчику»,

дерзко желающему постичь мистическую тайну «музыки», овладеть «волшебной скрипкой» и готовому расстаться с жизнью, взяв её в «повелительные руки»: «На, владей волшебной скрипкой <...> / И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!» [5, т. 1, 82].

Примечательно, что характеристика «музыки», аллегорически раскрывающей сущность поэтического творчества, в стихотворной балладе и в новелле Гумилёва строится на оксюморонах. Например: «счастье, отравляющее миры»; «духи ада любят слушать эти царственные звуки»; «ты поймёшь тогда, как злобно насмеялось всё, что пело»; «славная» и «страшная смерть скрипача» [5, т. 1, 82]. Поэтика парадокса в «Волшебной скрипке» обнажает двойственную природу искусства, вбирающего в себя, с точки зрения Гумилёва, как божественное, так и демоническое.

Согласно философской концепции Гумилёва, несмотря на желание «мальчика» проявить сильную волю и перейти порог человеческих возможностей, взяв в руки «волшебную скрипку», он, в отличие от музыканта из стихотворения Анненского «Смычок и струны», становится не демиургом, а работником «музыки», прекрасной, но губительной стихии. А вот в лапидарном стихотворении Иванова, как уже отмечалось выше, союз музыканта и скрипки оказывается добровольным и равноправным. Они оба погибают одновременно, «падая» в «предвечную тьму» [8, 264]. Поэт-эмигрант ничего прямо не говорит об отношении «музыки» к сфере божественного или дьявольского. Тем не менее, подобно Гумилёву, он иносказательно выражает свою художественную философию через систему оксюморонов. Арьев, комментируя ивановскую строку «Падает песня в предвечную тьму», точно подчёркивает: «<...> слово “предвечный” (существовавший всегда, безначальный) обычно употребляется в церковном обиходе – для указания на Христа: “предвечный младенец” (Иисус), “предвечное царство Господа нашего Иисуса Христа” и др.» [2, 609]. Соединяя эпитет «предвечный» с существительным «тьма», Иванов также использует приём соединения несоединимого, активно задействованный в «Волшебной скрипке» Гумилёва. С помощью него автор стихотворения «Только всего – простодушный напев...» акцентирует идею соприкосновения ушедших из земного мира «музыканта» и «скрипки» с вечностью. Речевые парадоксы, использованные Гумилёвым, также отзываются в ивановском произведении оригинальными сочетаниями лексем: «тяжелей и нежней», «слаще и горестней» [8, 264].

Таким образом, поэтическая рефлексия, направленная на освоение упомянутых произведений Анненского и Гумилёва, проявившаяся в стихотворении Иванова «Только всего – простодушный напев...», включает в себя элементы как творческого согласия, так и полемики. Показательно, что в первой строке своего произведения поэт-эмигрант опровергает представление о «музыке» как о прорыве в мир высокой красоты и муки, свойственное Анненскому. Иванов уходит и от восприятия «музыки» как «дионисической», колдовской стихии, характерного для Гумилёва. В противоположность своим предшественникам,

в начале стихотворения он намеренно деромантизирует характеристику «музыки», символизирующей его собственное творчество. За метонимическим выражением «Только всего – простодушный напев» стоит скромная, а точнее, даже заниженная самооценка автора как лирика.

Но затем по нарастающей усиливается трагическое звучание текста ивановского стихотворения, поскольку в нём последовательно развивается тема всё разрушающей смерти: смерти музыканта, смерти скрипки и даже смерти музыки, «песни»: «Падает песня в предвечную тьму» [8, 264]. Тем не менее, в последней строфе Иванов прибегает к весьма специфичному для него приёму резкого переключения смыслового регистра. Он неожиданно переходит от экзистенциального отчаяния к просветлённой вере в вечную жизнь «музыки», то есть собственной лирики, искусства поэзии вообще. Возникает весьма важный для художественной системы Иванова мотив «отражения», «эха», преодолевающего смерть «песни», а значит, и её творца. В финале стихотворения, отказываясь от рефлексии на произведения Анненского и Гумилёва, автор открыто обозначает свою собственную творческую позицию, без оглядки на мнение авторитетных предшественников:

И, неподвластно уже никому,
В тысячу раз тяжелей и нежней,
Слаще и горестней в тысячу раз,
Тысячью звёзд, что на небе горит,
Тысячью слёз из растерянных глаз –

Чудное эхо её повторит [8, 264].

Процитированный отрывок стихотворения транслирует ключевые идеи художественной аксиологии позднего Иванова: «песня», созданная одиноким и ушедшим из земного мира творцом, отражённая в многоголосом, хоровом «эхе», становится достоянием уже многих, «тысяч», «я». И это даёт ей новую, ещё более прекрасную жизнь, дарит истинное бессмертие. Здесь просматривается постсимволистский вектор эволюции Иванова-поэта. По сути, в финале стихотворения он приходит к формулировке идеала «эстетической соборности», который младосимволисты (А. Блок, Вяч. Иванов, А. Белый) объявляли высшей целью своих творческих исканий.

Арьев одной из доминант стиля лирики Иванова пронизательно называет такую особенность, как «рефлексия на собственную рефлексия» [2, 674]. Действительно, рассмотренное нами стихотворение «Только всего – простодушный напев...» само становится предметом авторефлексии Иванова в стихотворении «Прозрачная, ущербная луна...» (1944 – 1958), которое при жизни поэта не было включено ни в один сборник. Эти произведения отчётливо перекликаются между собой и образуют своеобразный поэтический диптих, построенный по модели лирического дневника [13]. Однако вопрос о циклообразующей роли художественной авторефлексии Иванова, воплотившейся в этом стихотворном двуединстве, требует специального исследования.

Список источников

1. *Анненский И.* Избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. А. Фёдорова. Л. : Худож. лит., 1988. 736 с.
2. *Арьев А. Ю.* Примечания // Иванов Георгий. Стихотворения. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. С. 485–732.
3. *Бак Д. П.* История и теория литературного самосознания: Творческая рефлексия в литературном произведении : учеб. пособие. Кемерово : Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1992. 82 с.
4. *Богомолов Н.* Примечания // Сочинения: в 3 т. / вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. Т. 1: Стихотворения. М. : Худож. лит., 1991. С. 477–577.
5. *Гумилёв Н.* Сочинения : в 3 т. / вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. М. : Худож. лит., 1991.
6. *Ибатуллина Г. М.* Исповедальность и рефлексия в структуре литературного текста: парадигма взаимоотношений и пути её изучения // Гуманитарные научные исследования. 2020. № 2. URL: <http://human.snauka.ru/2020/02/26397> (дата обращения: 10.02.2022).
7. *Ибатуллина Г. М.* Сквозь призму образа: художественная рефлексия в поэтике русской литературы XIX – XX вв. : монография. Уфа : Гилем, 2013. 320 с.
8. *Иванов Георгий.* Стихотворения. М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. 784 с.
9. *Коптелова Н. Г.* «Снегурочка» А. Н. Островского в художественной рефлексии А. Блока // Шахматовский вестник / отв. ред. И. С. Приходько. М. : Наука, 2008. Вып. 9. С. 166–172.
10. *Лопачева М. К.* Радость отраженья (Иннокентий Анненский в художественном сознании Георгия Иванова) // Русская литература. 2008. № 4. С. 3–22.
11. *Налегач Н. В.* Символика свечи в поэзии Иннокентия Анненского // LIBRI MAGISTRI. 2015. № 2. С. 27–34.
12. *Осипова Н. О.* Полифункциональность музыки в системе интермедиальной поэтики Н. С. Гумилёва // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 16. С. 64–70.
13. *Тарасова И. А.* Жанр дневника в поэзии Георгия Иванова // Жанры речи. 2009. № 6. С. 364–375.
14. *Тюпа В. И., Бак Д. П.* Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Тюпа. Кемерово : Изд-во КГУ, 1988. С. 4–15.
15. *Хадынская А. А.* Формы авторской рефлексии в лирике Г. Адамовича // Культура и текст. 2021. № 1(44). С. 31–42.
16. *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб. : Академический проект, 2003. 814 с.
17. *Хатямова М. А.* Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой четверти XX века. М. : Языки славянской культуры, 2008. 328 с.

Н. Г. Морозов

kaf_ofg@ksu.edu.ru

Костромской государственной университет

ХРИСТИАНСКАЯ МЫСЛЬ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В статье осуществлён анализ лексики и сюжетных эпизодов «Слова о полку Игореве» с целью определения христианской мысли автора.

Ключевые слова: древнерусская литература, поэтика повторов и рефренов, лексика, сюжетные сцепления, христианская мысль автора.

N. G. Morozov

Kostroma State University

CHRISTIAN THOUGHT IN “THE WORD ABOUT IGOR'S REGIMENT”

The article analyzes the vocabulary and plot episodes of the “Word about Igor's regiment” in order to determine the Christian thought of the author.

Keywords: Old Russian literature, poetics of repetitions and refrains, vocabulary, plot couplings, Christian thought of the author.

Перед тем как обратиться к теме данной статьи, необходимо совершить небольшой экскурс в прошлое. В 1985 году вся отечественная и мировая научная общественность отмечала 800-летие «Слова о полку Игореве». В частности, известный историк, академик Б. А. Рыбаков с группой единомышленников подготовил к печати сборник «“Слово о полку Игореве” и его время». В 1985 году книга с таким названием увидела свет благодаря издательству «Наука». Этот коллективный труд до настоящего времени представляет интерес для всех поколений отечественных и зарубежных учёных [6]. Выскажу по этому поводу несколько замечаний общего характера, а затем перейду к рассмотрению конкретной проблемы.

Научная ценность этого сборника, по мнению составителей, прежде всего, заключается в публикации реконструкции структуры «Слова о полку Игореве», воссозданной академиком Б. А. Рыбаковым. Однако Э. Я. Гребнева в статье «Дух древности» выразила категорическое несогласие с предложенной Рыбаковым «структурой» текста «Слова о полку Игореве». Так, она утверждает: «Композиция оригинала, несомненно, должна быть пунктуально сохранена, вопреки настойчивым попыткам Б. А. Рыбакова перестроить всё “Слово”, подчинив его хронологическому порядку следования исторических событий. Автор писал не летопись, а художественное произведение, в котором композиция подчинена замыслу» [2, 184]. К полемическим замечаниям исследовательницы можно добавить и следующее: при всех несомненных достоинствах сборника, подготовленного под руководством Рыбакова, в некоторых его статьях прослеживается

атеистическая установка на борьбу с христианством как суеверием, недостойным образованного и культурного советского человека. Вот по этому поводу необходимо сделать ряд замечаний.

Речь пойдёт о статье В. П. Даркевича «Музыканты в искусстве Руси и вещей Боян». В самом начале статьи Даркевич определяет историко-культурный масштаб образа Бояна. Он отмечает уникальные способности легендарного певца: «Но Боян предстаёт перед нами не только как реальное историческое лицо, хранитель коллективной памяти и традиций. Его собирательный образ отмечен типическими чертами древних бардов, которые обладали средствами магического воздействия на окружающий мир <...>, в фигуре песнотворца прослеживается первобытно-варварская основа, дохристианский субстрат, связывающий его с сакральной областью. Боян совмещает несовместимое, низводя божественное на уровень человеческого и преобразуя человеческое в божественное» [3, 322]. Здесь уже можно прервать цитирование автора статьи, настолько увлечённого сверхспособностями древнего барда, что утрачивает ощущение опасной грани между истинным Сыном Божьим и язычником-колдуном. Но дело-то в том, что автор «Слова о полку Игореве» и не скрывает причастности Бояна к волхованию и трансформациям в зверей и птиц, чудесному перемещению его мысленного взора через грады, веси, леса, реки Руси с тем, чтобы вовремя заметить опасности иноплеменных вторжений. Всё это по праву числилось за Бояном, «внуком» скотьего бога Велеса (ещё одно практическое, хозяйственное качество языческого певца-мага). Но эти «заслуги» Бояна в «Слове о полку Игореве» отмечает и восхваляет старый певец, ученик и последователь языческой, антихристианской, традиции. И ему необходимо её утвердить, отстоять перед новым поколением певцов – не великокняжеских, киевских, а региональных, удельных. К последним принадлежит автор «Слова о полку Игореве». Вот потому-то, по его замыслу, до повествования о походе князя Игоря Новгород-Северского на половцев чрезвычайно важно решить спор о старом и новом стилях – Бояна и автора. Для последователя Бояна сама постановка такого вопроса – кощунство и святотатство с позиции правоверного язычника. А для автора «Слова о полку Игореве» – поэта-христианина – решение человеколюбивой и патриотической задачи (в первую очередь, а затем и эстетического обновления искусства песнетворчества).

Эпоха Бояна подошла к закату: его Русь распадается, ей грозят степные варвары. И автор «Слова», хотя и отдаёт дань уважения талантам легендарного Бояна, уже не может жить и творить по лекалам «первобытно-варварской» магии. Именно поэтому он позволяет оппоненту славословить таланты Бояна, а затем, обращаясь к народу, зрителям (ремесленникам и мелким торговцам) начинает давать комментарии к определениям обрядово-мифологических действий кудесника Бояна. Времена-то не прежние, тайная суть магии в глазах простонародья выглядит чужаковатой и почти смешной («десять соколов на стадо лебедей» пускал, чтобы играть на гусях).

Так состязание двух поэтов – язычника-Боянопевца и автора – христианского походного певца князя Игоря – закономерно оканчивается победой ново-

го стиля. А, значит, и закатом «языческих времен». С этого момента именитые певцы – Боян и Ходына – следуют за молодым песнотворцем – к новым, христианским, временам.

* * *

За последние десятилетия отечественная филология в значительной мере обогатила наши представления о лексике «Слова о полку Игореве». Так, в глубокой и содержательной статье Г. Ф. Одинцова «Стружие» [5] было не только раскрыто истинное значение древнеславянского слова «стружие» («копье, наконечник копья»), но и доказана связь его с военной атрибутикой князя. Одинцов в конце статьи делает важное для исследователей поэтики «Слова о полку Игореве» заключение: «Итак, древнерусское, по всей вероятности, архаичное, но не церковнославянское, народное восточнославянское по происхождению слово *стружие* имело значение “копье” и, подобно таким синонимам, как копье, дротик, сулица), употреблялось также в значении “наконечник копья”; с той и другой семантикой этот термин представлен в “Слове о полку Игореве”» [5, 173].

Вывод Одинцова важен в двух отношениях. Во-первых, слово «стружие» никаким образом не связано с церковнославянской лексикой и христианством. Напротив, это слово корнями своими уходит в народную, языческую, культурную почву. Во-вторых, нельзя не обратить внимание на сюжетное и образное обрамление слова «стружие» в «Слове о полку Игореве». Первый раз это слово появляется в описании языческого обряда прославления князя Игоря после первой победы над половцами. Д. С. Лихачев, рассматривая этот фрагмент, уделил внимание искусству автора «Слова» чутко улавливать нравственно-психологические состояния героев, мастерски передавать душевный подъём победителей, буйство удали и отваги. Вот как характеризует Лихачев рыцарский обряд уничтожения богатых трофеев (за которым должен последовать обряд обретения князем Игорем истинного сокровища – славы победителя): «Автор “Слова” понимает молодецкое презрение к роскоши воинов Игоря, которые, потоптав “поганые” полки половецкие, “помчали красныя дѣвки половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорчыи половецкыми”. И одновременно с этим сочувственным пониманием удали воинов автор “Слова” с ласковой чуткостью приоткрывает нам душевные переживания юной жены Игоря – Ярославны, плачущей по своему муже» [4, 190]. Но Лихачев, к сожалению, прерывает анализ эпизода, обратившись к образу юной жены Игоря Ярославны. В результате дальнейшее продолжение военного ритуала победителей уходит из поля зрения читателей. Между тем, этот эпизод имеет огромное значение для осмысления слова «стружие», его значения в сюжете и образной системе «Слова о полку Игореве». Приведу этот отрывок: «Чрълень стягъ, бѣла хорюговь, урьлена уолка, сребрено стружие – храброму Святъславличю!» [1, 29].

Итак, в цитированном отрывке воздаются честь и слава «храброму Святославичю», а в числе почётных трофеев упоминается серебряное копье – «стру-

жие». Это личное оружие князя, а в данном случае – одного из половецких ханов, чьи полки воины Игоря «потопташа», то есть наголову разбили. Таким образом, «стружие» половецкое у ног Игоря – верный, казалось бы, признак победы. Но, как показали последующие события, этот признак грядущего военного успеха и оглушительной славы оказался призраком, бесовским видением, за которым последовали разгром войска Игоря, пленение, бесславие и позор. В таком контексте слово «стружие» обретает негативное значение, сулит князю не просто неудачу, а сокрушительное поражение, кровопролитные бои и жертвы.

Второй раз слово «стружие» упоминается в «Слове о полку Игореве» в связи с воспоминанием автора о военной авантюре удельного князя Всеслава Полоцкого, посягнувшего на великокняжеский престол в Киеве: «На седьмомъ вѣцѣ Трояни врьже Всеславъ жребий о дѣвицю себѣ любу. Тѣй клюками подпргъся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣла-града обѣсися синѣ мъглѣ утръ же возни с три кусы: отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ» [1, 33]. Всеслав Полоцкий – не простой удельный князёк, жаждущий власти над всей Русью. Это колдун-оборотень, князь-волк: днём управляет княжеством, а ночью в образе волка рыщет по просторам Руси, творя зло. Власть оборотня – до пения петухов, как замечает автор «Слова». Но Всеслав, как великий грешник, продавший душу бесам за искусство чародейства – жертва коварного Дьявола, увлекшего князя-честолюбца обманом на стезю греха и братоубийства. И потому враг рода человеческого снабдил Всеслава своим «стружием». Его же впоследствии, много лет спустя, подсунил доверчивому Игорю. Так в «Слове» определяется скрепа (термин Лихачева) между разными, на первый взгляд, героями, беды и грехи которых уходят своими корнями в архаичное языческое верование.

Но, могут возразить читатели, в чём же грех Игоря? Он ведь выступил в поход за Землю Русскую? Да в том-то и дело, что в походе этом искал он себе, князю, славы, а дружине – чести. В стародавние времена эти ценности язычества были в обиходе военно-феодальной верхушки, а население такие походы за славой всё-таки защищали от набегов врага. Но во времена Игоря всё изменилось: Русь распадалась, и прежняя религия языческого дружинно-княжеского молодечества и геройства уже не спасала. Её нужно было менять на духовные ценности христианства.

* * *

В «Слове о полку Игореве» есть достаточно большое количество фрагментов, посвящённых описанию ратного искусства воинов Игоря. Ярким примером прославления дружинных удалцов служит знаменитая похвала Буй-Тур Всеволода своей дружине: «А мои ти куряни свѣдоми къмети: под трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копия въскрѣмлени, пути имъ вѣдоми, яругымъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тулии отворени, сабли изъострени. Сами скачють, акы сѣрыи влъци в полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ» [1, 28].

Здесь автор «Слова» даёт не только образцы древнего воинского красноречия, но и сообщает сведения, очень ценные для уяснения архаичных истоков языческих верований и обрядов древних русичей. В древности многие племена Европы почитали волков, стремясь перенять у них свирепость и агрессию при нападении на добычу. И потому сравнение курян – «свѣдомихъ къметѣй» – с серыми хищниками – не просто фигура речи, а свидетельство очень древнего военного ритуала. По-видимому, уподобление воина свирепому, быстрому, смелому хищнику входило в комплекс военно-психологической подготовки дружины, обеспечивало воинам дополнительную силу и победу над врагом. В древнюю систему воспитания профессионального воина входило и ритуальное вскармливание младенцев особой едой (вероятно, хлебцами) с конца специального маленького копья (или наконечника боевого копья). Так, по мысли военного жречества, будущему воину передавалась мистическая сила победоносных родителей и предков, их поражающая врагов точность и меткость удара. Младенца (будущего воина), с этой же целью – вырастить победителя в бою – окружали предметами военной атрибутики. Так, над его колыбелью вешали боевые трубы, хранившие память о победоносных сражениях. Эти трубы как бы излучали неслышимые ухом звуки военных сигналов для управления войсками. И потому куряне Буй-Тур Всеволода, воспитанные в такой системе психологических и физических координат, выросли не совсем обычными людьми. Целью их жизни становилась особого рода добыча: для себя – воинской чести, а для князя – славы. В этом и заключалась цель их жизни, её основной смысл. Всё это – плоды языческой веры эпохи легендарного Бояна, внука Велеса. Но всё это военное искусство языческой Руси, вся «волчья» ярость и сила не уберегли курян с их храбрым князем Всеволодом от разгрома, гибели и плена. И потому автор «Слова» далеко не случайно, описывая блистательные подвиги Буй-Тур Всеволода в битве с половцами, внезапно обрывает сцену боя вопросом, адресованным читателю-другу: «Кая рана дорога, братие, забывъ чти и живота, и града Чрѣнигова, отня злата стола, и своя милая хоти красныя Глѣбовны, свычая и обычая!» [1, 29].

Немой, на первый взгляд, риторический вопрос автора «Слова» адресован не только поколению военно-феодальной знати, воспитавшей Буй-Тур Всеволода и его «кметей», но и – шире – всей эпохи языческой Руси. Автор «Слова», безусловно, полагал, что русский человек в бою должен исповедовать христианские православные ценности, а не гоняться, как зачарованный, за противником, хватая новую и новую победу, увеличивая главный трофей – личную славу. По мысли автора «Слова», христианский воин ни на мгновение не должен забывать о том, что он защищает родной город, отца и мать, любимую жену, весь их драгоценный, семейный, уклад жизни. А Буй-Тур в своей погоне за славой забывает о любимом брате Игоре. Кто же напомним ему о долге христианского братолюбия? Вспомним, как будут сражаться русские воины на поле между Непрядвой и Доном, как будут жертвовать собой, включая и Дмитрия Донского, ради любви к братьям, ближним и дальним, ради спасения Московской и всей остальной Руси. Об этом точно сказано в слове князя Дмитрия Ивановича Донского к павшим в Куликов-

ской битве героям в «Сказании о Мамаевом побоище» [1, 232–233]. Так проясняется христианская мысль автора «Слова о полку Игореве» в эпизоде, касающемся Буй-Тур Всеволода и его храбрых курян.

* * *

В финале «Слова о полку Игореве» автор воздаёт славу князю Игорю, его сыну Владимиру Игоревичу, Буй-Тур Всеволоду и всей их дружине. Но при этом само понятие «славы» получает принципиально иное значение. Автор «Слова» воздаёт князьям и дружине новую, исполненную христианского смысла хвалу за то, что полководцы и воины – участники Игорева похода – боролись не за свою, личную, славу и воинскую доблесть, но за счастье и благополучие всего христианского населения Земли русской, всей Православной Руси. Так новое понятие славы, в христианском значении этого слова вытесняет из культурного обихода прежние, языческие, узко-элитарные представления о воинской доблести и чести. И здесь наблюдается всё та же система скреп и рефренов, призванная обеспечить содержательное и художественное единство «Слова о полку Игореве».

Список источников

1. Воинские повести Древней Руси. Л. : Лениздат, 1985. 495 с.
2. Гребнева Э. Я. Дух древности // Мусины-Пушкины. Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд-во, 1996. С. 175–185.
3. Даркевич В. П. Музыканты в искусстве Руси и вещей Боян // «Слово о полку Игореве» и его время. М. : Наука, 1985. С. 322–342.
4. Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы древней Руси. М. : Современник, 1975. 366 с.
5. Одинцов Г. Ф. Стружие // Альманах библиофила. Вып. 21: Слово о полку Игореве, 800 лет. М. : Книга, С. 165–175.
6. Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его время : сб. статей. М. : Наука, 415 с.

УДК 32.019.5

Е А. Осипова

elena-decide@yandex.ru

Костромской государственной университет

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В СЕМЕЙНОМ ИЗВОДЕ: ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ И АПОЛЛИНАРИЯ СУСЛОВА

Статья посвящена выявлению факторов, влияющих на формирование мировоззрения творческой личности. Прослеживается связь между написанием В. В. Розановым философского труда «О понимании» и проблемами в его семейной жизни. Особое внимание уделяется специфике бытия творческой личности.

Ключевые слова: личность, А. П. Сулова, В. В. Розанов, культурно-исторический контекст, бытие.

E. A. Osipova
Kostroma State University

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING IN THE FAMILY ENVIRONMENT: VASILY ROZANOV AND APOLLINARIA SUSLOVA

The article determines which factors influence the formation of the worldview of the creative personality. There is a connection between the writing of V. V. Rozanov's philosophical work "On Understanding" and problems in his family life. Particular attention is paid to the specifics of living of the creative personality.

Keywords: *personality, A. P. Suslova, V. V. Rozanov, cultural and historical context, being.*

Как известно, на формирование и самореализацию творческой личности, обладающей индивидуальным набором характеристик, влияют разные факторы, в частности, социокультурные формы деятельности и семейное положение [2, 123; 3]. В данной статье мы попытаемся показать, как в творческой трактовке В. В. Розановым проблемы «понимания» преломилась история его взаимоотношений с А. П. Суловой.

Личность А. П. Суловой окутана множеством предрассудков [12]. Но, обратившись к воспоминаниям Ф. М. Достоевского и самого Розанова, мы приходим к выводу о том, что в её жизни было немало тайн и загадок: и год рождения, и связь с Достоевским, и странности в поведении. Между тем, Сулова происходила из крестьянской семьи. Она жила в селе Панино Горбатовского уезда Нижегородской губернии. Правда, её отец обладал незаурядными способностями, которые он проявил на службе и благодаря которым сумел выйти из крепостного состояния. В конце концов, семья переехала в Санкт-Петербург. Там произошло знакомство Суловой с Достоевским и началась её карьера писательницы. Она пишет рассказ «Покуда», который в сентябре 1861 года Достоевский публикует в своем журнале «Время».

Как отмечали современники, рассказ получился довольно слабым в содержательном и в художественном отношении. Тем не менее, в произведении Суловой ставилась одна из важных для общественного сознания того времени проблема женской эмансипации. В XIX веке женщина всецело зависела от мужчины, а её роль сводилась к рождению детей, исполнению домашних обязанностей. Как уже отмечалось, Сулова происходила из крестьянской семьи, а для крестьянской семьи рождение сына было важно, так как земля переходила по мужской линии. В крестьянской среде говорили: «Нельзя обойти сына, этой неправды общество допустить не может» [6, 114].

Главная героиня в рассказе Суловой мечтает о свободной любви, независимой жизни в обществе. Произведение своеобразно отражает взгляды автора и свидетельствует о незаурядности личности писательницы. Неслучайно Сулова послужила прототипом для целого ряда героинь Достоевского: это – На-

стасья Филипповна, а также частично Аглая в романе «Идиот», Лиза в романе «Бесы». Как видим, Сулова была личностью сложной, по-своему яркой, влекущей к себе творчески одарённых людей. Потому она и сумела оказать столь сильное воздействие на Розанова.

Их первое знакомство состоялось в 1876 году, когда Розанов был ещё гимназистом и никак не мог предполагать, что вскоре их пути вновь пересекутся. Затем они встретились, когда Розанов учился в Московском Императорском университете. И эта встреча привела к браку в 1881 году. Суловой тогда шёл 41-й год, а Розанову было всего 24 года. По тем временам столь колоссальная разница (в 18 лет!) не приветствовалась в обществе. Но, видимо, их обоих менее всего интересовало мнение общества. Конечно, Розанова как страстного почитателя творчества Достоевского, не могла не привлечь к себе та, что была любовницей и музой писателя. Но, думается, не меньшую роль здесь сыграла личность самой Суловой, обладавшей явными художественными наклонностями. Кроме того, она была хороша собой, привлекала внимание мужчин, несмотря на свой далеко не юный возраст.

В рассказе Суловой «Покуда» легко обнаруживаются мысли, близкие Розанову: «Как странно создан человек! Говорят – существо свободное... какой вздор! Я не знаю существа более зависящего: развитие его ума, характера, его взгляд на вещи, – всё зависит от смешных причин. Разум, эта высшая способность человека, кажется, дан ему для того, чтобы глубже чувствовать собственное бессилие и унижение перед случайностью» [14]. У Розанова понятие счастья трактуется неоднозначно: с его точки зрения, счастье вбирает в себя и радость, и страдание. По его мнению, именно соединение радости и страдания заставляет человечество идти вперёд. «“Счастье деятельного существа как цель его деятельности” – это есть одновременно высшая абстракция практической жизни, и вместе – отделение этой жизни от каких-либо супранатуральных связей, какие ранее человек имел (или думал, что имел) с миром, в котором он жил» [10, 3]. Счастье – это форма представления жизни, некое условие её восприятия жизни, а не предмет. И Розанов, и Сулова ставят вопрос о том, зачем человек живёт, в чём его предназначение.

Привлекал Сулову и «семейный вопрос». В своем рассказе «Покуда» она затрагивает проблему взаимоотношений в семье, где близкие люди не понимают друг друга: «В гостиной моей матери, где по необходимости я должен был иногда являться, часто бывали споры о всех этих книгах» [10]. В этом предложении главное слово, характеризующее отношения между сыном и матерью, – «необходимость», некое долженствование, что свидетельствует о поддержании сугубо внешних признаков этих отношений. Но ведь и в семье Розанова отношения были далеко не идеальными. Только оказавшись после смерти матери у брата Николая, Розанов смог увидеть семью как сообщество близких людей.

Однако союз Розанова и Суловой оказался неудачным. Причины называет сам Розанов в письме к Суловой: «Вы меня позорили ругательством и унижением, со всякими встречными и поперечными толковали, что я занят идиотским трудом. Низкая Вы женщина, пустая и малодушная... оглянитесь на свою

прошлую жизнь, посмотрите на свой характер и поймите хоть что-нибудь в этом... Плакать Вам над собой нужно, а Вы ещё имеете торжествующий вид. Жалкая вы, и ненавижу я Вас за муку свою» [4, 72]. Розанов не скрывал своих отношений с женой от других людей: «Меня она никогда не любила и всемерно презирала, до отвращения; и только принимала от меня “ласки”. Без “ласк” она не могла жить. К деньгам была равнодушна. К славе – тайно завистлива. Ума – среднего, скорее даже небольшого. Но стиль, стиль...» [13, 113-114]. Может быть, в последних словах этого письма и скрывается тайна их союза: Сусллова обладала своим неповторимым стилем, завораживавшим Розанова, несмотря ни на что. Как замечает Л. П. Гроссман, «она была по стилю души совершенно русская, а если русская, то раскольница “поморского согласия”, или еще лучше – “хлыстовская богородица”» [2, 152].

«Хлыстовская богородица», Сусллова, по воспоминаниям дочери Розанова, «перевела его интерес с естественных наук на литературу» [11, 170]: «В это время, кажется, Василий Васильевич сделал впервые перевод Аристотелевой книги “Метафизики”» [11, 170]. Но ещё до перевода «Метафизики» Розанов начал работать над фундаментальным трудом «О понимании». Это масштабное исследование он задумал в студенческие годы и воплотил его в жизнь, когда женился на Сусловой.

Обладая природной склонностью к размышлениям и наблюдениям над жизнью, Розанов задался грандиозной целью – исследовать природу, определить границы и описать внутреннее строение науки как цельного знания [1]. Позднее он напишет в письме к Н. Н. Страхову, что любит этот труд «как своего первого и главного ребёнка» [8, 20]. Обратим внимание на это сравнение с ребёнком, приближающим нас к одной из сторон в существе «понимания» – интимно близкую, семейную как отражение части «цельного знания».

Розанов словно преодолевал собственные переживания, работая над книгой «О понимании» [7] в ситуации отсутствия понимания в отношениях с женой, коллегами, учениками. Хотя причиной, толкнувшей его к размышлениям о понимании, послужил формализм в образовании, в университетах, в частности. Розанов ожидал от университета не просто новых знаний, но некоего общего взгляда на мир, человека, цивилизацию. Однако не получил желаемого. В своих воспоминаниях он с горечью замечает в адрес своих педагогов: «Сидит иной на кафедре двадцать пять лет, дерево – деревом, и повторяет то, что запомнил из немецких учебников. А нет того, чтобы взять перо в руки и написать что-нибудь своё, своё» [1, 17]. Потому Розанов попытался преодолеть формализм в образовании путем собственных размышлений о цельном знании, и семейному вопросу отводилось немаловажное место. Позднее в «Уединенном» он заметит: «До встречи с домом “бабушки” (откуда взял вторую жену) я вообще не видел в жизни гармонии, благообразия, доброты. Мир для меня был не Космос (по-гречески, красота), а Безобразия и, в отчаянные минуты, просто Дыра. Мне совершенно было непонятно, зачем все живут, и зачем я живу, что такое и зачем вообще жизнь? – такая проклятая, тупая и совершенно никому не нужная. Думать, думать и думать (философствовать, “О понима-

нии”) – этого всегда хотелось, это “летело”: но что творится, в области действия или вообще “жизни” – хаос, мучение и проклятие. <...> “Как могут быть синтетические суждения а-приори”: с вопроса этого началась философия Канта. Моя же новая “философия” жизни началась не с вопроса, а скорее со зренья и удивления: как может быть жизнь благородна и в зависимости от одного этого – счастлива; как люди могут во всем нуждаться, “в судачке к обеду”, “в дровах к 1-му числу”; и жить благородно и счастливо» [9, 139–140].

А неудачный брак Розанова с Суловой был свидетельством прямо противоположного толка. Как замечает И. А. Едошина, «реальное непонимание между супругами обернулось размышлениями над сущностью понимания, которому, как писал В. В. Розанов, чужды раздвоение и антагонизм» [5, 105]. В своих размышлениях Розанов стремится понять сложившуюся в его жизни ситуацию и преодолеть её через нахождение идеала человеческого бытия. Он стремится дать ответ на вопрос об истинном предназначении человека, жизни, мира в целом. Он откроет для себя целостность бытия в браке с Варварой Дмитриевной, «другом», как Розанов будет называть её в своих «Опавших листьях». А город Елец, где будущие супруги встретятся, останется в восприятии Розанова его «духовной родиной».

Подводя итоги, отметим, что процесс становления Розанова как творческой личности проходил в проблемном поле опыта семейной жизни. В этом контексте неудачный опыт жизни с Суловой может быть понимаем в нескольких аспектах. Во-первых, она обострила его чувства, сделав их в то же время предметом особой рефлексии, приносившей Розанову, с одной стороны, невероятные страдания, а с другой – толкавшей его к размышлениям о причинах семейной драмы. Во-вторых, стильность Суловой оставила след в его памяти как значимая характеристика личности. В-третьих, она способствовала развитию интереса Розанова к писательству, что формировало его творческий потенциал, ранее всего проявившийся в книге «О понимании».

Список источников

1. *Голлербах Э. В.* В. В. Розанов. Жизнь и творчество. Paris : YMCA-press, 1976. 110 с.
2. *Гроссман Л. П.* Путь Достоевского. Л. : Брокгауз-Ефрон, 1924. 236 с.
3. *Гудкова А. А.* Принципы соотнесения личности художника и контекста эпохи в историко-культурном исследовании // Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х годов. М. : Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2001. С. 123-129.
4. *Достоевский Ф. М.* Письмо к А. П. Суловой (23 апреля (5 мая) 1867 г., Дрезден) // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. СПб. : Наука, 1996. Т. 15. С. 297–299.
5. *Едошина И. А.* Концы и Начала: Философема бытия Василия Розанова (К 100-летию со дня смерти) // Соловьёвские исследования / гл. ред. М. В. Максимов. Иваново : Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, 2019. С. 96–112.

6. *Зарудный М. И.* Законы и жизнь. Итоги исследования крестьянских судов. СПб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1874. 224 с.
7. *Розанов В. В.* О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. СПб. : Наука, 1994. 540 с.
8. *Розанов В. В.* Письмо к Н. Н. Страхову (апрель 1890) // Энтелехия. 2007. № 15. С. 20-21.
9. *Розанов В. В.* Уединённое / сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. А. Н. Николюкина. М. : Политиздат, 1990. 541 с.
10. *Розанов В. В.* Цель человеческой жизни. М. : Грааль, 1994. 66 с.
11. *Розанова Т. В.* Воспоминания // Русская литература. 1989. № 4 . С. 160–177.
12. *Сараскина Л. И.* Аполлинария Сулова. М. : Молодая гвардия, 2022. 439 с.
13. *Сукач В. Г.* Жизнь Василия Васильевича Розанова «как она есть» // Москва. 1992. № 1. С. 113–114.
14. *Сулова А. П.* Покуда. URL: http://az.lib.ru/s/suslowa_a_p/text_1861_pokuda_olforfo.shtml (дата обращения: 03.06.2022).

УДК 94(470+477)

В. А. Слепенков

slepenkov.2002@mail.ru

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

ПРОБЛЕМА ПЕРЕСМОТРА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОБЫТИЙ НА УКРАИНЕ

Статья рассматривает аспект влияния исторической памяти на российско-украинские отношения в контексте событий современности. Автор уделяет внимание феномену исторического ревизионизма, украинской национальной идентичности. В работе подчёркнуто значение идеологии украинского нацизма, оказывающее негативное воздействие на налаживание и развитие отношений между Россией и Украиной.

Ключевые слова: *российско-украинские отношения, украинский нацизм, политика ревизионизма.*

V. A. Slepencov

Saratov National Research State
University named after N. G. Chernyshevsky

THE PROBLEM OF REVISING THE HISTORICAL PAST IN THE CONTEXT OF MODERN EVENTS IN UKRAINE

The article examines the aspect of the influence of historical memory on Russian-Ukrainian relations in the context of modern events. The author pays attention to the phenomenon of historical revisionism, Ukrainian national identity. The paper emphasizes the importance of the ideology of

Ukrainian Nazism, which has a negative impact on the establishment and development of relations between Russia and Ukraine.

Keywords: *Russian-Ukrainian relations, Ukrainian Nazism, revisionism policy.*

22 февраля 2014 года на Украине произошли события, о которых вскоре узнало большинство стран мирового сообщества. Размеренная жизнь Киева в один момент превратилась в настоящее «Ледовое побоище» современности, в котором напрямую участвовала лишь украинская сторона. В результате государственного переворота власть незаконным путём перешла от Виктора Януковича в руки украинских националистов-радикалов.

Данный аспект необходимо рассматривать в плоскости развития радикальных настроений на Украине после распада Советского Союза в 1991 году. Политика ревизии исторической памяти украинским обществом берёт начало именно с этой даты, тогда в стране появлялись определённые националистические группировки, которые заявляли об отсутствии общих корней с Россией и Белоруссией. Государственный переворот в феврале 2014 года усилил данные настроения, появились средства ведения психологической войны и пропаганды, о которых не умалчивали сами украинцы. Что касается непринятия определённой части народа Украины общего исторического прошлого с Россией, то такие заявления абсолютно не обоснованы, о чём понимают сами авторы данных заявлений, поэтому они и ссылаются на «угнетение» украинского народа и его многовековую зависимость.

В контексте данной темы стоит учитывать, что Украина всегда являлась государством европейским, не только в силу географических факторов, но и судя по идеям в украинском обществе. Отношения с Москвой были продиктованы, скорее, «неизбежной необходимостью», чем желанием данного народа к интеграции с Россией. На пространстве современной Украины существует на данный момент единственная идеология – «украинство». Основные её идеи сводятся к тому, что государственная власть должна культивировать и возрождать исключительно местные этнокультурные традиции[1, 187]. Однако система «возрождения» украинской нации ещё не построена, вернее, определена не полностью и «смоделирована» только в научных работах украинских историков и исследователей-публицистов.

После событий 2014 года, а также по причине прихода к власти новой политической элиты, явно настроенной антироссийски, на Украине стали появляться лозунги типа: «Украина це Европа». Именно с этого момента началась масштабная перепись исторических событий, возвышающая Украинское государство и обвиняющая Россию во многих насущных проблемах прошлого. Российские историки и политологи связывают данные явления с понятием национализма, который в широкой мере популярен среди молодёжи.

После развала СССР в 1991 году, несмотря на создание СНГ, в общественном пространстве Украины шла речь о том, чтобы любыми способами отделиться от России экономически и культурно, а также произвести ревизию истории, поставив Украинское государство в центр внимания. Перепись исторической памяти в настоящий момент представляет собой комплекс положений, по

большей части освещающих в более негативном контексте вопросы «сталинщины», ГУЛАГа и «голодомора» 1932–1933 годов. Украинская власть заявляет о том, что «голодомор» производился советской властью из Центра для целенаправленного уничтожения украинского народа как нации. Фактически такие идеологи Украины говорят о геноциде, который осуществлялся советским руководством путём содействия украинской партийной элиты [2, 15]. Суть заключается в том, что «голодомор», как явление 1932–1933 годов в Советском Союзе, упоминается только в рамках Украины, однако про Поволжье, Центральные районы РСФСР и северный Казахстан такие деятели забывают. Очевидно, что это умышленный шаг, ведущий к расслоению двух народов.

Кроме того, должного внимания заслуживает политика украинских экспертов в области истории, которая последнее время стремится к тому, чтобы переписать участие и роль Украины в Великой Отечественной войне. В 2015 году понятие Великой Отечественной войны полностью исчезло из украинской историографии. Причиной этому стало принятие пакета законов о декоммунизации. Из этого следует, что украинская сторона полностью отвергает наличие единого исторического прошлого и государственного наследия с Россией, одновременно демонтируя памятники коммунистическим деятелям на собственной территории, запрещая использование советской символики и переименовывающая улицы и города. Так, по подсчетам главного архитектора Киева С. Целовальника, сделанным в 2015 году, в столице Украины подлежало уничтожению 145 памятников [4, 487].

После принятия закона «Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 годов» праздник Великой Победы советского народа над фашистской Германией в украинском сознании превратился в «День Победы над нацизмом во Второй мировой войне». Такая трактовка важнейшего исторического события призвана полностью переформатировать отношение украинцев к Победе всех народов СССР над германской агрессией. Таким образом, украинскому народу попросту внушается необходимость отвергать то, что они воевали плечом к плечу с русским.

Ветераны, вспоминая те ужасные события, высказывают своё мнение по поводу переименования городов-героев, улиц и других объектов инфраструктуры. Эти люди называют такие меры простым предательством некогда братского народа, поскольку смена понятий, осмысляющих значение Великой Отечественной войны, является недопустимой. Украинская власть по подсказке западных «кураторов» пересматривает историю и стремится разорвать близкие связи Украины с Россией в прошлом, задевая чувства людей, которые в тех событиях потеряли свою жизнь и здоровье. Ветеранов нельзя заставить изменить свое мнение, поэтому в американский прицел попадает, прежде всего, молодёжь [5, 152]. Структуры, занимающиеся проведением репрессивной политики для того, чтобы исчерпать знания о едином историческом прошлом России и Украины, как, например, Украинский институт национальной памяти, в связи с событиями февраля 2022 года получили ещё большую свободу действий в данной сфере [3, 71].

Следующий аспект рассматриваемой нами темы связан с переименованием проспекта имени генерала Ватутина в проспект Р. Шухевича. Мера была предложена Верховной Радой Украины и осуществлена в кратчайшие сроки. Улица, названная в честь руководившего освобождением Киева командира, отныне носит имя человека, который участвовал в добровольческих формированиях нацистской Германии. Кроме того, данный деятель обвиняется в причастности к массовым убийствам польского, еврейского, белорусского, украинского и русского народов. Шаг украинской власти в данном контексте воспринимается Российской Федерацией как жест демонстративного исторического ревизионизма.

Внимание также стоит уделить и тому, что День защитника Отечества на Украине отмечают не 23 февраля, как в России, а 14 октября. Данный праздник отныне приурочен к созданию Украинской Повстанческой Армии, которая известна своей «кровавой» деятельностью во времена Великой Отечественной войны в отношении Советской армии. Обесценивание героических поступков солдат СССР привело к тому, что украинские правители в открытую называют Р. Шухевича и С. Бандеру героями Украины. Однако, как свидетельствуют авторитетные исторические источники, Организация украинских националистов под предводительством данных деятелей помогала немецкой армии и воевала на её стороне против Советского Союза.

Распространение на Украине политических идей, требующих героизации нацистской идеологии и ревизии истории, не говоря о пребывании таковых сил у государственного аппарата, является абсолютно неприемлемым не только для украинского государства, но и для международного сообщества в целом. Основная часть населения Украины никогда не смирится с нацификацией государства, а политика навязывания украинскому обществу нацистских идей неизбежно обернётся для Украины настоящей катастрофой.

В настоящее время на территории Украины продолжается политика переосмотра исторических событий и отдаления от России, заложенная в конце XX века и принявшая завершённый вид в конце 2000-х годов. Она руководствуется задачами формирования украинской нации на основе моноэтнического украинского уклада при полном игнорировании сложившейся объективной исторической и культурной реальности на Украине. При этом всё в основе проводимой руководством Украины политики прослеживается явная русофобия глав государства.

Список источников

1. *Гребенник Г. П.* Политика памяти в Украине: критические заметки // История и современность. 2013. № 2. С. 182–199.
2. *Неменский О.* Евромайдан и никакого национализма // Вопросы национализма. 2014. № 1(17). С. 13–20.
3. *Попов Э. А.* Новые тенденции в украинском национализме: идеологические, политические и организационные аспекты // Проблемы национальной стратегии. 2010. № 3(4). С. 66–78.

4. *Цыплин В. Г.* «Зачистка» памятников участникам ВОВ как способ поддержания температуры риторики против России в 2015 году // Конфликты в современном мире: международное, государственное и межличностное измерение : материалы V Международной научной конференции (г. Саратов, 8 апреля 2016 г.) / Ю. О. Бронникова, Л. В. Мясникова, Т. Г. Фирсова (отв. ред.). М. : Перо, 2016. С. 484–488.
5. *Цыплин В. Г.* Современные казахстано-американские отношения как система противовесов ЕАЭС // Политика обеспечения продовольственной безопасности современной России и стран ЕАЭС: региональное измерение : сборник научных статей по материалам второй Международной научно-практической конференции (г. Саратов, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 29 мая 2015 г.) /отв. ред. А. А. Вилков. Саратов : Саратовский источник, 2015. С. 149–154.

УДК 821.161.1

А. А. Юдникова

alionaku1992@mail.ru

Костромской государственной университет

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В КНИГЕ ОЧЕРКОВ Б. К. ЗАЙЦЕВА «АФОН»

В статье рассматривается специфика художественного времени в книге Б. К. Зайцева «Афон». Характеризуются приёмы индивидуализации образа времени, созданного писателем и отражающего его философские взгляды. Показывается роль символа времени как интегратора очеркового цикла.

Ключевые слова: Б. К. Зайцев, образ времени, категория времени, темпоральность, модальность, цикл, очерк.

A. A. Yudnikova

Kostroma State University

ARTISTIC TIME IN THE BOOK OF ESSAYS BY B. K. ZAITSEV “ATHOS”

The article deals with the specifics of artistic time in the book by B. K. Zaitsev “Athos”. The methods of individualization of the image of time created by the writer and reflecting his philosophical views are characterized. The role of the symbol of time as an integrator of the essay cycle is shown.

Keywords: B. K. Zaitsev, image of time, category of time, temporality, modality, cycle, essay.

Начиная с 90-х годов прошлого века, в отечественном литературоведении активно изучаются пространственно-временные представления Б. К. Зайцева, запечатлённые в его эмигрантской прозе. В работах С. В. Сомовой, И. А. Полуэктовой, В. Н. Коноревой, Н. Б. Глушковой, В. Т. Захаровой,

М. Б. Баландиной и др. рассматривается специфика художественного воплощения и философского осмысления писателем понятий «время» и «пространство». Целью данной статьи является характеристика циклообразующей роли образа времени в книге путевых очерков Зайцева «Афон».

Посетив в 1927 году Афон, Зайцев последовательно публикует очерки о Святой Горе в эмигрантских журналах, а позже собирает их в единую книгу. Как пишет А. К. Клементьев в примечаниях к афонским дневникам писателя, Зайцеву было важно опубликовать свои очерки об Афоне отдельным изданием [3, 20–22]. Из-за этого он даже пошёл на не очень выгодные для него условия, которые предложило издательство. На этапе подготовки материала к публикации писатель вносит стилистические правки, а также исключает некоторые ранее опубликованные очерки. В результате появляется цикл, в котором функцию одной из скреп выполняет многозначный образ времени, раскрывающийся автором в разных планах художественной условности.

Зайцев активно применяет в повествовании приём временной «интерференции». Так, например, в предисловии к книге он пишет: «Я провёл на Афоне семнадцать незабываемых дней» [2, 76]. Автор тем самым указывает на длительность события, которое произошло в прошлом, но начинает повествование, используя глаголы настоящего времени: «...Ранняя заря, сырое дымное утро. Туман слегка редющий, ветер все усиливающийся. Начинается качка. Над холодноватым блеском волн вдруг взлетает веер брызг, нос “Керкиры” опускается и меня обдаёт солёной влагой. <...> Чаще летят в лицо брызги, но всё стою, всё смотрю, вот он, наконец, дальний, загадочный Афон, Святая Гора – я плыву к ней вторую неделю» [2, 77]. Попеременная смена грамматического времени в повествовании художественно обусловлена. Рассказывая о своем путешествии, которое уже состоялось и подошло к логическому завершению, автор мысленно переносится на Афон, увлекая за собой читателя. Кроме того, это смешение настоящего и прошлого позволяет сделать вывод о значении поездки писателя на Святую гору, ставшей одним из ключевых событий его жизни. Данная мысль подтверждается и последующей перепиской Зайцева с афонскими монахами, и обращением в более позднем творчестве к теме Афона. Как точно замечает В. Т. Захарова, «взаимодействие пространственно-временных отношений, соотносённости частного и общего (выведение частных жизненных реалий на уровень онтологических обобщений)» становится идейно-стилистической особенностью прозы Зайцева [4, 7]. Рассказ о монастыре св. Пантелеймона начинается следующими словами: «...Передо мной снимок, изображающий вход в обитель. <...> Вспоминаю блеск афонского солнца, розовое цветение азалий, увивающих стены с небольшими заваленными окошечками, откуда иной раз выглянет монах – вспоминаю и переживаю те минуты, когда – столько раз – входил и выходил я этими “тесными воротами”» [2, 77]. В данном фрагменте появляется мотив воспоминания, который становится в очерковом цикле ключевым. Начиная с конкретных личных воспоминаний об Афоне, писатель гармонично вплетает в них размышления о культуре, истории, Родине, что воплощается в модальности повествования. Таким образом, наряду с конкретным вре-

менем пребывания Зайцева на Афоне, в повествовании присутствует абстрактное, или «субъективное время лирического героя» (термин М. Б. Баландиной) [1, 85].

Так, большое значение в очерке играет субъективный временной план, который связан как с образом автора, так и с образом Афона. Это две точки повествования, занимающие «вневременное» положение. Постоянное смешение настоящего и прошлого в контексте цикла воплощает категорию вечности. Образ Афона неразрывно связан с его историей возникновения и существования. Эта связь реализуется в тексте посредством собственно исторических справок, носящих конкретный, фактологический характер. Например, описывая протат, Зайцев поясняет, что это «учреждение очень древнее»: «Оно пережило турок и действует при теперешнем греческом правительстве – собрание представителей монастырей, своеобразная дума монашеской республики» [2, 81]. Но далее возникает уже авторская субъективная историческая аллюзия: «С первой минуты показалось нечто среднее между советом десяти в Венеции и Карфагенским сенатом – в христианской транскрипции» [2, 82]. А дополняет её образ «средневекового секретаря» [2, 82]. Так, от фактической информации писатель идёт к исторической параллели. Подобный приём встречается в цикле довольно часто, что придаёт особую живописность повествованию и в то же время вписывает Афон в вековую мировую историю: «Дверь открыта. И войти не возбраняется. Но никого в лавке нет – как и на улице, как, кажется, вообще в городе. Что это, неразрушенная Помпея?» [2, 81]. Особым смысловым звучанием наделены аллюзии подобного типа, связанные с образом Родины: «Старинный сладковатый запах, хорошо натёртые полы, чистые половички... – тот образ давней, навсегда ушедшей Руси, что отводит к детству, быту и провинции» [2, 80]. Кажется, удивительным, что именно на Афоне, таком далёком и отстранённом от всего мира, Зайцев находит навсегда утраченную Россию, которая также далека и отстранена от самого автора: «Жасмин – Россия, детство, “мама” – то, чего не будет никогда» [2, 89]. Этот постепенный переход от конкретного пребывания на Афоне к воспоминанию о нём, а далее размывание временных границ между эпохами позволяет воплотить писателю идею вечности веры и «церкви как общего дома для всего человечества» [6, 157].

Грань между временем стёрта и для самих афонских монахов, что автор акцентирует, вспоминая беседу с отцом Пинуфрием о св. Иоанне, который жил в X веке: «Можно было подумать, что со св. Иоанном, сладчайшим певцом и музыкантом Господним, был он знаком лично» [2, 112]. Это постоянное присутствие святых подчёркивается ещё и тем, что многие места на Афоне хранят о них память: «Там у моря жил в пещере св. Петр Афонский – первый пустынножитель. Там Кавсокаливийский скит в память св. Максима Кавсокаливита – “сжигателя шалашей” – образ совершенного странника, переходившего с места на место и уничтожавшего свой собственный след, свою хижинку или шалаш. Дальше – пещера Нила Мироточивого» [2, 111]. Но не сам Афон хранит память о своих подвижниках, а монахи, которые его населяют: легенды, которые они рассказывают Зайцеву, вновь и вновь оживляют их героев. Память ста-

новится проводником святости, средством связи горнего и дольного миров. Также святы для автора воспоминания о России, которые не всегда носят сентиментально-романтический характер, но неизменно дороги писателю: «Поднялись по грязной лестнице корпуса с запахом, напомнимшим гостиницу в Перемышле или Козельске времен легендарных» [2, 113].

Несмотря на то, что Зайцев посещает Афон в сложное для православного монашества время, по этому поводу он напишет: «Бедность русских монастырей сейчас очень велика. Нет России, и нет поддержки оттуда» [2, 94]. Тем не менее, в душе писателя жива сильная вера в то, что русский монастырь на Святой горе будет жить, несмотря ни на что.

Примечательно, что на протяжении всего очерка Зайцев указывает на время происходящих с ним событий. Отмечается следующая закономерность: когда автор рассказывает о своих перемещениях по острову, то он преимущественно конкретизирует время: «через четверть часа», «через два часа», «в 8 часов». Но если в повествование включается описание природы, Зайцев обозначает только время циклическое: «на заре», «смеркалось», «под вечер» и т. д. Таким образом, в очерке как бы разграничивается жизнь человеческая (собственно повествователя) и природная. Это важно ещё и потому, что на Афоне особое время: когда солнце заходит, стрелки часов переводят на полночь, то есть сам ритм монашеской жизни подстраивается под ритм природный: «Но так как всё необычно на Афоне, то и часы удивительные: до самого отъезда я не мог к ним привыкнуть. <...> Вся система меняется по времени года, надо передвигаться, приспособляясь к закату. В мае разница с “европейским” временем выходит около пяти часов» [2, 92]. Зайцев же живёт по «европейскому времени», часто бодрствует в ночные часы и просыпается уже к обеду. При этом монахи, с которыми он встречается на острове, абсолютно «созвучны» ритму, установленному на Святой горе. Мы можем предположить, что автор-повествователь хоть и проникается «тысячелетним» Афоном, чувствует его вневременность, при этом находится всё-таки в другом экзистенциальном измерении: «Я не спал. Лежал в глубочайшей тишине монастыря на постели своей комнаты, не раздеваясь, окружённый морем черноты и беззвучия, по временам переворачиваясь на ложе немягком, полумонашеском. Было такое чувство, что от обычной своей жизни, близких и дома отделён вечностью» [2, 84]. Единственный способ сблизиться с миром Афона для него – это оторваться от реальности, от времени и посредством памяти перенестись в другие миры, будь то Древняя Эллада или покинутая родина: «Всегда казалось мне, в воздухе заботы обо мне, внимательной благожелательности, что я моложе своих лет, и что вообще век иной: я ещё несмышленный барчук, надо ко мне дядьку, который бы наблюдал, чтобы я как следует поел, не переутомлялся бы на службах, не заблудился бы ненароком в монастырских коридорах» [2, 95].

Эти блуждания автора по «коридорам памяти» актуализируют мотив странничества, выполняющий в книге «Афон» циклообразующую роль. Зайцев принадлежал к переходной эпохе, он наблюдал культурный и исторический слом, поэтому образ неприкаянного путника раскрывается через его восприятие

не только пространства, но и времени. В. Н. Конорева справедливо подчёркивает связь исторического и личного времени героев в романном творчестве писателя [5, 135]. Это утверждение вполне можно проецировать и на очерковую прозу Зайцева, в частности, на книгу «Афон». Настоящее для автора тяжело, мучительно, непонятно, поэтому он вновь и вновь пытается размыть границы конкретного пребывания в моменте и увидеть за ним что-то великое, дорогое из прошлой жизни. Отметим, что художественное время в очерках развивается, как правило, в двух направлениях: прошлое и настоящее. Покидая Афон, Зайцев напишет: «Всё более оставались о них лишь воспоминания. На грязном судне с прозрачным именем шла малая жизнь» [2, 145]. Эта кажущаяся незначительной обыденная, «мирская» жизнь в настоящем времени не дает основы для развития образа будущего, которое лишено конкретики и воплощается только в проекции вечности и веры.

Подводя итог, можно сказать о том, что в рамках книги очерков «Афон» темпоральность становится одной из ключевых скреп, которая обеспечивает не только формальное единство цикла, но и воплощает в художественном плане философское осмысление времени, связанное с экзистенциальными проблемами человеческой жизни. Используя классификацию В. Е. Хализева, в очерковом цикле Зайцева мы можем выделить время биографическое, связанное с личностью автора; время историческое, выражающее смену эпох; время космическое, позволяющее говорить о вечности и вселенской истории; время календарное [7, 231–233]. Но ядро художественного времени связано с соотносённостью прошлого, настоящего и будущего. Ясно представляя прошлое, наблюдая настоящий момент, автор-повествователь не в силах обрисовать образ будущего, а размывание временных границ становится для него способом существования вне конкретных координат и в тоже время позволяет обрести духовные точки опоры.

Список источников

1. Баландина М. Б. Художественный мир Б. Зайцева: поэтика хронотопа : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2003. 185 с.
2. Зайцев Б. К. Афон // Собр. соч. : в 5 т. Т. 7 (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. М. : Русская книга, 2000. С. 76–153 .
3. Зайцев Б. К. На Афон. URL: file:///C:/Users/alion/Downloads/Zayicev_B._Na_Afon.a4.pdf (дата обращения: 19.06.2022).
4. Захарова В. Т. Поэтика прозы Б. К. Зайцева. Нижний Новгород : Мининский университет, 2014. 166 с.
5. Конорева В. Н. Жанр романа в творческом наследии Б. К. Зайцева : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2001. 192 с.
6. Лукьянцева И. И. Идея святости в творчестве Б. К. Зайцева периода эмиграции : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 181 с.
7. Хализев В. Е. Время и пространство // Хализев В. Е. Теория литературы : учебник. М. : Высшая школа, 2004. С. 231–233.

Раздел 2

ЛИНГВИСТИКА. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

УДК 81'373.43

О. Н. Владимирова

kuranova.mk-28@mail.ru

Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского

НЕОЛОГИЗАЦИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

В статье рассматриваются особенности функционирования неологизмов периода пандемии COVID-19, приводится краткий анализ наиболее продуктивных словообразовательных моделей, на основе которых были построены лексические новации. Исследование подтверждает активность основных типов образования неологизмов в языке: словообразовательной деривации, семантической деривации и заимствования из других языков. Показательные примеры демонстрируют, что на базе ключевых слов эпохи пандемии, свободно сочетающихся с любыми основами, образуются целые серии производных слов. Положения исследования подтверждаются результатами социолингвистического эксперимента.

Ключевые слова: неологизмы, лексические новации, словообразовательные модели, деривация, дериваты.

O. N. Vladimirova

Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

NEOLOGIZATION DURING THE COVID-19 PANDEMIC

The article examines the features of the functioning of neologisms of the COVID-19 pandemic period, provides a brief analysis of the most productive word-formation models on the basis of which lexical innovations were built. The study confirms the activity of the main types of formation of neologisms in the language: word-formation derivation, semantic derivation and borrowing from other languages. Illustrative examples demonstrate that on the basis of the keywords of the pandemic era, freely combined with any basics, whole series of derived words are formed. The provisions of the study are confirmed by the results of a sociolinguistic experiment.

Keywords: neologisms, lexical innovations, word-formation models, derivation, derivatives.

Ключевым событием последних двух лет, повлиявшим на все сферы жизнедеятельности людей, стало распространение по всему миру коронавирусной инфекции COVID-19, которая вызвала изменения не только в повседневной жизни, но и привела к активным процессам в лексико-фразеологическом составе русского языка и оказала существенное влияние на речеповеденческую так-

тику в целом. Социальный взрыв вполне закономерно повлек за собой «неологический взрыв», ведущий к значительному росту исключительного и оригинального словотворчества. Новые жизненные реалии потребовали номинации, а «лингвокреатив» стал одним из средств адаптации к изменившимся обстоятельствам, самовыражения и снятия стресса в тяжелый период пандемии [5, 18]. В течение короткого промежутка времени появилось беспрецедентное количество новых слов и слов, изменивших или актуализировавших свое значение, и их численность продолжает расти в связи с появлением новых тематических пластов, связанных с пандемией COVID-19. Объем лексических новаций оказался примерно в десять раз больше, чем в предыдущие кульминационные периоды русской истории [6].

Как отмечает Е. А. Земская, «ключевыми следует считать слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания» и являющиеся «базовыми основами словопроизводства» [2, 101]. Ключевыми словами современности и наиболее значимыми лексическими и семантическими основами становятся слова, которые определяют центральные понятия периода пандемии – *коронавирус, корона, вирус, карантин, самоизоляция, удалёнка, дистанционка, зум, социальная дистанция, маска, вакцина* и т. д. На базе ключевых слов эпохи формируются словообразовательные гнезда с многочисленными дериватами. Уникальность ситуации состоит в том, что в новом языковом материале с исключительной быстротой стали происходить традиционные для языкового развития процессы. Появление большого количества многозначных слов, омонимов и массивных синонимических рядов позволяет лингвистам говорить о тенденции номинативного сверхварьирования [4, 20, 49].

Во время пандемии COVID-19 множество неологизмов пришло в русский язык посредством **прямого заимствования**, в основном из английского языка. Это связано с тем, что люди во всем мире находились в похожих условиях и неологические процессы в разных языках происходили параллельно. Название нового заболевания в силу частотности употребления в речи постепенно переходит из разряда неологизмов в общеупотребительную лексику и является английским заимствованием от *Covid-19* – аббревиатуры от Corona Virus Disease 2019, или «заболевание, вызванное коронавирусной инфекцией 2019 г.». Как подчеркивают И. Т. Вепрева и Т. В. Куприна, данная аббревиатура быстро ассимилировалась в русском языке и привела к кириллическим формам: **КОВИД-19**, **ковид-19** и усеченной форме **ковид**, а затем уже данные формы начинают существовать в соответствии с правилами русской грамматики [1, 95].

Англоязычное слово **локдаун** (от глагола lockdown ‘запирать, блокировать’), признанное в мире главным словом 2020 г., получило широкое распространение и в русском языке и встало в синонимичный ряд с такими словами, как *карантин* и *самоизоляция*. Под данным словом понимается комплекс ограничительных мер, направленных против распространения коронавирусной инфекции. Главное слово 2020 г. – **самоизоляция** – образовано методом калькирования от английского self-isolation. Широко распространившиеся в 2021 г. лексические инновации **антиваксер** (от англ. anti + vacxer) и **суперваксер**

(*super + vaxxer*) являются антонимами и означают противников обязательной вакцинации населения от коронавирусной инфекции и ревностных сторонников таковой. Развитие полисемии отражает заимствование **корониал** (от англ. *coronial*), называющее представителей поколения детей, которым пришлось пережить период пандемии коронавирусной инфекции, а также будущего поколения, которое появится на свет после длительной самоизоляции. Другими примерами заимствований-транскрипций, сохраняющих исходную фонетическую форму, являются: *санитайзер, зумер, карантим, карантин-шейминг, думскроллинг* и др.

К неморфологическим способам словообразования относят, прежде всего, *семантическую деривацию* – развитие в уже существующем слове нового, вторичного значения посредством метафоризации или метонимизация. Пандемия COVID-19 обусловила возникновение и активное употребление достаточно большого количества семантических неологизмов, главным из которых стало разговорное усеченное наименование коронавирусной инфекции **корона**, данное ей на основе метафорического сходства с первоначальным значением слова – венцом, символизирующим власть монарха. С начала 2020 г. омоним мгновенно осваивается в русском языке, становится значимым лексическим и семантическим центром, на базе которого формируются многочисленные словообразовательные гнезда. Одним из наиболее распространенных трансоминативов стало слово **маска**, которое до пандемии COVID-19 имело несколько равноценных значений и требовало уточнения: защитные маски рабочих, карнавальные, косметические или медицинские маски и т. д. Однако во время коронавирусной инфекции обязательное ношение медицинской защитной маски сделало это значение приоритетным – семантика слова изменилась в сторону сужения, большей конкретизации. Слово **маска** стало объектом активной языковой игры, и развитие значения произошло в словах **маскарад** и **маски-шоу**. Одним из самых распространенных семантических неологизмов стало слово **вакцина**. В связи с обязательной вакцинацией от коронавирусной инфекции и массовыми дискуссиями на эту тему в большинстве случаев слово **вакцина** стало использоваться в значении «вакцина от COVID-19». Семантическая деривация слова **спутник** обусловлена названием одной из российских вакцин от коронавируса. В связи с широким использованием в общении, учебе и работе видеоконференции Zoom, получили оценочное переосмысление глаголы **изумляться** (пользоваться зумом) и **обезуметь** (проводить слишком много времени в зуме и, как возможный результат, сойти с ума). Расширение семантики произошло в словах **волна, плато, зона** и многих других.

Ведущим способом образования простых производных слов в русском языке является **морфологический способ**. Значительный пласт лексических новообразований периода пандемии COVID-19 подтверждает, что система русских аффиксальных словообразовательных типов сохраняет свою прочность и гибкость. Примерами могут служить аффиксальные образования усечения **корона** (**коронушка, Короныч, коронщик**), образованное суффиксальным способом и одновременно являющееся трансоминативом слово **коронка**, имен-

ные и глагольные новации, образованные префиксально-суффиксальным способом: *допандемийный, отковидеться, коронавирусе'ть, накарантиниться* и др.

Одним из самых продуктивных способов словообразования в период пандемии COVID-19 стало *словосложение* – соединение двух или нескольких основ в процессе морфологического словопроизводства. На базе ключевых слов эпохи формируются словообразовательные гнезда с многочисленными производными. Особенное место среди этого ряда ключевых слов заняло как в русском языке, так и во многих других языках мира, название заболевания – *коронавирус* и его разговорное усечение *корона*. Слово *коронавирус* создано с помощью сложения основ производящих слов *корона* (от лат. *corona* ‘корона или венок’) и *вирус* (от лат. *virus* ‘болезнетворный яд’). Широкое употребление усечения *корона* и возможность обыгрывания значения его омонима дало мощный толчок для языковой игры и лингвокреатива. Е. С. Громенко отмечает, что данное слово «...на всех уровнях реализации оказалось очень потенциальным: и на текстовом, и на лексическом, и на грамматическом» [2, 103]. Словообразовательную активность элемента *-корона-* демонстрируют примеры неологизмов, образованных сложением основ без интерфикса или при помощи дефиса: *коронахаус, коронаштраф, коронанефть, корона-армагеддон, корона-квест* и др. Большое количество лексических новаций образовано контаминацией основы с целым словом или сложением усеченных основ производящих слов: *короназавр* (*корона* + усеченное *динозавр*), *короноек* (*корона*+ *параноек*), *коронавт* (*корона* + *космонавт*), *коронамический* (*корона* + *экономический*) и др. Еще одна основа сложных слов с неограниченной сочетательной вариативностью – лексическая единица *ковид*. Так же, как и *корона*, компонент *ковид* свободно соединяется с любыми основами и образует целые серии дериватов: *ковид-больной, ковид-выплаты, ковидобой* и др. Примеры сложносоставных слов с основой *ковид* и усечением одной из основ: *ковиданный* (*ковид* + *невиданный*), *ковидео* (*ковид* + *видео*), *ковидёнок* (*ковид* + *ребенок*), *ковигисты* (*ковид* + *пофигисты*) и др. Композита *ковиднопостковидный* образована соединением краткого и полного прилагательных и иноязычной приставки *пост-*. Одно из представленных в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи» сложных слов состоит из четырех основ: *корона-сами-знаете-что* [7, 391].

Примером сложной контаминации и языковой игры является глагол *наружать* (-ют, -ет), означающий, что выход людей на улицу (*наружу*) в условиях пандемии – это нарушение правил. В данном неологизме создаётся эффект преднамеренного искажения написания или произношения слова или его орфографической нормы: «*Правила созданы для того, чтобы их наружать!*». Субстантивацией данного глагола являются существительные *наружение* и *наружитель*.

Таким образом, ключевые слова эпохи пандемии свободно сочетаются с любыми основами, образуя целые серии производных сложных слов. По материалам «Словаря русского языка коронавирусной эпохи» насчитывается более 1100 неологизмов с основой *ковид* (*КОВИД, covid, COVID*), более 1000 слож-

ных дериватов с начальным вариативным элементом *корона-* (*корон-*, *короно-*). Лексически сочетаемыми с многочисленными производными композитами явились такие единицы, как *карантин* (более 270 слов), *зум* или *Zoom* (около 240 слов), *дистант* (около 60), *вирус* (более 50), *маска* (более 50), *вакцина* (более 30) и т.д. Такие статистические данные, а также приведенный обзор многочисленных производных слов, созданных на базе безаффиксных и смешанных моделей, позволяют говорить о том, что **словосложение** с количественным преобладанием сложных существительных стало самым продуктивным способом образования неологизмов в русском языке периода пандемии COVID-19.

Исходя из цели исследования – изучения особенностей функционирования неологизмов периода COVID-19, был проведен социолингвистический эксперимент, методом сбора данных являлось анкетирование. В опросе приняли участие 62 респондента, среди которых 8 учителей средней школы, 25 учеников старших классов и 29 человек разного возраста и профессиональной деятельности. В анкету вошли 15 вопросов, которые условно можно разделить на три группы в зависимости от целей эксперимента. Первая группа вопросов нацелена на выявление изменений в речевой ситуации респондентов в период пандемии COVID-19. Во второй группе вопросов опрашиваемым было предложено объяснить значение некоторых неологизмов, возникших в связи с коронавирусной инфекцией. Задача третьей группы вопросов – определить отношение людей к лексическим новациям и их влиянию на русский язык.

Анализ результатов социолингвистического эксперимента позволил сделать следующие выводы.

1. Большая часть респондентов (83 %) стала использовать в повседневной речи слова, связанные с пандемией COVID-19, в том числе и неологизмы. Люди чаще стали употреблять медицинские термины (63 % респондентов), и многие слова, изменившие или актуализировавшие свое значение с 2020 г., стали ассоциироваться исключительно с пандемией и коронавирусной инфекцией (53 % респондентов). Приведенные данные подтверждают концепцию того, что значительные изменения в жизни отразились на лингвистической системе, языковые новшества вошли в активное употребление.

2. Анализ языкового материала показал, что большинство участников анкетирования (71 %) знают значения новых слов, появившихся в эпоху коронавируса, что подтверждает их широкое использование в повседневной речи. 60 % информантов подтвердили, что среди новаций доминируют сложно-составные слова.

3. Преобладающее количество опрашиваемых (77 %) считает, что в появлении большого количества неологизмов, связанных с пандемией COVID-19, есть как положительные, так и отрицательные моменты. Мнение респондентов совпадает с позицией лингвистов о том, что новым словам удалось точно изобразить новые жизненные реалии, и русский язык, будучи живой системой, в условиях пандемии показал удивительный динамизм и открытость, но массовая сленгизация и появление большого количества слов с иронической и экспрессивной окраской является снижением языковой планки [3].

Список источников

1. *Вепрева И. Т.* COVID-19: ключевое слово коронавирусного лексикона на этапе графического усвоения в русском языке // Русский язык коронавирусной эпохи : монография : СПб. : Институт лингвистических исследований Российской Академии наук, 2021. С. 91–101.
2. *Громенко Е. С.* Корона как ключевое слово русского языка коронавирусной эпохи // Русский язык коронавирусной эпохи: монография: СПб. : Институт лингвистических исследований Российской Академии наук, 2021. С. 101–113.
3. *Осадчий М. А.* Итоги исследования «Слово Года» // Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина : сайт. 2020. 11 ноября. URL: <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=27341> (дата обращения: 21.10.2021).
4. *Приемышева М. Н.* Ковидный лексикон русского языка: тенденции динамики лексико-семантической системы в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Русский язык коронавирусной эпохи : монография : СПб. : Институт лингвистических исследований Российской Академии наук, 2021. С. 16–51.
5. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2002. 533 с.
6. *Словохотова В.* «Ковидище Поганое!» 3,5 тысячи новых слов появились в пандемию // Правмир.ru : сайт. 2021. 9 сен. URL: <https://www.pravmir.ru/kovidishhe-pogano-kakimi-slovami-koronavirus-obogatil-nash-yazyk/> (дата обращения: 22.10.2021).
7. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников [и др.]. СПб. : Институт лингвистических исследований Российской Академии наук, 2021. 550 с.

УДК 378:81'276(075.8)

А. И. Мезенцева

Anna87-05.86@mail.ru

Черноморское высшее военно-морское ордена Красной Звезды училище
имени П. С. Нахимова

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВУЗАХ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ: ОСОБЕННОСТИ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается специфика гуманитарного образования в вузах технического профиля. Выявляются характерные особенности гуманитарной подготовки обучающихся, раскрываются основные достижения в преподавании филологических дисциплин и обнаруживаются некоторые проблемы.

Ключевые слова: гуманитарное образование, высшее учебное заведение, технический профиль, филологические дисциплины, общекультурные компетенции.

A. I. Mezentseva

Black Sea Higher Naval Order of the Red Star School named after P. S. Nakhimov

HUMANITARIAN EDUCATION IN TECHNICAL UNIVERSITIES: FEATURES, ACHIEVEMENTS, PROBLEMS

The article discusses the specifics of humanitarian education in technical universities. The characteristic features of the humanitarian training of students are revealed, the main achievements in teaching philological disciplines are revealed and some problems are revealed.

Keywords: *humanitarian education, higher educational institution, technical profile, philological disciplines, general cultural competencies.*

Гуманитарное образование является основным ядром гуманитаризации всей системы высшего технического образования, активно влияет на социально-экологическое поведение людей, состояние межэтнических, социально-классовых и межгосударственных отношений.

Гуманитарное образование – наиболее динамичная область высшего технического образования, поскольку его предмет – общество – во всех его проявлениях развивается быстрее, чем природа, которая служит предметом естественнонаучного образования [2].

Гуманитарные аспекты высшего образования ориентированы на обогащение духовного мира студентов, приобщение их к сокровищам национальной и мировой культуры и цивилизации, расширение их кругозора, без чего невозможно формирование всесторонне развитой личности. В современных условиях кризиса и деградации культуры студенты вносят свой вклад в гуманизацию культурного процесса и преодоление отчуждения человека от культуры.

Проблемами гуманитаризации образования занимались многие исследователи: М. М. Бахтин, В. С. Библер, М. С. Каган, А. А. Касьян и др. М. М. Бахтин считал точные науки «монологической формой знания», а гуманитарные дисциплины называл «науками о духе» [1]. Прежде всего к гуманитарным дисциплинам относятся философия и филология. Философия является «метаязыком всех наук» [1]. О гуманитаризации технического образования в своих работах писали Н. Г. Багдасарьян, В. В. Бабушкина, С. В. Васильева. О том, что специалист технического профиля должен развиваться как творческая личность, размышляли О. В. Белаонова, В. П. Зинченко, В. И. Купцова. Учёные Г. А. Гетман, Н. В. Карлов, Т. А. Тартарашвили утверждали, что необходимо вводить гуманитарные дисциплины в обучение специалистов технического профиля [3].

Новые достижения науки, производства и культуры становятся органичной частью содержания высшего образования. Данные достижения являются необходимыми условиями для гуманитарного развития не только обучающихся, но и всего общества. Образование становится мощным инструментом подготовки не только специалистов определенного профиля, но и широко образо-

ванных и культурных людей, интеллектуалов в самом широком смысле этого слова.

Современные университеты выступают не только как образовательные и научные центры, но и как мощные центры духовной культуры, приобщения подрастающего поколения к культурным ценностям, их дальнейшего развития и распространения. Это одна из главных задач гуманитаризации высшего образования.

Необходимо отметить, что обучение в образовательном учреждении высшего образования технического профиля строится с учетом особенностей таких специальностей – это упор на новые технологии. Но современному специалисту технического профиля нужны не только профессиональные технические знания, он также должен владеть базовыми знаниями в науке, экономике, психологии и пр. У будущего специалиста технического профиля должны быть сформированы общекультурные компетенции. Кроме того, специалист должен иметь навыки общения в деловой сфере.

В данном контексте учебная дисциплина «Иностранный язык» может стать важным компонентом подготовки будущих специалистов, поскольку именно на практических занятиях по этой дисциплине можно научить обучающихся вести деловые переговоры, работать с профессиональной документацией и т. д.

В Черноморском высшем военно-морском училище (ЧВВМУ) в тематический план дисциплины С 1.1.3 Иностранный язык по специальности 11.05.01 «Радиоэлектронные системы и комплексы», по гражданской специальности «Электротехника, радиотехника и системы связи», специалитет, очная форма обучения, в 5 и 6 семестрах введён раздел «Деловой английский».

Существуют также определённые проблемы в процессе гуманитаризации высшего технического образования, связанные с отсутствием методического сопровождения, в том числе необходимой учебной литературы, как в печатном виде, так и на электронных носителях. Решение данной проблемы привело к созданию ряда учебных пособий:

- 1) «Специальная тематика для чтения, говорения, аудирования и письма по курсу иностранный язык» [4];
- 2) «Иностранный язык: научное общение» [5];
- 3) «Научный английский язык» [6];
- 4) «Иностранный язык для научно-исследовательской работы» [7];
- 5) «Иностранный язык для научно-исследовательской работы. Аудиодиск» [8];
- 6) «Иностранный язык для научно-исследовательской работы» [9].

Однако остаётся открытым вопрос усовершенствования методики проведения занятий по дисциплине «Иностранный язык», что является продолжением проблемы гуманитаризации высшего технического образования.

Таким образом, динамичные изменения в современном обществе значительно усложняют функции образовательной системы. Простая передача опыта и знаний в новой образовательной парадигме недостаточна, новые условия требуют наличия универсальности подготовки. Гуманитаризация технического образования способна придать общечеловеческий характер обучению профессии, создать условия для творческой реализации нового образовательного поколения.

Мы считаем, что необходима также разработка теории гуманитарных технологий для использования в техническом образовании не только для повышения эффективности образовательного процесса, но и для повышения качества педагогической среды. Кроме того, исследования в области разработки практико-ориентированных основ конструирования гуманитарных технологий в рамках гуманитарной среды технического вуза необходимо вести с учётом индивидуальных особенностей обучающихся, потребностей будущих специалистов и спроса рынка труда. Важным является исследование проблем, связанных с функционированием гуманитарной среды технического вуза, использованием инновационных подходов, методов и с возможностью оптимизации обучения с их помощью.

Список источников

1. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений: в 7 томах / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. 958 с.
2. *Добрускин М. Е.* Гуманизация как стратегия высшего образования // *Философия и общество.* 2005. № 3(40). С. 87–109.
3. *Ишакова Е. Н.* Гуманитарное знание как фактор совершенствования инженерного образования программистов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2004. 21 с.
4. *Мезенцева А. И.* Специальная тематика для чтения, говорения, аудирования и письма по курсу иностранный язык. Севастополь : ЧВВМУ имени П. С. Нахимова, 2016. 200 с.
5. *Мезенцева А. И.* Иностранный язык: научное общение. М. : Русайнс, 2018. 150 с.
6. *Мезенцева А. И.* Научный английский язык. М. : Русайнс, 2021. 214 с.
7. *Мезенцева А. И., Бурлай Н. В.* Иностранный язык для научно-исследовательской работы. Севастополь : ЧВВМУ имени П. С. Нахимова, 2021. 256 с.
8. *Мезенцева А. И., Бурлай Н. В.* Иностранный язык для научно-исследовательской работы. Foreign Language for Scientific and Research Work. Class CD. Севастополь : ЧВВМУ имени П. С. Нахимова, 2021. 7519 КБ.
9. *Мезенцева А. И., Бурлай Н. В.* Иностранный язык для научно-исследовательской работы. Foreign Language for Scientific and Research Work. Севастополь : ЧВВМУ имени П. С. Нахимова, 2021. 102 МБ.

Н. Ю. Орлова

nataliaorlova967@gmail.com

Костромской государственной университет

**КОММУНИКАТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО МЕДИАДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ)**

В статье рассматривается проблема направленности научно-популярного медиадискурса на коммуникацию с широким кругом читателей-неспециалистов, исследуются стратегии и тактики вовлечения аудитории в диалог, намеренно созданный авторами текстов. Проводится анализ лексических единиц и композиции текстов. В качестве примера выступают фрагменты выпусков журнала National Geographic: основные положения статьи находят подтверждение в медиатекстах портала. В тексте статьи оценивается роль экспрессивного изложения данных, а также обоснованность и выверенность структуры текстов, характерной для материалов научного медиадискурса.

Ключевые слова: научная коммуникация; научно-популярный медиадискурс; научная журналистика; лексические особенности; композиция медиастатьи; диалогизация; эмотивность.

N. Y. Orlova

Kostroma State University

**COMMUNICATIVE ORIENTATION OF POPULAR SCIENCE MEDIA
DISCOURSE (BASED ON THE MATERIALS OF ENGLISH SCIENCE
JOURNALISM)**

The article deals with the communicative aspects of popular science media discourse, the problem of its orientation mto a wide range of non-specialist readers, the strategies and tactics of involving the audience into a dialogue, intentionally created by the authors of the texts. The research is based on an analysis of lexical units and text composition applicable in the discourse in question. Fragments of National Geographic issues are used as an example: the main positions of the article are confirmed in the media texts of the platform. The role of expressive data presentation as well as the validity and consistency of textual structure, which are typical for the materials of scientific media discourse, are evaluated in the text of the article.

Keywords: science communication; popular science media discourse; science journalism; lexical features; media article composition; dialogisation; emotivity.

Функционирование медиадискурса как способа научной коммуникации целесообразно рассмотреть с точки зрения стратегий и тактик, используемых автором. Приобщение аудитории к научному знанию осуществляется во многом за счет эмотивности научной публицистики: именно эмоциональный настрой читателя определяет его готовность к диалогу. При этом уровень экспрессивности любого текста зависит не только от регламентированных установок, но и от индивидуальности автора [4, 477].

Направленность научно-популярных изданий на массового читателя подразумевает проведение специальных работ с научным текстом, его адаптирование к языку, доступному широкому кругу общественности, установление контакта с читателем-неспециалистом на соответствующем когнитивном и языковом уровне. При предъявлении имеющихся данных автор неизбежно учитывает предполагаемый опыт адресата, в том числе и речевой. Научно-популярная литература, в отличие от научной, избегает сложного, специфично-научного языка, но при этом не упрощает предоставляемую читателю информацию. Излишнее обобщение и поверхностность могут привести к искажению данных, их неверному толкованию.

Как система смыслов, научно-популярный текст отражает работу над превращением затекстовых познавательных ситуаций в новое структурированное научное знание [3, 46]. Своей целью авторы текста научного или же научно-популярного стиля ставят изменение взглядов читателя на предмет исследования или преобразование объема известной ему информации. Таким образом, автор борется за сохранение равновесия между информативностью текста и доступностью изложения. Главными субъектами медиакommunikации являются автор и адресат, именно их своеобразие определяет специфику современного медиатекста [1, 11]. Следует различать реального автора и реального адресата – соответственно создателя и получателя медиатекста – и тот образ автора/адресата, который формируется языковыми средствами в самом тексте. Взаимодействие этих субъектов научной коммуникации осуществляется через диалог – основной элемент композиции научного медиатекста.

Стратегии популяризации особенно прослеживаются через лексический состав медиатекстов, а также через избранный автором формат представления, или структуру. Лексика научно-популярного произведения играет особую роль в формировании стилистического образа текста. Поскольку научно-популярный дискурс представлен единением межстилевых характеристик, заимствованных из различных функциональных стилей, то их черты проявляются и на лексическом уровне текстов. В то же время взаимодействие субъектов научной коммуникации осуществляется за счет правильно подобранной композиции: распределения акцентов в тексте, визуализации, деления данных на смысловые блоки, завершенности создаваемых образов.

Представить механизм приобщения читательской аудитории к материалам научных изданий позволит анализ научно-популярных публикаций. В качестве примера рассмотрим статью *National Geographic* “‘Impossible’ chemistry may reveal origins of life on Earth” [7]. Особое место на указанном научном портале отводится теме зарождения и развития жизни на Земле, что определило выбор статьи. В статье описывается роль метаболизма и связанных химических реакций клеточного уровня в возникновении живых организмов. Анализ позволил выявить основные стратегии привлечения и удержания внимания читателя, основанные на задействованных языковых средствах.

Одним из предметов изучения стала применимая терминология: для научно-популярных текстов характерно значительно меньшее обращение к тер-

минам, в отличие от собственно научных текстов. Избегая излишнего использования терминологической лексики, автор обращается к общеупотребительным эквивалентам, которые входят в область употребления и бытовую картину адресата произведения – читателя-неспециалиста. Вводится, в том числе, и общенаучная лексика, которая служит в связи со спецификой текста для пояснения каких-либо научных процессов. Используются только ключевые понятия, характерные для темы исследования, например: *molecule, bacterium, DNA, evolution, nutrients, metabolism*. В целях поддержания общего тона повествовательная речь автора содержит многочисленные примеры употребления юмористических замечаний. Например: «*So scientists face a biochemical chicken-or-the-egg dilemma: Which came first, the chemical engine to build the cell, or the cellular mechanisms needed to build the engine?*». Данный фрагмент текста содержит отсылку к общему опыту аудитории, что является одной из ведущих черт современной публицистики, и встречается в том числе в текстах научно-популярного стиля. Она реализуется в полной мере, когда фоновые знания читателя и автора совпадают.

Текст научно-популярной статьи часто формулируется таким образом, чтобы добиться определенного желаемого настроения читателя. Для этого активно используется оценочная лексика: «*Since the serendipitous find, a wave of excitement has spread among researchers who study life's origins*». Повествование автора, как отмечалось ранее, строится на юмористических комментариях и иронии. При этом текст становится наиболее интересным и занимательным для адресата, а изложение – запоминающимся. Комические элементы позволяют не только привлечь внимание к тексту, но и сделать процесс получения знаний более увлекательным. К тому же такие средства делают текст более оригинальным, уводят его от шаблонности и «учебниковости» изложения материала. Приведем пример из статьи: “*It's like breaking a glass jar into pieces, and then saying: The pieces came from the jar, therefore I can put the jar together,*” he says”.

Автор вводит новое знание с помощью метафоры: «*Even the simplest bacterial cell has hundreds of genes and thousands of different molecules. All of these building blocks work together in an intricate dance, shuttling food into the cell and passing waste out, repairing damage, copying genes, and much more*». Часто к метафоре прибегают при недостаточной логичности, сложности пояснения [5, 133]. Метафора принадлежит не только художественной, но и научной речи. Научно-популярная литература использует метафору как средство создания образности, объединяет художественный вымысел с документальным рассказом. Как бы прочно популяризация ни основывалась на научных представлениях о мире, она все же остается формой повествования [6, 70]. Визуализация, образность жанра определяют его связь с прочей литературой. Научно-популярная литература имеет функцию убеждения. В словесной форме авторы описывают наблюдения ученых, с целью заставить аудиторию поверить. Литературные техники создают эффект присутствия. Сама структура научно-популярного текста иллюзорна: последовательная организация работы, эф-

фектные заголовок и концовка, свойственные более публицистике, становятся иллюстрацией научной мысли с ее художественным переосмыслением.

В основу приема метафоры как средства популяризации заложен метод ассоциации, который использует знание и информацию, имеющуюся и у автора произведения, и у его адресатов. Таким образом, за счет принципа аналогичности, автор делает новое знание доступным и понятным для адресата, метафора при этом выполняет пояснительную функцию. С той же целью используются сравнительные обороты и аналогии: *“Xavier, who is now based at University College London, compares a living cell to a cup of water with a hole in the bottom and a faucet pouring in. If the two flows are equal, the volume of water in the cup stays the same, but there is transformation going on”*.

К стилистическим средствам, использованным автором, относится, в том числе, стилистический синтаксис во всех его проявлениях – начиная от порядка слов и заканчивая различными структурно-семантическими типами предложений и синтаксическим параллелизмом. Считается, что объемные высказывания, состоящие из распространенных предложений, трудно воспринимаются. Тем не менее, научно-популярные издания обогащены предложениями различной длины. Без распространенных предложений сложно представить любого рода описание, историю (ведь именно в виде истории очень часто подается научно-популярная статья). Так, автор анализируемой статьи часто прибегает к удлиненным предложениям: *“After all, if this could happen in a test tube, perhaps it could also have happened billions of years ago in a deep-sea volcanic vent, or on land in thermal pools, or somewhere else with lots of chemical activity and organic material”*.

Тексты научно-популярного жанра включают множество цитат и отсылок к мнениям как ученых, так и других людей, вовлеченных в исследование. Таким образом научные журналисты акцентируют внимание аудитории на важности достижений науки. Примером может послужить следующий фрагмент: *“The researchers, led by bioengineer Joana C. Xavier, who was at Heinrich Heine University Düsseldorf in Germany at the time, looked for protein families that were common across the species of bacteria, as these were likely to be truly ancient-dating back over three billion years to the last common ancestor of all bacteria”*.

В научно-популярных текстах отмечается использование лексики, отличной от той, что характерна для собственно научных стилей. В противном случае, она имеет другие функции. Так, в исследуемой статье местоимения служат для выражения причастности читателя к исследованию: *“No matter how we define it, that dance keeps going, slowly honing the biological machinery that built Earth’s endless forms most beautiful and most wonderful”*.

Научно-популярное произведение содержит четкую установку на ответную реакцию читателя, построение такой языковой стратегии субъекта речи, которая обеспечивала бы потенциальную обратную связь, т. е. реализацию диалогических отношений [2, 315]. Диалогизация речи основана, прежде всего, на вопросно-ответных комплексах. С их помощью автор управляет вниманием читателя. Вопросно-ответные комплексы способствуют расчлененному усвоению

мысли, вводят термины, дефинируют их. Конструкции «вопрос – ответ» создают композиционный каркас научно-популярного произведения. Группы вопросов функционируют в заглавиях, подзаголовках и внутренних заглавиях. При этом ответом на заглавие-вопрос может быть вся статья или ее часть. Например: *“This exciting new area of research has scientists rethinking the steps that could have led to the first living organism, and it has forced them to once again confront a longstanding question: How do we define life in the first place?”*.

Заголовок статьи формулирует проблему текста, основная часть, представленная смысловыми разделами с отдельными наименованиями, – предлагает пошаговый ответ на возникающие вопросы. Первый абзац статьи коротко характеризует содержание всего текста, дает читателю пищу для ума. Данной части текста уделяется особое внимание, так как от нее зависит заинтересованность читателя: *“Experiments suggest that metabolism could have begun spontaneously on our primordial planet – and that scientists may need to rethink how we define life”*.

Материал проиллюстрирован множеством описательных вставок с элементами художественного повествования: *“Markus Ralser never intended to study the origin of life. His research focused mainly on how cells feed themselves, and on how these processes can go wrong in organisms that are stressed or ill. But about a decade ago, by sheer accident, Ralser and his team made a shocking discovery”*. Автор рассказывает историю людей, вовлеченных в научное исследование. Освещая жизнь и профессию исследователя, автор помогает читателю понять ценность результатов интеллектуального труда ученых.

В отличие от специалиста, читатель научно-популярной статьи интересуется скорее не методологией исследования, а его результатом. Поэтому вместо описания технических сторон авторы уделяют внимание интерпретации полученных данных.

В рассмотренной статье автор акцентирует внимание на образе ученого. Упоминаются должности исследователей в научных учреждениях, их основная деятельность. Образ ученого в статьях вводится по-разному: он может стать основополагающим смысловым центром, а может упоминаться в целях убеждения в достоверности данных.

Заключительная часть текста часто строится на тезисах, подчеркивающих важность результатов исследования: *“Life, in a sense, is a kind of chemical accident – a whirling dance that has not stopped in more than three and a half billion years. No matter how we define it, that dance keeps going, slowly honing the biological machinery that built Earth’s endless forms most beautiful and most wonderful”*.

Таким образом, коммуникативные стратегии и тактики научной публицистики основаны на экспрессивной подаче научных данных, характерной для медиатекста организации материала. Используемая автором научно-популярного текста лексика направлена на создание и повышение эмоциональности текста и повествования, создание эффекта диалогичности, неофициальности и доверительности.

Список источников

1. *Клушина Н. И.* Медиастилистика . 2-е изд., стер. М. : Флинта, 2019. 184 с.
2. *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка : учебник. 8-е изд., стер. М. : Флинта, 2020. 464 с.
3. *Котюрова М. П.* Культура научной речи: текст и его редактирование : учебное пособие / М. П. Котюрова, Е. А. Баженова. 6-е изд., стер. М. : Флинта, 2018. 280 с.
4. *Михайлов А. В.* Языки культуры : учебное пособие. М. : Языки русской культуры, 1997. 918 с.
5. *Найденова Н. С.* Научный стиль речи: теория, практика, компетенции : учебное пособие / Н. С. Найденова, О. А. Сапрыкина. М. : Инфра-М, 2020. 232 с.
6. Пособие по общественным связям в науке и технологиях : учебное пособие / под ред. М. Букки. М. : Альпина нон-фикшн, 2018. 592 с.
7. *Marshall M.* 'Impossible' chemistry may reveal origins of life on Earth // National Geographic. 2022. 4 апр. URL: <https://www.national-geographic.com/science/article/impossible-chemistry-may-reveal-origins-of-life-onearth#:~:text=Experiments%20suggest%20that%20metabolism%20could,rethink%20how%20we%20define%20life> (дата обращения: 06.05.2022).

УДК 811.161.1

П. П. Смирнова

Polina.sun10@mail.ru

Костромской государственной университет

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА БЕЛАЯ ВОРОНА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Статья посвящена исследованию фразеологизма белая ворона, функционирующего в текстах современных СМИ в традиционном и трансформированном виде. Выявлены интенции авторов текстов, обуславливающие окказиональные преобразования фразеологической единицы, отражён преобразовательный потенциал фразеологизма.

Ключевые слова: окказиональная фразеология; трансформации фразеологизмов; фразеологизм-орнитоним белая ворона.

P. P. Smirnova

Kostroma State University

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT WHITE CROW IN MODERN MEDIA TEXTS

The article is devoted to the study of the phraseology of the white crow, functioning in the texts of modern media in a traditional and transformed form. The intentions of the authors of the

texts that determine the occasional transformations of the phraseological unit are revealed, the transformative potential of phraseology is reflected.

Keywords: *occasional phraseology; phraseological transformations; phraseology-ornithonym of the white crow.*

Неотъемлемой частью национального языка являются фразеологизмы. Будучи единицами образными, экспрессивными, оценочными, они широко используются в публицистических текстах. Это связано, в первую очередь, с тем, что именно языку средств массовой информации присущи такие стилевые черты, как экспрессивность и оценочность, и именно фразеологические единицы (далее ФЕ) становятся сильным средством выражения этих качеств, средством воздействия на читателей.

Фразеологические единицы репрезентируют особенности мировосприятия народа, его образного мышления. Через фразеологические образы, интуитивно понятные и близкие большей части носителей языка, легче всего воздействовать на аудиторию, чем активно и пользуются авторы текстов СМИ.

В качестве средств воздействия на широкие читательские и зрительские массы часто используются ФЕ, имеющие в своём составе специфические компоненты – антропонимы, зоонимы, мифологизмы, библеизмы, так как многие из них не утратили своей мотивировки в процессе функционирования за счет образных сюжетов, заложенных в их семантику.

Одну из таких групп составляют фразеологизмы с компонентами-орнитонимами. Фразеологические единицы с компонентом-орнитонимом активно функционируют в современной речи и языке СМИ не только в языковом, но и в трансформированном виде, подвергаясь различным приёмам преобразования, приводящим к изменениям семантики и грамматической структуры языковых единиц. Оказиональные трансформации ФЕ обусловлены авторскими интенциями: конкретизацией либо экспликацией значения фразеологизма, интенсификацией эмоционально-экспрессивного плана, изменением оценочности или стилистической окрашенности фразеологической единицы, частичного или полного изменения фразеологического образа [8].

В современных СМИ одной из самых частотных по употреблению является ФЕ *белая ворона*.

Фразеологизм *белая ворона* обозначает ‘человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей’ [9, 91]. В основу фразеологического образа положено представление человека о внешнем виде вороны, а также о взаимоотношениях данных птиц в природе [5].

Как известно, в природе встречаются особи-альбиносы, бывают они и среди ворон. Таким птицам намного сложнее выживать в дикой природе, так как они утрачивают сходство со стаей и нередко подвергаются нападкам со стороны сородичей. Именно эта «странность» в окрасе оперения ворон и послужила основой для образования фразеологизма. Человек, характеризуемый посредством фразеологизма *белая ворона*, исключителен по своим внешним либо внутренним качествам и поэтому никак не вписывается в общество, сталкивается с неприятием окружающих, участь такого человека незавидна.

ФЕ *белая ворона* часто используется в своём языковом, узуальном, виде. См., например: «“Белая ворона” в Белом доме. Как Трамп брал штурмом Америку» (интернет-издание «Аргументы и факты», Г. Иванов) [4]; «Москва не любит белых ворон» (интернет-издание Altapress.ru) [11]. Такая частотность употребления ФЕ объясняется, на наш взгляд, появлением в современном социуме, в политике людей, не похожих на большинство членов социума и отвергаемых этим социумом.

Помимо узуальных форм, данный фразеологизм функционирует, и достаточно часто, в преобразованном виде. Трансформации ФЕ обусловлены, в первую очередь, желанием авторов текста использовать именно данные фразеологизмы для характеристик людей и – шире – предметов, явлений, процессов в конкретных ситуациях.

1. Одним из самых продуктивных способов преобразования фразеологических трансформов является расширение компонентного состава. Посредством вводимых в состав языковой ФЕ окказиональных компонентов авторы чаще всего стремятся охарактеризовать конкретное лицо, конкретную ситуацию, явление и др.

«Северная белая ворона» (интернет-издание livejournal) [3] – название статьи, посвященной особенностям становления и быта КНДР. В содержании статьи автор неоднократно подчеркивает самобытность страны, ее индивидуальный, непохожий на другие путь. Этим и объясняется выбор в качестве заголовка статьи фразеологизма *белая ворона*. Окказиональный вариант языкового фразеологизма – *северная белая ворона* – образован путем включения в компонентный состав языковой ФЕ расширителя-конкретизатора *северная*; тем самым автор «вписывает» языковой фразеологизм в определенную ситуацию, конкретизируя субъект повествования, и намекает читателю на то, что речь в статье пойдет про Северную Корею, которая и является той самой *белой вороной* на мировой политической арене.

Также за счет расширения исходной ФЕ образован окказиональный вариант языкового фразеологизма *белые вороны с красным оттенком*. Данный трансформ встречается в качестве заголовка в интернет-газете «Актобе таймс» (автор – К. Сергеев) [6]. Заглавие интервью отсылает читателя к языковому фразеологизму, употребленному первым секретарем актюбинского обкома; политик в своей речи высказывает мнение, что вступившие в коммунистическую партию будут ощущать себя среди членов других партий «белыми воронами». Прибегая к использованию расширителя-конкретизатора *с красным оттенком*, автор интервью подчеркивает принадлежность «белых ворон», о которых пойдет речь, к «красной», коммунистической партии, тем самым конкретизируя ФЕ применительно к описываемой ситуации. Автор удачно обыгрывает фразеологизм, делает заголовок статьи действительно интригующим и привлекательным.

По такому же принципу образован окказиональный вариант языковой фразеологической единицы *асоциальные белые вороны*: «Люди, которые ведут себя так, суть **асоциальные белые вороны**, ибо считается, что “жить в обще-

стве и быть от него свободным нельзя”. Всегда, во все времена российское общество – с тех пор, когда окончательно оформилось в Русскую Систему, – нетерпимо относилось к ним и стремилось от них избавиться» (интернет-издание Интелпрос, Ю. Афанасьев) [1]. Однако цель трансформации языковой ФЕ иная, а именно – экспликация значения фразеологизма: асоциальный – тот, чьи поведение и поступки не соответствуют нормам и правилам поведения людей в обществе, общественной морали. Экспликация значения фразеологизма проявляется в том, что в статье поднимается проблема свободной от общественного давления и идеологии личности, которая, как и вороны-альбиносы в стае, оказывается гонимой своими, так отличающимися от нее сородичами. Таким образом, окказиональный расширитель *асоциальные* раскрывает отношение общества к личностям, которые стремятся к свободе своих взглядов и истинному знанию, и проясняет значение ФЕ.

2. Вторым продуктивным способом трансформации фразеологических единиц является замена компонентного состава. Так же, как и при расширении компонентного состава, в компонентный состав ФЕ вводятся окказиональные компоненты для характеристики конкретного лица, конкретной ситуации.

См. в качестве примера использование окказионального варианта языковой ФЕ *жёлтая ворона* в заголовке статьи о необычном художнике: «**Желтая ворона** будет пошибче белой» (интернет-издание «Новая Сибирь», П. Гармонеистов) [2]. Замена компонента-колоратива *белый* окказиональным компонентом *жёлтый* обусловлена стремлением автора В. Фадеева использовать фразеологизм для характеристики конкретного человека – сибирского художника: «Ходит по городу странный человек... Сергей Кабышев (жёлтая ворона). Любимый его цвет – жёлтый: цвет солнца, весны, радости». За счет замены компонента *белый* словом-конкретизатором *желтый* ироничная оценочность, свойственная языковому фразеологизму, утрачивается, благодаря положительной оценке творчества героя статьи. Таким образом, становится очевидно, что автор трансформирует языковую ФЕ с целью не только конкретизировать ее по отношению к ситуации, но и изменить экспрессивно-оценочный план исходной единицы, показав тем самым, что отличаться от других – это скорее преимущество, нежели недостаток.

3. Специфический приём контаминации (объединения) двух фразеологизмов не входит в ряд продуктивных, однако стилистический эффект при использовании данного приёма велик.

Так, контаминация использована в названии «Край **пуганых белых ворон**» (интернет-издание Babr24.com, А. Скальский) [7]: «Это Россия вчера и даже еще сегодня. Владимир Преображенский, директор проекта “Сценарии России”, представлявший на семинаре возможные пути развития страны, считает, что одна из главных сегодняшних бед в том, что в России распугали всех **белых ворон** – людей, которые мыслят нестандартно и хотят что-то делать вопреки всему. <...> **В краю непуганых белых ворон** [в Сибири] и другие пернатые начинают выстраиваться за ними, тянуться, пытаться быть и делать». Фразеологический трансформ *пуганая белая ворона* образован путем наложения

ФЕ *пуганая ворона* и ФЕ *белая ворона*, которые легко соединяются в один необычный образ при помощи общего смыслообразующего компонента *ворона* [10]. Трансформ *пуганая белая ворона* в данном тексте используется для характеристики человека с нестандартным мышлением, желающего совершенствовать мир вопреки всему, однако, будучи отвергнутым обществом, вынужденного бездействовать в ожидании наиболее благоприятной обстановки, чтобы начать предпринимать хоть какие-то шаги к переменам. В данном тексте встречается ещё один трансформ – *непуганая белая ворона*, образованный благодаря комплексу приёмов – антонимической замене компонента и контаминации. Сопоставление двух трансформов позволяет почувствовать коннотативную противопоставленность фразеологизмов: окказиональный вариант ФЕ *пуганая белая ворона* имеет отрицательную оценку, а его противоположность – *непуганая белая ворона* – положительную. Так в данной статье автор преобразует языковые ФЕ с целью приращения новых смысловых оттенков, изменения оценочности и конкретизации ФЕ по отношению к описываемой в тексте ситуации.

Таким образом, очевидно, что авторы СМИ довольно часто при создании текстов обращаются к фразеологизму *белая ворона*, используя его как в языковом, так и в трансформированном виде. Активность данной фразеологической единицы в текстах СМИ заключается в том, что ситуации, описываемые авторами, актуальны для общественной и политической жизни и раскрывают самые острые проблемы притяния / неприятия человека или группы людей обществом, или государства мировым политическим укладом; показывают негативные стороны жизни, являющиеся остросоциальными, подчеркивают, как современному человеку тяжело жить в обществе и с какими трудностями он сталкивается.

Список источников

1. *Афанасьев Ю.* Возможна ли сегодня в России либеральная миссия? URL. <http://www.intelros.ru/readroom/kontinent/kontinent-148-2011/11501-vozmozhna-li-segodnya-v-rossii-liberalnaya-missiya.html> (дата обращения: 10.07.2022).
2. *Гармонеистов П.* Желтая ворона будет пошибче белой. URL. <https://newsib.net/kultura/zheltaya-vorona-budet-poshibche-beloy.html> (дата обращения: 11.05.2022).
3. Живой Журнал. Северная белая ворона. URL. <https://colonelcassad.livejournal.com/291394.html> (дата обращения: 20.06.2022).
4. *Иванов Г.* «Белая ворона» в Белом доме. Как Трамп брал штурмом Америку. URL. https://aif.ru/politics/world/belaya_vorona_v_belom_dome_kak_tramp_bral_shturmom_ameriku (дата обращения: 11.06.2022).
5. *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М. : Русские словари, 1997. 863 с.
6. *Сергеев К.* «Белые вороны» с красным оттенком. URL. <https://aktobetimes.kz/novosti/5080-belye-vorony-s-krasnym-ottenkom.html> (дата обращения: 11.06.2022).
7. *Скальский А.* Ученые считают, что возрождение России начнется с Сибири. URL. <https://babr24.com/msk/?IDE=2281> (дата обращения: 19.04.2022).

8. *Третьякова И. Ю.* Окказиональная фразеология : монография. Кострома : Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. 290 с.
9. Учебный фразеологический словарь / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. М. : АСТ, 1997. 304 с.
10. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / сост. А. И. Федоров. 3-е изд., испр. М. : АСТ : Астрель, 2008. 878 с.
11. *Шелягин А.* Человек и паровоз. Зачем губернатору Томенко идти на выборы в АКЗС и при чем тут белые вороны. URL. <https://altapress.ru/politika/story/chelovek-i-parovoz-zachem-gubernatoru-tomenko-idti-na-vibori-v-akzs-i-pri-chem-tut-belie-voroni-283784> (дата обращения: 13.04.2022).

УДК 811.161.1

А. А. Соколовская

sokolovskayav2001@mail.ru

Российский университет дружбы народов

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ НА ОСНОВЕ ПЬЕСЫ
А. П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД» НА ЗАНЯТИЯХ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ**

Статья посвящена вопросу интерпретации эмотивной лексики в роли обращения на примере художественной литературы на занятиях по РКИ в иностранной аудитории. При анализе текста пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» выделяются несколько типов обращений и уделяется особое внимание выражению эмоциональной оценки речевого оппонента посредством использования определенных лексико-грамматических средств. Акцент ставится на необходимости освоения эмотивной лексики при формировании коммуникативных компетенций у иностранных учащихся.

Ключевые слова: эмотивная лексика, РКИ, художественный текст, русский речевой этикет, обращение.

A. A. Sokolovskaya

Peoples' Friendship University of Russia

**THE INTERPRETATION OF EMOTIVE VOCABULARY
ON THE EXAMPLE OF THE PLAY OF A.P. CHEKHOV
“THE CHERRY ORCHARD” IN RUSSIAN LANGUAGE CLASSES
IN THE FOREIGN AUDIENCE**

This article discusses the interpretation of emotive vocabulary in the quality of address forms on the example of the literary text in the foreign audience. Different types of address forms in the play of A. P. Chekhov “The Cherry Orchard” are analyzed. Special attention is focused on the peculiarities of lexical and grammatical means of positive evaluation of an interlocutor.

Emphasizes the need to acquire the emotive vocabulary in the formation of linguistic and communicative competences among the foreign students studying the Russian language.

Keywords: *emotive vocabulary, Russian as a Second Language, literary text, Russian speaking etiquette, address forms.*

Эмотивная лексика – это особый класс лексических единиц, противопоставленных так называемой «нейтральной» лексике [2, 44–49]. С ее помощью мы можем выразить свои чувства и переживания, а также давать эмоциональную оценку окружающему нас миру. Особый интерес представляет функционирование эмотивной лексики на уровне речевого этикета, в частности, на уровне речевой формулы обращения, так как обращение является «самым ярким и самым употребительным этикетным знаком» [4, 101].

Как отмечает А. Вежбицкая, ссылаясь на исследования Гарварда о русском национальном характере, русские люди являются «экспрессивными и эмоционально живыми» [1, 34]. Это находит отражение в русской речи: она очень богата на средства выражения эмоций.

Обращение, выполняя, помимо номинативной, вокативной, контакто-устанавливающей, еще и эмоционально-оценочную функцию, позволяет вступить в речевое взаимодействие одновременно с выражением личных переживаний и субъективной оценки речи коммуникантов. Следовательно, ознакомление иностранных учащихся с функционированием эмотивной лексики в речевом этикете представляется актуальным, так как выражение эмоций и их оценка являются неотъемлемой частью повседневной коммуникации.

Одним из самых распространенных способов выразить положительную эмоциональную оценку собеседника в русском речевом этикете является использование обращения в форме диминутива. Как отмечает Н. А. Шульман, данная языковая категория отражает не только лингвистический, но и лингвострановедческий аспект, а потому изучение специфики образования слов-диминутивов и их корректного использования в речи является важной частью продвинутого этапа изучения русского языка как иностранного [6, 549–553].

К основным способам образования так называемых диминутивных номинаций относятся лексико-семантический и суффиксальный способы [3, 264–272]. По мнению Н. И. Формановской, «богатая суффиксация русского имени (и наименований родства) формировалась именно в сфере обращения» [4, 132]. На этом основании можно предположить, что чаще всего диминутивные формы используются при повседневном, бытовом общении, в котором мы стремимся максимально выразить свою индивидуальность и личное отношение к речевому оппоненту.

Одним из эффективных способов семантизации диминутивов является знакомство с классической литературой, ярко отражающей особенности функционирования национального этикета. Чтение текстов имеет ряд важных преимуществ: возможность многократного прочтения и подробного ознакомления с контекстом использования лексических единиц. Кроме того, «художественные произведения обращены к разным сторонам души читателя. Они способст-

вуют полноте и целостности развития языковой личности иностранных студентов» [5, 181–184].

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что интерпретация эмотивной лексики в рамках речевого этикета на основе классической пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» представляется целесообразной и практически значимой.

В ходе анализа текста пьесы нами было выделено 3 критерия классификации обращений по эмотивному признаку: по структурным (слово/словосочетание) и грамматическим особенностям (имя существительное/субстантивированное имя прилагательное) и по способу передачи эмоционального компонента (за счет лексического значения/при помощи суффиксации).

К первой категории структурного признака нами были отнесены следующие диминутивные формулы обращения: *Дуняша, светик, душечка, мамочка, милейшая, дядечка, детки, родная, голубчик*. Ко второй категории – обращения *милая моя; радость моя; мой старичок; милый мой; крошка моя; сокровище мое; мое золото; милые, дорогие друзья мои; ой мой милый, мой нежный, прекрасный сад*. При этом важно отметить широкое использование притяжательного местоимения «мой», способствующего усилению экспрессивности выражения и отражающего специфику русской бытовой речи.

По грамматическому признаку обращения в тексте были разделены на формулы, состоящие из имен существительных: *Дуняша, радость, светик, душечка, старичок, мамочка, дядечка, крошка, детки, голубчик, сокровище, золото*, и формулы, состоящие из субстантивированных имен прилагательных: *милая, милый, милейшая, родная*.

По способу передачи эмоционального компонента были разграничены слова, содержащие положительную оценку в самом значении: *милая, радость, милый, крошка, сокровище, золото*, и слова, передающие эмоцию при помощи присоединения уменьшительно-ласкательных суффиксов: *Дуняша, светик, душечка, старичок, мамочка, дядечка, детки, голубчик*.

Проанализировав таким образом текст пьесы, можно сделать следующие выводы. Для русской разговорной речи, направленной на выражение положительных эмоций по отношению к собеседнику, характерен распространенный тип обращения (*милая моя*). Также преобладают обращения, выраженные именами существительными (*мамочка*), что подтверждает их высокий вокативный потенциал по сравнению с субстантивированными частями речи (*родная*). Кроме того, можно заключить, что для русской речи наиболее характерно выражение эмоций в коммуникации при помощи присоединения к лексическим единицам уменьшительно-ласкательных суффиксов (*дядечка*).

Резюмируя проведенный анализ эмотивной лексики, необходимо отметить следующие ключевые пункты.

Русская разговорная речь отличается экспрессивностью и обладает большим эмотивным и оценочным потенциалом, особенно в сфере обращений. Формула обращения, в свою очередь, имеет широкую лексико-грамматическую

вариативность и занимает одно из главных мест в русском речевом этикете. Следовательно, подробное ознакомление с данными лингвокультурологическими аспектами является необходимым при формировании соответствующих языковых и коммуникативных компетенций и составляет одну из первостепенных задач иностранного учащегося, изучающего русский язык.

Список источников

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / отв. ред. М. А. Кронагуз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М. : Русские словари, 1996.
2. *Егорова В. И.* Эмотивная лексика в лингвистике // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 2. С. 44–49.
3. *Резниченко Л. Ю.* Специфика диминутивных номинаций лица (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 2. С. 112–114.
4. *Формановская Н. И.* Вы сказали: «Здравствуйте!» (Речевой этикет в нашем общении). 3-е изд. М. : Знание, 1989.
5. *Хабарова К. В., Тимофеева Н. А., Малышева Н. А.* Преподавание русской литературы в системе РКИ как фактор интеграции иностранных учащихся в российское социокультурное пространство // Символ науки. 2017. Т. 1, № 2. С. 181–184.
6. *Шульман Н. А.* Использование произведений русской классики при обучении диминутивам на занятиях по русскому языку как иностранному // Актуальные вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 20 мая 2021 г.) / под общ. ред. С. А. Вишнякова. М. : Московский педагогический государственный университет, 2021. С. 549–553.

Раздел 3

ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕКСТА. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

УДК 811.161.1.09"20"

М. О. Большова
Small140@yandex.ru

Костромской государственный университет

ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РОМАНЕ АНАТОЛИЯ РЫБАКОВА «ДЕТИ АРБАТА»

В статье рассматривается связь функциональной стороны фразеологизмов с динамикой формирования содержательной стороны произведения А. Н. Рыбакова «Дети Арбата», а также выявлены текстообразующая, концептообразующая, характерологическая функции фразеологических единиц в тексте 1 и 2 частей романа «Дети Арбата».

Ключевые слова: стилеобразующая функция фразеологизмов, роман «Дети Арбата», авторская позиция.

M. O. Bolshova
Kostroma State University

FUNCTIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE NOVEL BY A. N. RYBAKOV "CHILDREN OF THE ARBAT"

The article considers the relationship between the functional side of phraseological units and the dynamics of the formation of the content side of the text of the work "Children of the Arbat" by A. N. Rybakov. And also text-forming, concept-forming, characterological functions of phraseological units in the text of parts 1 and 2 of the novel "Children of the Arbat" are revealed.

Keywords: The style-forming function of phraseological units, the novel "Children of Arbat", the author's position.

В современной лингвистике широкое распространение получает исследование фразеологических единиц (далее ФЕ) в произведениях художественной литературы, позволяющее изучать языковую личность, речевое поведение автора – создателя художественного текста. ФЕ обладают богатейшими возможностями в выражении эмоционально-оценочного отношения человека к окружающей действительности, что помогает декодировать авторскую позицию. Как известно, «фразеологизмы относятся к числу активных средств создания авторской позиции, формирования повествовательной точки зрения и способствуют успешному декодированию авторского замысла, так как передают до-

минантные текстовые смыслы, репрезентируют концептуальное содержание художественного текста, транслируют специфические черты языковой личности писателя»[2, 4].

В тексте ФЕ выполняют множество функций. Под функцией ФЕ в речи понимается способ участия языковых единиц в построении речи, в организации предложения и текста [3, 339]. Функции ФЕ могут быть реализованы на разных текстовых уровнях, что создает условия для реализации её определённого аспекта. К базовым функциям ФЕ относятся жанрообразующая, текстообразующая, концептообразующая функции, а также изобразительная, которые интегрируются в глобальную стилеобразующую функцию[6, 8].

Роман «Дети Арбата» является интересным для исследования функционирования ФЕ в художественном пространстве текста. А. Н. Рыбаков – выдающийся писатель своего времени. Он создал сложный, многоплановый роман, следуя толстовской традиции. «Дети Арбата» – один из первых отечественных романов, описывающих жизнь молодых людей 30-х годов XX века и правдиво изображающих жестокость и суровость сталинских репрессий. Это роман о сверстниках самого писателя. Автор пытался максимально реально отразить особенности исторической эпохи. Для достижения этой цели ему помогают ФЕ, выполняющие различные функции в тексте романа.

Среди частных функций можно выделить изобразительную, или характерологическую. В рамках этой функции необходимо говорить о характере героя со всеми его составляющими (речевая, психологическая, интеллектуальная, физиологическая характеристики) и о характере ситуации, в которой осуществляется коммуникация, об историческом времени [4, 76–81].

А. Н. Рыбаков обратился к теме сталинской эпохи и людей, живших в то время. Автор создал фразеологизм «Дети Арбата», основанный на генитивной метафоре. Заголовочная ФЕ имеет значение ‘люди, жившие в период сталинских репрессий, пострадавшие от них’. В романе в основном описывается жизнь молодых людей 30-х годов. Все они жили по соседству, дружили, делились сокровенными мыслями. Казалось, герои должны пройти один жизненный путь. Но драматически закончившийся убийством С. М. Кирова 1934-й год высветил главное в характерах персонажей. Кончилась безмятежная юность, и несправедливая реальность обрушилась на детей Арбата. Каждому из них предстояло сделать свой нравственный выбор. Автор написал о том, о чем знал не понаслышке.

«Дети Арбата» — произведение о сверстниках А. Н. Рыбакова, о его «малой родине» Арбате. В тексте романа можно встретить синонимичный фразеологизм *дети революции*, который показывает, что люди, рожденные в это сложное время, в эпоху исторических изменений, действительно обладали некими общими чертами: честностью, стремлением действовать по совести, сохранить себя и семейные ценности в такой тяжелый период. Два приведенных фразеологизма выполняют концептообразующую функцию: они отражают идейную основу романа.

Фразеологизмы участвуют в создании образов персонажей. К примеру, в романе автор изображен как человека из народа: А. Н Рыбаков не проводит границы между собой и героями. Писатель ведет повествование в 1 и 2 части романа «Дети Арбата» от 3 лица, от лица персонажа – современника детей Арбата, который предстает не столько сторонним наблюдателем, сколько настоящим участником тех исторических событий. Он представляется одним из «детей Арбата».

При описании главного героя произведения Саши Панкратова в тексте романа несколько раз используется ФЕ *лезет во все дырки*, имеющая значение ‘вмешивается во все дела’ [1, 219]: «*Лезешь во все дырки, – недовольно заметил Аверкиев*» [5, 47]; «*Он не лезет во все дырки, как Сашка, и все же...*» [5, 44]. Используя неоднократно данный фразеологизм, автор хочет подчеркнуть особенности характера Саши Панкратова. Саша – честный, прямолинейный человек, который не может противиться собственной совести, борется за справедливость, протестует против ложных обвинений. Так фразеологизмы используются как одно из средств речевой характеристики персонажей. Другим примером изобразительной функции фразеологизма является выражение отношения к ситуации, явлению, человеку. Например, повествователь использует ФЕ *ломать душу* в значении ‘расстраивать, заставляя страдать кого-либо’ [1, 369]: «*Ведь он честно все сказал, а ему ломают душу, требуют раскаяния в том, чего не совершал*» [5, 14]. Фразеологизм *ломать душу* выражает отношение большинства к ситуации, когда Саша Панкратов сказал правду: так передана авторская оценка состояния героя.

Автор использует фразеологизмы не только для описания характера героев, но и указания на особенности внешности, жизни: «*Никогда Нинка не умела одеваться, и в пир и в мир – в одной кофте. И причесываться не умела, прикрывать надо лоб лошадиный, а не откидывать патлы назад*» [5, 26]. ФЕ *и в пир и в мир* используется для того, чтобы показать, что Нина Иванова всегда ходила в одном и том же, у нее был один наряд на все случаи жизни, поэтому она и не умела ухаживать за собой. Далее мы узнаем, что Нина осталась рано без родителей, была вынуждена работать на двух работах, чтобы обеспечить себя и сестру. Нина давала Варе все самое лучшее, именно поэтому она так выглядела. Автор, используя данный ФЕ, пытается «нарисовать» как будто крупным мазком судьбу героини.

Отметим, что в тексте романа ряд ФЕ частотно используется автором, например: «*Как-то в один из длинных зимних вечеров Сталин сам рассказал Бурдягину про случай с докерами: мол, приняли его за индуса, хотели побить, но получили по морде и убежали. Он очень любил выражение „надавать по морде“*» [5, 141]. В приведенном фрагменте дважды встречается ФЕ с семантическим компонентом «морда». А. Н. Рыбаков, используя прием повтора компонента ФЕ, усиливает экспрессивное значение каждого из ФЕ, при этом акцентирует внимание на психологическом обосновании характера правителя – смелый, волевой, жестокий. Таким образом, разговорные ФЕ в романе употребляются с определенной стилистической целью. «Дети Арбата – антисталинский

роман, но при этом образ вождя здесь не карикатурный, а передан с достоверностью, реалистично. И поэтому такое описание позволяет читателю приблизиться к пониманию личности Сталина. Описание правителя тесно связано с «лагерной темой». Автор показывает причину всего происходящего в нашей стране в «страшные» 30-е.

А. Н. Рыбаков создает исторический облик государства посредством цитат-реминисценций, известных в то время песен, желая передать детали сороковых годов: *«Пей, товарищ, покуда пьется, горе жизни заливай, – запел Саша любимую песню Марка. От него и услышал ее давно, мальчишкой еще. – Тише, о тише, все заботы прочь в эту ночь, – подтянул Марк, – так? – Именно! – Саша запел снова: Завтра, может, в эту пору Здесь появится Чека, И, быть может, в эту пору Расстреляем Колчака...»* [5, 12].

Фразеологизмы в произведении выполняют текстообразующую функцию. Неоднократно в тексте романа мы можем увидеть ФЕ со значением ‘остановить потенциальную проблему до ее развития’: *надо в зародыше убить в нем самостоятельность, уничтожаем крамолу в зародыше*. Автор использует приведенные фразеологизмы с целью показать особенности советской власти. В 30-е годы XX века в СССР господствовала официальная идеология, провозглашающая в качестве ведущих принципов следующие положения: подчинение личных интересов государственным; верховенство идеологии над законом и законностью; наличие особой коммунистической морали и нравственности; абсолютную монополию государства на средства массовой информации. И любые попытки изменить это пресекались очень строго.

Следует отметить, что А. Н. Рыбаков вводит фразеологизмы в речь персонажей для выражения оценки происходящего и передачи положения общества в 30-е годы. К примеру, Борис, товарищ Саши Панкратова по ссылке, при описании столовой «Заготпушнины» в Канске говорит: *«Это закрытая столовая < ...> для сотрудников. Но на посторонних **смотрят сквозь пальцы**»* [5, 183]. Фразеологизм имеет значение ‘сознательно не обращать внимания на что-л. предосудительное, попустительствовать кому-л.’ [7, 440]. Объяснение сложившегося положения таково: в столовой должна быть «кассовая наличность».

По мнению М. А. Фокиной, фразеологические единицы участвуют в создании событийных рядов, обеспечивающих последовательность элементов сюжета: экспозиции, завязки, кульминации, развязки. Доминантные фразеологические конфигурации семантически связаны с предшествующими или последующими текстовыми фрагментами, которые в совокупности способствуют интеграции общего смысла целого текста: «Сюжетообразующая роль проявляется в динамике развертывания проспективно-ретроспективных компонентов в составе текстовых парадигм, представляющих панораму событий и эксплицирующих смысловую структуру повествования» [6, 24].

Проследим, как ФЕ участвуют в создании сюжета произведения: *«Непонятное еще не есть неправильное, – ответил Марк, – верь в партию, в ее мудрость. Начинается строгое время»* [5, 13]; *«Ведь он честно сказал, а ему лома-*

ют душу» [5, 14]; «Он не из тех, кто просит помощи» [5, 20]; «Не стройте из себя дурачка, – рассердился Баулин, – кто не дал писать передовую? Панкратов?» [5, 35]; «Так и надо говорить сразу, а не когда *тянут за язык*» [5, 35]; «Разбираться никто не хотел, – отменить исключение значило *взять на себя ответственность*, кому это надо!» [5, 45]; «Знаете, *береженого бог бережет*. Почему бы вам не уехать к отцу или дяде?» [5, 64]; «Снова исключат? *Руки коротки!*» [5, 66]; «Только так он сможет *сохранить свое достоинство*, достоинство советского человека, ошибочно попавшего сюда» [5, 168] и т. д. Приведенные высказывания позволяют выявить особенности создания сюжетной линии главного героя произведения. Саша Панкратов был честным человеком, но за эту правду его исключили из института. Никто не смог помочь Саше, никто не хотел брать ответственность на себя, даже его родной дядя. Выделенные фразеологизмы характеризуют трагическую судьбу Саши Панкратова.

Таким образом, фразеологические единицы, активно участвуя в социально-речевой стилизации романа, выражают отношение автора к ситуациям, в которые попадают персонажи, дают оценку поступкам героев, передают их чувства и состояние, а также стремятся сохранить языковой колорит сталинской эпохи, отображают культурные реалии, духовные, моральные, этические ценности описываемого периода. Фразеологизмы используются как в речи персонажей, так и в речи повествователя. А. Н. Рыбаков создает образ рассказчика, который стилистически сближается с героями. Автор пишет о современниках, а, может, и о самом себе. С помощью фразеологизмов писатель выражает свое собственное отношение к происходящим событиям, а также создает характеры героев романа.

Список источников

1. Большой словарь русских поговорок : более 40 000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; Международная ассоц. преподавателей русского яз. и лит., Российское о-во преподавателей русского яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный каб. им. проф. Б. А. Ларина. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2013. 783 с.
2. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. 484 с.
3. Ониненко Н. К. Функция и функциональность в современной русистике // Исследования по славянским языкам: Корейская ассоциация славистов. 2002. № 7. С. 339.
4. Пекарская И. В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2000. 237 с.
5. Рыбаков А. Н. Дети Арбата : роман. Ставрополь : Кн. изд-во, 1989. 512 с.
6. Фокина М. А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX–XX веков : монография. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. 378 с.

7. Фразеологический словарь русского языка : свыше 4000 словарных статей / под ред. А. И. Молоткова ; сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. М. : Русский язык, 1986. 543 с.

УДК 821.161.1.09"20"

Д. А. Мамаева

mamaevadariga8@gmail.com

Российский университет дружбы народов

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДРУГ» В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В статье представлен анализ концепта «Друг» в текстах современной русской поэзии, опубликованных в российских литературных журналах («Нева», «Москва», «Молодая гвардия» и др.) за последние несколько лет, а также в интернет-пространстве. Рассматриваются такие аспекты темы, как образная составляющая концепта; оценка концепта современными авторами; интерпретационное поле концепта с учётом индивидуально-авторского осмысления.

Ключевые слова: *концепт, художественный концепт, поэтический дискурс, друг.*

D. A. Mamaeva

Peoples' Friendship University of Russia

VERBALIZATION OF THE CONCEPT OF “FRIEND” IN MODERN RUSSIAN POETRY

The article presents an analysis of the concept of “Friend” in the texts of modern Russian poetry published in Russian literary magazines (“Neva,” “Moscow,” “Young Guard,” etc.) over the past few years. Aspects of the topic, which are considered: the figurative component of the concept; assessment of the concept by modern authors; the interpretation field of the concept, taking into account individual author's comprehension.

Keywords: *concept, artistic concept, poetic discourse, friend.*

Одним из наиболее актуальных направлений лингвистических исследований является когнитивная лингвистика, центральным понятием которой является концепт. Рассматриваемый в данной статье концепт относится к группе телеономных концептов, которые представляют высшие духовные ценности человека, образующие и воплощающие для него нравственный идеал.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к выявлению специфики художественной языковой картины мира поэтов и писателей. Индивидуально-авторское осмысление концепта позволяет глубже и полнее раскрыть его образную и ценностную составляющие.

«Дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения, или как общение посредством текста является сегодня основным объектом лингвистического

анализа, будучи ипостасью коммуникативно понимаемого языка. В данном типе текста отображается коммуникативная ситуация, являющаяся элементом культуры, и поэтому анализ дискурса, раскрытие смыслов, заложенных в нём, выводит на культурно отмеченные обстоятельства и типичные, устоявшиеся модели поведения, имеющие социально-групповую либо этнокультурную значимость» [4, 325]. Художественный концепт является частной реализацией концепта культуры. О. В. Беспалова даёт следующее определение художественного концепта: «единица сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление предметов или явлений» [2, 6].

Признаки общенационального концепта, отображенные, например, в русских паремиях или ассоциациях на слово-стимул «друг», не всегда совпадают со значениями, образами одноименного художественного концепта. «Языковые значения типичных способов вербализации определенного концепта и смыслы, которые кодируются в этих языковых репрезентациях конкретными авторами в своих произведениях, могут отличаться» [14, 108].

Выявление и описание признаков концепта, отображенного в поэтическом произведении, позволяет увидеть текстовые связи с другими концептами. Можно наблюдать пересечение их семантических полей. Таким образом, картина анализируемого концепта значительно расширяется и обогащается.

В результате концептуального анализа поэтического дискурса были замечены ассоциативные связи понятия *друг* с образом планеты-Земли: *И её, голубую подругу, / Я подбросила кверху – лети! / Но она завертелась по кругу* [13, 159–160]. Подругой в данном контексте является планета, которая *Всё продумала, всем подала, / Всех под куполом синим простила*. Как друг, она бескорыстна, щедра, добра, сердечна.

Общение с Богом уподобляется общению с другом: *Иногда я больше всего хочу / рассказать как другу, шепотом, как врачу, / где болит, где мертво, о чем молчу, / приобнять, прислониться к старческому плечу, / расспросить о разном <...> / то ли простить тебя, / то ли сказать «прости» <...> / я возьму тебя за руку: / может, расскажешь мне, / снятся ли Богу простые земные сны?* [6, 16]. Обращение к образу друга в данном контексте говорит о высшей степени искренности, душевной открытости, доверия между друзьями. В общении с другом есть возможность поговорить на любые темы; простить или сказать «прости»; обнять, взять за руку.

В то же время в поэтическом дискурсе встречается сравнение друга с дьяволом: *Девушка без печали / С дьявольским блеском глаз; Злая моя сестра; Я дружна со стервою; Девушка из темницы; В ваших чернявых прядях / Чужды мне все ветра; Иуду видели у самых стен? / Вот он в друговом лице* [1, 80]. Использовано разговорное грубое слово *стерва*, со значением «подлый человек, нетерпимый, со скандальным характером, неуживчивый». Возникает образ чужого, далекого человека, с которым невозможна душевная близость. Строки стихотворения обращены к подружке, которая в данной ситуации выступает хо-

лодным, отчужденным, безразличным, равнодушным, подлым, злым человеком.

Таким образом, в поэтическом дискурсе так же, как и в русских поговорках, в ассоциациях респондентов на слово-стимул **друг**, наблюдается амбивалентная оценка концепта.

Чаще всего лексема **друг** сочетается с прилагательными, имеющими положительные коннотации: *На днях заходил ко мне в гости мой друг **дорогой*** [8, 134]; *Шлю привет тебе, **Милый** мой друг!* [5, 136]; *мой **чуткий** друг, подружка дней весны* [7, 5-8].

В поэтических текстах представлены ситуации идеальных дружеских отношений, где реализуются принципы дружбы, проявляются моральные качества и поведение друга. Например, неразлучность, родство душ как важные составляющие дружеских отношений продемонстрированы в следующих строках: *И сольются / В мелодию светлую / Наши души навеки веков* [5, 136]; близость друзей даже на расстоянии: *Через сотни дорог, / Через тысячи / Шлю привет тебе, / Милый мой друг! / Никаким расстоянием / Не вычислить / Протяженья / Протянутых рук* [5, 136]; готовность преодолеть любое расстояние ради встречи с другом: *В гости друг, обогнув весь Осташков, / на коньках Селигером бежит* [3, 5–6]. Образ человека, бегущего на коньках по озеру на встречу с другом, говорит о крайней степени заинтересованности увидеть близкого человека, пообщаться с ним, поддержать и сделать это как можно скорее. Более того, данную интерпретацию концепта усиливает обстоятельство тяжелых погодных условий: *Все овраги и рвы, и карьеры / пыльным снегом полны через край; Крупный иней; Лед прозрачный и прочный лежит* [3, 5–6]; отсутствие боязни и страха, если рядом друг: *Вывози, ямщик, по ухабинам; По овражкам, дорожкам, яминам* [11, 136–137]. С другом будь то в Люблино-Дачное или в Черну Грязь, ко царю или к черту лысому [11, 136–137].

Лексема **друг** используется в одном ряду со словами *брат*, *родной*, тем самым все три слова становятся синонимичными и интерпретируют концепт **друг** как «очень близкий человек, член семьи», с которым душевное родство, нет места отчужденности: *Друг, поехали в Люблино-Дачное<...> / А поехали, брат, в Царицыно, <...> / Ну, поедем, **родной**, в Борисово* [11, 136–137]. Так же выступают синонимами **друг** – *сестра*: *Пусть я **сестры** по крови не имею / Тебя считаю я **сестрой** своею / Хочу, чтоб знала ты, моя **подруга**, / Что можешь ты меня **сестрой** назвать* [12, 78].

С другой стороны, четко продемонстрирована иная сторона дружеских отношений: *И если каждый – Брут, то кто же друг?* [9, с. 113]. Брут – приближенный Цезаря, который сам же и убил царя. В русском языке появилось нарицательное выражение: «И ты, Брут!». Так говорят при получении известия о предательстве близкого и доверенного человека. Соответственно, *каждый – Брут* означает, что каждый – враг, предатель, а друга нет.

Отмечена также невозможность конкретно женской дружбы: *Говорят, с девчонками / На войну нельзя!* [1, 80]. Интересна этимология слова: **друг** – «спутник, товарищ на войне»; праславянское ***drugъ** значило «товарищ в воен-

ном походе». Итак, поэт соглашается с узусом: женщина не может быть партнером в военном походе, а значит, – и истинным другом, которому можно довериться в самых сложных жизненных обстоятельствах: «*На девичьей дружбе издавна / Дурное стоит клеймо!*» [1, 80].

В поэтическом дискурсе также прослеживается идея о том, что в отсутствии дружбы между людьми «виноват век», а не их собственные слова, поступки, поведение. Современная эпоха характеризуется как *трудная и скупая*, где слово обесценивается, молодое поколение перестаёт читать, мироустройство полностью изменяется, и в нём нет места дружбе: *Сегодня умирает слово, / Развоплощённое толпой. / Оно уже подобно вещи / И продаётся на развес, <...> / От прежнего мироустройства / Остался только в книгах след. / Но не читает книг потомство / И друга в поколенья нет* [10, 93].

Итак, в большинстве случаев признаки художественного концепта «Друг» перекликаются с ядерными признаками общенационального концепта. Однако представление об образной и ценностной сторонах концепта существенно обогащается благодаря индивидуально-авторской интерпретации выбранного концепта.

В поэтических произведениях современных авторов концепт «Друг» имеет амбивалентную оценку. С одной стороны, лексема *друг* сочетается с прилагательными, имеющими положительные коннотации. В большинстве случаев представлены ситуации, демонстрирующие идеальные дружеские отношения. С другой стороны, прослеживается идея о том, что *друг* часто оказывается не другом, возникает сомнение в существовании дружбы и убеждение, что друга нет. Последовательное рассмотрение языковых единиц, отображающих концепт, входящих в его номинативное поле, позволяет составить полную картину рассматриваемого явления.

Список источников

1. Астахова И. А. Стихи. URL: <https://ah-astahova.ru> (дата обращения: 10.04.2022).
2. Беспалова О. В. Концептосфера поэзии Н. Гумилева в её лексикографическом представлении : автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2002. 220 с.
3. Ермолаева О. Ю. Стихи // Звезда. 2022. № 2. С. 5–6.
4. Карасик В. И. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009. 406 с.
5. Козловцева О. В. Какая есть... // Молодая гвардия. 2021. № 9. С. 134–136.
6. Кочарян А. А. Стихи // Нева. 2022. № 1. С. 16.
7. Купреянов И. Стихи // Юность. 2022. № 2. С. 5–8.
8. Литвак С. А. Стихи // Звезда. 2022. № 3. С. 89/
9. Мавлиханов Р. Стихи // Нева. 2021. № 5. С. 113–114.
10. Мартынова Е. С. Чувство Родины // Молодая гвардия. 2022. № 1–2. С. 93.
11. Мешалкин Д. Друг, поехали... // Москва. 2021. № 4. С. 136–137.
12. Рубальская Л. А. Подруга. URL: rustih.ru/larisa-rubalskaya-podrug (дата обращения: 15.04.2022).
13. Супрунова С. В. Утепление души // Молодая гвардия. 2021. № 7–8. С. 159–160.

14. Чалова Л. В. Индивидуально-авторский концепт в художественном тексте : монография. Архангельск : Изд. дом им. В. Н. Булатова, 2014. 108 с.

УДК 811.161.1.09"20"

А. Э. Павлова

alla0826@yandex.ru

Костромской государственной университет

Ю. С. Кулебянова

kaf_ofg@ksu.edu.ru

Костромской государственной университет

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ В РАССКАЗАХ Н. А. ТЭФФИ

Статья посвящена изучению фразеологизмов как средства выражения парадоксальности в рассказах Н. А. Тэффи. Смысловое преобразование фразеологизмов в контексте сопряжено с контекстуальным преобразованием их внутренней формы, которая создает экспрессивность, своеобразие отражения картины мира, способствует возникновению игровых, часто парадоксальных ситуаций. Одним из интересных приемов создания комического в рассказах являются приемы остранения и парадокса, которые реализуются благодаря смысловому обыгрыванию узуальных фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизмы, средство выражения парадоксальности, остранение, структурно-семантические преобразования фразеологических единиц.

A. E. Pavlova

Kostroma State University

J. S. Kulebyanova

Kostroma State University

PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MEANS OF EXPRESSING PARADOXICITY IN N. A. TAFFY'S STORIES

The article is devoted to the study of phraseological units as a means of expressing paradoxicity in N. A. Taffy's stories. The semantic transformation of FE in the context is associated with the contextual transformation of their internal form, which creates expressiveness, the peculiarity of reflecting the picture of the world, contributes to the emergence of peculiar gaming, often paradoxical situations. One of the interesting techniques of creating the comic in stories are the techniques of detachment and paradox, which are realized through the semantic playing of the usual phraseological units.

Keywords: phraseological units, a means of expressing paradoxicity, exclusion, structural and semantic transformations of phraseological units.

В настоящее время антропоцентрическое направление в лингвистике в качестве основного фактора исследования рассматривает феномен индивидуального языка. Важнейшим звеном антропоцентризма становится языковая

личность, средством выражения которой являются особенности использования языковых средств и приемов в созданных текстах.

Исследователи творчества Н. Тэффи отмечают, что одной из отличительных особенностей художественной манеры писательницы является сочетание органичности с неожиданным ракурсом взгляда на мир, что рождает парадоксальность, которая часто выражается с помощью таких приёмов, как парадокс, оксюморон, афоризм, остранение. В современных исследованиях, посвященных вопросу изучения парадоксальности, отмечается, что «как столетия назад, так и сегодня парадокс является одним из наиболее эффективных лингвостилистических способов воздействия на читателя» [4, 198]. Парадоксальность связывают с оппозиционными отношениями лексических единиц, с использованием эффекта обманутого ожидания с субъективной модальностью «странности». По словам Е. А. Морозкиной, «интерес лингвистов к парадоксу связан с его природой, освобождающей от стереотипов и клише, и свойством акцентировать внимание к способу и технике выражения парадоксальной игры смыслами» [3, 277].

Среди различных речевых средств парадоксальности автором часто используется структурно-семантическое преобразование фразеологических единиц, в первую очередь расширение компонентного состава ФЕ, буквализация значения фразеологизма, замена компонентного состава ФЕ, контаминация.

Данная работа продолжает ряд исследований, посвященных изучению лингвистической природы парадоксальности (см. работы Г. Я. Семен [5], С. И. Шашковой [7] и др.). Целью данной статьи является исследование фразеологических единиц как средства выражения парадоксальности в рассказах Н. А. Тэффи.

Обратимся к анализу некоторых рассказов Н. Тэффи, в которых фразеологизмы участвуют в создании стилистических приемов выражения парадоксальности. Излюбленный жанр Н. Тэффи – миниатюра, построенная на описании незначительного комического происшествия. На страницах своих произведений Н. Тэффи представляет множество разнообразных типажей: гимназисты, студенты, мелкие служащие, журналисты, чудаки и растяпы. Иронизируя над естественными слабостями человека, Тэффи никогда не унижает его: её отличает мягкосердечие и сострадание к своим незадачливым персонажам [2].

Так, в основе рассуждения автора о дураках в рассказе «Дураки» лежит языковое обыгрывание фразеологизма *круглый дурак* в значении 'крайне глупый человек' [6, 147]: «*На первый взгляд кажется, будто все понимают, что такое дурак и почему дурак чем дурнее, тем круглее*» [1, 95]. Необычное авторское восприятие этого понятия возникает в контексте всего произведения, поскольку автор показывает «свой», отличный от общепринятого взгляд на понятие *круглый дурак*. Н. Тэффи пишет: «Они (люди) думают, что у дурака бывают когда-нибудь пустяки в голове!». По мнению автора, «*настоящий круглый дурак* распознается прежде всего по своей величайшей и непоколебимой серьезности». Здесь происходит расширение состава ФЕ *круглый дурак*, так как автор как бы уточняет значение данного понятия. Поэтому в пояснение приводится следующее предложение: «он в каждом вопросе сведет концы с концами и каж-

дую мысль закруглит». В данном контексте происходит буквализация ФЕ *свети концы с концами*, а также употребление однокоренного слова *закруглит* показывает, что у дурака нет «невыясненных вопросов», «шероховатостей мысли». На протяжении всего текста автором используются однокоренные со словом *круглый* слова (ср.: «кругло и ясно», «закругление» и др.). Автор буквализирует значение ФЕ *круглый дурак*, представляя данное значение посредством образа круга: знакомый дурак, самой совершенной формы, «будто по циркулю выведенной, круглой формой».

Обратимся к еще одному примеру из рассказа «Выслужился». «*Я как лошадь все убираю... ей-Богу, как собака...*», – говорит Лёшка. Мы понимаем, что этой фразой он стремится сказать, что работает очень много, отчего сильно устает, хотя на самом деле он ничего не делает. Здесь происходит контаминация ФЕ *работать как лошадь* и *устать как собака* [6, 442]. Трансформированный фразеологизм усиливает комизм ситуации посредством нового выражения, что создается нестандартным взглядом на бытовую ситуацию.

В рассказе «Святой стыд» при описании капитана, который рассказывал неприличные анекдоты, также используется фразеологизм в трансформированном виде: «*вспотел, точно анекдот ударил ему в голову*». Происходит замена компонента *хмель* на *анекдот*. *Вино (или хмель) ударяет (или бросается, кидается) в голову* ‘о быстром опьянении, вызывающем сильное возбуждение, неожиданные поступки и т. д.’ [6, 490]. В данном случае трансформация используется в связи с сюжетом произведения (капитан рассказал первый неприличный анекдот, а потом продолжил рассказывать другие), что «кружило» ему голову, так как его рассказы нравились публике.

Другим частотным приемом в произведениях Н. Тэффи является парадокс. Так, в рассказе «Тонкая психология» используется языковое обыгрывание русской поговорки *на ловца и зверь бежит* ‘озабоченному чем-либо человеку попадает то, что помогает ему решить проблему’. Данный фразеологизм употребляется, чтобы описать ситуацию, в которую попадают хорошенькие женщины (звери), сердца которых пытается завоевать пан Гусинский, имеющий репутацию Дон-Жуана (ловец). «*Зверь, как известно, бежит на ловца, хотя, следуя природным инстинктам, должен был бы делать как раз противоположное*», – пишет Н. Тэффи [1, 68]. Здесь происходит переосмысление фразеологизма и на его основе – создание предложения, которое реализует прямо противоположное значение.

Интересно использован прием парадокса в предложении, в основе построения которого лежит переосмысленный фразеологизм. В рассказе «Причины и следствия» ФЕ *Семь раз отмерь – один раз отрежь* ‘о необходимости тщательно обдумывать свои действия’ после смыслового изменения приобретает прямо противоположный смысл, новое антонимичное значение трансформированной ФЕ. Автор пишет: «*И вам строго завещаю: режьте всегда, не примеривши ни одного раза, вместо прежних семи*» [1, 90]. Это происходит для того, чтобы доказать главную мысль рассказа: «Жить на свете вообще трудно, а за последнее время, когда следствия перестали вытекать из своих причин и при-

чины вместо своих следствий выводят, точно ворона кукушечьи яйца, нечто совсем иной породы, жизнь стала мучительной бестолочью». Кроме того, за счет использования рядом другого фразеологизма («На всякий случай буду жить *спустя рукава*»), это значение усиливается. Включение в текст трансформированных фразеологизмов необходимо, чтобы показать, как изменилась жизнь, изобразить конфликт между прошлым и настоящим.

Таким образом, проблема авторской индивидуальности во многом связана с понятием отклонения от общеязыковой нормы, что приводит к появлению в тексте странных, неожиданных с точки зрения здравого смысла и формальной логики речевых построений, мотивированных эстетическими задачами автора, что позволяет говорить о парадоксальных речевых построениях, представляющих нестандартные смыслы.

Список источников

1. Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 12: Тэффи. М. : Эксмо-Пресс, 2007. 541 с.
2. Бочкарёва Е. В. Комическое в художественном мире Н. А. Тэффи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2009. 21 с.
3. Морозкина Е. А. Проблемы перевода парадокса (на материале романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени и англоязычных версий его перевода) // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 277–283.
4. Перова С. И. Понятие «парадокс» с лингвистической точки зрения // Молодой исследователь Дона. 2018. № 4. С. 198–200.
5. Семен Г. Я. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема парадокса (на материале англ. яз.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1986. 16 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М. : Русский язык, 1986. 543 с.
7. Шашкова С. И. Речевые средства выражения парадоксальности в произведениях И. Бунина : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Орел, 1998. 17 с.

УДК 821.161.1.09"19"

Э. А. Сорокина

elvira40ina0908@mail.ru

Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского

ОЦЕНОЧНЫЕ СМЫСЛЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *НЕМЕЦ* И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ В ПРОЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА

Статья посвящена описанию оценочных смыслов лексики немец и её производных в произведениях Н. С. Лескова. Для анализа использованы публицистические и художественные тексты писателя. Отмечается, что сопоставление русского и немецкого национальных

характеров, так интересующее Н. С. Лескова, реализуется на лексико-семантическом уровне в объединении авторского рационализма и эмоционально-экспрессивной оценки, отражённой в речи персонажей.

Ключевые слова: оценка, оценочные коннотации, Н. С. Лесков, лексема 'немец'.

E. A. Sorokina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Yshinsky

EVALUATIVE MEANINGS OF THE NOUN "GERMAN" AND ITS DERIVATIVES IN N.S. LESKOV'S PROSE

The article is devoted to the description of the evaluative meanings of the German lexeme and its derivatives in the works of N. S. Leskov. The author's journalistic and artistic texts were used for the analysis. It is noted that the comparison of Russian and German national characters, so interesting to N. S. Leskov, is realized at the lexico-semantic level in the combination of the author's rationalism and emotional-expressive evaluation reflected in the speech of the characters.

Keywords: evaluation, evaluative connotations, N. S. Leskov, lexeme 'German'.

Творческое наследие Н. С. Лескова как выдающегося художника слова в течение последних десятилетий остаётся объектом пристального внимания исследователей. «Своеобычный» и выразительный язык, отражающий языковую картину мира и выражающий индивидуальный стиль писателя, представляет особый интерес для учёных как в России, так и за рубежом.

Настоящее исследование посвящено анализу языка Н. С. Лескова с точки зрения представленных в нём оценочных смыслов родственных слов – лексемы *немец* и её производных.

Категория оценочности – сложное лингвистическое явление. Как справедливо утверждает Е. В. Рахилина, «ни одно понятие не находит в языке такого разнообразия классификаций, таких разнохарактерных подходов к анализу, такого множества трактовок и такой блистательной плеяды исследователей в истории лингвистических учений от античности до современности, как оценка» [9, 67]. В современной лингвистике представлены разные определения рассматриваемого явления. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой оценка понимается как «отношение говорящего, его одобрение или неодобрение в качестве компонента лексического значения слова, смысла высказывания, содержания текста» [2, 214]. В языкознании до сих пор не существует единого определения данной лингвистической категории, что подтверждает её сложность и многогранность. Главный смысл понятия оценки заключён в отражении отношения субъекта (говорящего) к определённому объекту, явлению действительности. Оценка входит в коннотативный компонент значения языковой единицы.

Оценка наиболее тесно связана с понятиями ценности и эмоциональности. В. Н. Телия указывает на прочную и неразрывную связь оценки и ценности: «Когнитивное содержание рациональной оценки – это мнение субъекта оценки о положительной или отрицательной (негативной) ценности обозначаемого в целом или какого-либо его свойства, основанное на неписаных, но узу-

альных нормах ценностной картины мира, сложившейся в данном языковом коллективе и на его жизненной философии» [10, 167]. На наш взгляд, оценку можно считать своеобразным духовным стержнем, который основывается на реальной истории народа и отражается в его языковой практике.

Категория оценки реализуется на разных уровнях языка. Она способна придать высказыванию нужную степень эмоциональности и субъективности. При этом лексические, лексико-стилистические и словообразовательные средства имеют самостоятельный характер и передают оценку эксплицитно, а фонетические, графические и синтаксические средства являются вторичными.

Проанализировав язык прозы Н. С. Лескова на основе трёх произведений – «Иродова работа» (1882), «Русские деятели в Остзейском крае» (1883), «Железная воля» (1876), – мы выделили высказывания, отражающие положительные и отрицательные оценочные значения однокоренных лексем гнезда «немец». Рассмотрим некоторые контексты употребления существительного *немец* и его производных.

Так, в следующем фрагменте из очерка Н. С. Лескова положительная оценочная коннотация передаётся с помощью лексических, графических и интонационных средств: «Немцам, конечно, от этого было мало горя, и, как люди точные и исполнительные, они делали, что им предписывал князь Суворов, но, как люди, воспитанные в понятиях настоящей веротерпимости, они постоянно “чувствовали к этому *отвращение*”» [5, 108]. Положительная оценка здесь поддерживается прежде всего на лексическом уровне: в структуре лексического значения прилагательных содержатся положительные семы, характеризующие немцев с точки зрения их отношения к работе. Согласно «Большому толковому словарю русского языка» С. А. Кузнецова, прилагательное *исполнительный* означает ‘старательный, хорошо выполняющий поручения, обязанности’, а *точный* – ‘аккуратный, пунктуальный’ [3]. Инверсионный порядок слов в предложении необходим для эмоционального и смыслового выделения данных признаков обозначаемого объекта, что позволяет акцентировать на них внимание. С этой же целью используется графическое и интонационное обособление, указывающее на обстоятельственное значение причины (немцы «делали, что им предписывал князь Суворов», так как они представляют собой людей «точных» и «исполнительных»). Автор также отмечает такое качество немцев, как веротерпимость. Подобная черта личности по «Новой философской энциклопедии» является «исторически ранним проявлением толерантности, умения признавать и уважать чужую точку зрения» [8], что говорит скорее о хорошей особенности немецкого менталитета. При этом писатель подчёркивает, что понятия веротерпимости, в которых воспитаны немцы, *настоящие*. Данное прилагательное употребляется в усиливающем положительный смысл существительного значении, о чём свидетельствует и отсутствие каких-либо знаков, вносящих в высказывание иронический оттенок.

В художественном произведении «Железная воля» положительная оценка рассматриваемых лексем, как и отрицательная, обретает большую степень эмоциональности. В контексте «“Этакой немецкий чёрт! – думалось мне, – он на-

шего Чичикова пересилит”» [7, 294] положительная оценочная коннотация прилагательного *немецкий* подчёркивается тремя способами.

Во-первых, на лексико-семантическом уровне языка значение существительного *чёрт*, относящегося к разговорной лексике, содержит в себе вполне положительную оценку: так говорится ‘о том, кто обнаруживает умение, силу, сноровку, ловкость и т. п.’ [3]. Ср., например: *в своём деле он просто чёрт! Здорово рисует, чёрт!*

Во-вторых, с помощью лексико-стилистического средства – скрытого сравнения объекта оценки с персонажем поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» Чичиковым – писатель в речи нарратора подчёркивает позитивную семантику данного слова. Несмотря на то, что герой Н. В. Гоголя ассоциируется преимущественно с негативными качествами личности, в контексте произведения Н. С. Лескова актуализируются, скорее, его положительные стороны, которые и присутствуют в трактовке стилистически сниженного существительного *чёрт*.

В-третьих, на синтаксическом уровне можно отметить восклицательное предложение, которое передаёт повышенную экспрессивность фразы с оттенком восхищения.

Отрицательные оценочные коннотации в публицистических произведениях Н. С. Лескова проявляются преимущественно в речи героев, а не автора-повествователя.

Проанализируем, например, следующий отрывок: «Это не могло скрыться ни от кого из присутствующих, а священнику Иконникову и начальнику парада, майору Вертинскому, даже показалось, как будто немцы своим присутствием в шапках и с дымящимися сигарами там, где русские стоят и молятся, обнажив головы, – нарочно стараются выказать своё неуважение к русским религиозным обычаям» [6, 185]. Отрицательная оценка существительного *немцы* реализуется главным образом в последней фразе, выделенной авторским курсивом. С помощью такого графического средства писатель интонационно выделяет ключевую информацию, служащую для передачи негативного отношения субъектов оценки (в данном случае священника и майора) к немцам. Можно говорить о том, что курсив у Н. С. Лескова является специфическим знаком, близким к кавычкам, и выступает средством оформления «чужого слова». Маркированные лексемы, таким образом, получают дополнительные эмоционально-стилистические значения и усиливают оценочность, содержащуюся в их семантике. Например, глагол *выказать* (‘обнаружить, показать, проявить’ [3]) принадлежит разговорному стилю, о чём свидетельствует соответствующая помета в словаре. По сравнению с нейтральными синонимами это слово несколько выразительнее: наряду с нейтральным значением в нём содержится оценка. Отрицательный характер глагольной оценки в рассматриваемом контексте поддерживается благодаря наречию *нарочно* (‘с целью, с определённым намерением (обычно вопреки желанию кого-л.); назло’ [3]), лексическое значение которого включает в себя сему с неодобрительным оттенком.

Наиболее ярко отрицательная оценочная коннотация существительного *немец* проявляется, на наш взгляд, в высказывании из повести «Железная воля»:

«А он говорит: “Я вживе дышать не останусь, чтобы я этакому ферфлюхтеру немцу уступил”» [7, 306]. Однозначная отрицательная оценочность в прямой речи героя складывается благодаря употреблению выразительного, экспрессивного существительного *ферфлюхтер*. Согласно «Большому толково-фразеологическому словарю русского языка» Михельсона [4] данное слово используется в качестве бранного, оскорбительного обращения к немцам. Ср., например: «“И всё ферфлюхтеры, всё немцы мешают, – сказал Ломоносов, – сегодня в конференции, верите ли, чуть глотки в споре с ними не перервал”...» (из романа Г. П. Данилевского «Мирович», 1875). Интересно, что слово *ферфлюхтер* произошло от немецкого *verflucht* ‘проклятый, окаянный; омерзительный’.

Таким образом, позитивные оценочные коннотации формируются в основном на лексико-семантическом уровне. В структуре лексических значений слов, относящихся к существительному *немец* и его производным, содержатся положительные семы, которые актуализируются в контексте и образуют положительную оценку объекта.

Отрицательные коннотации существительного *немец* и его производных формируются в основном эксплицитно при помощи лексико-семантических и лексико-стилистических средств выражения оценочного значения и проявляются преимущественно в речи персонажей.

Положительные оценочные коннотации лексемы *немец* и её производных преобладают в речи автора, а отрицательные – в речи его героев. При этом в документальных текстах оценка писателя больше тяготеет к рационализму, в то время как оценочная точка зрения его персонажей во всех рассмотренных произведениях отличается высокой эмоциональностью и экспрессивностью.

На наш взгляд, это объясняется попыткой Н. С. Лескова отразить общее отношение русского человека к немецкой национальности. К похожим выводам приходит и Л. А. Аннинский в книге «Лесковское ожерелье». Подтверждение этому можно найти в следующих словах учёного: «Немцы – предмет постоянных раздумий Лескова. Всю жизнь. Интересует ли его при этом внутренний мир германской души, её бездны, её собственная судьба? Трудно сказать... Но что его бесспорно волнует — так это именно контакт немецкого и русского начал <...> Немец интересен для него не сам по себе, а лишь тою стороною, какою он повёрнут к русскому сознанию» [1, 217–218].

В рассмотренных высказываниях из очерков Н. С. Лескова обнаруживается, что отношение русского человека к немцам проявляется прежде всего в религиозном аспекте, который в решении национального вопроса часто становится принципиальным для писателя. В художественном же произведении немец обращает на себя внимание преимущественно стереотипными чертами своей натуры, пробуждающими в русском человеке дух соперничества.

Преобладание негативной оценки в речи героев Н.С. Лескова поддерживается этимологией существительного *немец* (от др.-русск. *нѣмьць* ‘человек, говорящий неясно, непонятно; иностранец’ [11]), которая в ценностной картине

мира и сознании русского народа приобретает оттенок некоторой недоброжелательности, и сама по себе отсылает к негативному настрою.

Однако важно также отметить, что в общем пространстве текста очерков сопоставление русского и немецкого национальных характеров, так интересующее Н. С. Лескова, получает новые смыслы. С точки зрения особенностей поэтики в этих произведениях писатель намеренно парадоксален: несмотря на то, что в речь героев он вводит негативные оценочные коннотации, отношение к немецкой национальности складывается в итоге положительное. Преобладание позитивной прямой авторской оценки направлено на то, чтобы разрушить устойчивый стереотип, касающийся немцев, через собственный, рациональный взгляд на достоверные исторические факты, связанные с Остзейским краем периода правления там русского генерал-губернатора А. А. Суворова (1848–1861 гг.).

Список источников

1. *Аннинский Л. А.* Лесковское ожерелье : [о Н. С. Лескове]. 2-е изд., доп. М. : Книга, 1986. 302 с.
2. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов М. : Советская энциклопедия, 1966. 608 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov#> (дата обращения: 06.05.2022).
4. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона : в 3 т. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/ (дата обращения: 06.05.2022).
5. *Лесков Н. С.* Иродова работа // Лесков Н.С. Иродова работа: Русские картины, наблюдения, опыты и заметки. СПб. : Пушкинский дом, 2010. С. 89–126.
6. *Лесков Н. С.* Русские деятели в Остзейском крае // Лесков Н. С. Иродова работа: Русские картины, наблюдения, опыты и заметки. СПб. : Пушкинский дом, 2010. С. 392–439.
7. *Лесков Н. С.* Железная воля // Лесков Н. С. Рассказы. М. : Советская Россия, 1981. С. 263–340.
8. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд; Науч.-ред. совет: В. С. Стёпин [и др.]. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia (дата обращения: 06.05.2022).
9. *Рахилина Е. В.* Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. М., 1997.
10. *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. 284 с.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения: 06.05.2022).

М. А. Фокина

madi.fokina@mail.ru

Костромской государственной университет

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА КОСТРОМСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

В статье рассматривается языковое своеобразие произведений русских писателей XIX–XX веков, жизнь и творчество которых связаны с Костромским краем. Определяются место и роль костромских писателей в истории отечественной литературы, в развитии русского литературного языка, а также выявляются некоторые особенности языкового отражения региональной истории и культуры, специфики костромской речи, характеризуются индивидуально-авторские приемы использования образных средств.

Ключевые слова: *костромские писатели, речевые приемы выразительности, сквозные образы, языковая личность, идиостиль, концептуальное содержание.*

M. A. Fokina

Kostroma State University

THE STUDY OF LANGUAGE OF KOSTROMA WRITERS AT SCHOOL AND UNIVERSITY

The article deals with the linguistic originality of the works of Russian writers of the XIX-XX centuries, whose life and work are connected with the Kostroma region. The study presents an analysis of the place and role of writers from Kostroma in the history of Russian literature and in the development of the Russian literary language. It characterizes the representation of regional history and culture in the language of writers, the specifics of Kostroma speech, and individual methods of creating figures of speech.

Key words: *writers from Kostroma, speech techniques of expressiveness, cross-cutting images, linguistic personality, individual style, conceptual content.*

Региональный аспект исследования является важным этапом изучения отечественной филологии в школе и вузе. Знакомство с произведениями писателей Костромского края помогает углубить литературоведческие и лингвистические знания, совершенствовать речевые и коммуникативные навыки обучающихся.

Каждый писатель в своём творчестве отражает специфику культурно-языковой ситуации определённой эпохи, является передовым представителем большого языкового коллектива и в то же время транслирует неповторимые черты творческой индивидуальности, яркой языковой личности, соединяя тем самым в тексте произведения универсально-типологическое (т. е. общечеловеческое), национально-культурное и индивидуально-авторское содержание, из чего складывается его художественная картина мира.

Костромские филологи активно занимаются проблемами литературного и лингвистического краеведения, в том числе в научно-методическом аспекте.

Были опубликованы и получили признание педагогического сообщества многие серьёзные издания, востребованные в образовательном процессе: книга для учителя «Литература Костромского края», хрестоматии и учебные пособия для школьников, подготовлены региональные словари и хрестоматия, отражающие особенности народных говоров Костромской области. Учителя-словесники хорошо знакомы с исследованиями Ю. В. Лебедева, В. В. Тихомирова, Н. С. Ганцовской, А. Н. Романовой, А. К. Котлова и других преподавателей кафедры отечественной филологии [1; 2; 3].

В 2022 году завершена наша работа над монографией «Язык писателей Костромского края» [4]. Исследование базируется на принципах филологического анализа художественного текста. К ним прежде всего относятся историзм, антропоцентричность, культурологическая направленность, комплексный интегральный характер изучения (т. е. внимание к форме и содержанию текста в их взаимной обусловленности) и лексикоцентричность.

Главной особенностью художественного текста является художественно-образная речевая конкретизация, которая трактуется как реализация эстетической функции на основе перевода слова-понятия в слово-образ, направленная на активизацию воображения читателя.

На современном этапе филологического исследования текста устойчиво прослеживается тенденция к усилению его коммуникативной направленности: текст изучается как форма коммуникации с позиций диалога автора и читателя, автора и героя, общения литературных персонажей, а также межтекстового взаимодействия. Коммуникативно-прагматический подход к тексту существенно расширяет научное представление о его основных свойствах, единицах и категориях, о его структуре, семантике и прагматике.

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью изучения текстов костромских писателей с позиций дискурсивного анализа, основанного на комплексном выявлении различных факторов коммуникативно-речевой деятельности, в том числе ситуативного контекста и экстралингвистического фона, определяющих формирование языковых закономерностей произведения.

Цель исследования: филологический анализ текстов костромских писателей путём выявления системы ведущих языковых средств, которые формируют динамику текстовых смыслов, эксплицируют концептуальное содержание литературного произведения, обеспечивают структурно-семантическую целостность текста; обоснование функций образной речи, отражающей специфику идиостиля разных писателей, яркие черты их языковой личности.

К филологическому анализу привлекаются разнообразные тексты костромских авторов: как известные произведения русской классической литературы XIX века, получившие широкое признание и изучаемые в школе и вузе (например, лирика П. А. Вяземского, Н. А. Некрасова, А. Н. Плещеева; пьесы А. Н. Островского; проза А. Ф. Писемского и др.), так и недостаточно исследованные в отечественном языкознании тексты различной жанровой принадлежности, которые пока мало знакомы широкому читателю, но представляют без-

условный интерес с лингвистической точки зрения (стихи А. И. Готовцевой и Ю. В. Жадовской; ранняя проза Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, А. Н. Плещеева; очерки и мемуары С. В. Максимова; застольные речи А. Н. Островского и др.). Знакомство с такими произведениями обогащает представление о творческом наследии писателей XIX века, даёт возможность проследить литературные традиции и увидеть новаторские поиски языкового воплощения художественного замысла.

Из произведений XX века в монографии представлены разножанровые тексты наиболее известных костромских авторов: лирика Владимира Леоновича и Татьяны Иноземцевой; рассказы Владимира Корнилова и Василия Бочарникова; пьеса Виктора Розова; мемуарный текст Александра Зиновьева; литературно-критическая статья Игоря Дедкова.

Научные очерки об особенностях языка писателей Костромского края располагаются в хронологическом порядке, в динамике речевых изменений, характерных определённым периодам истории русского литературного языка.

В результате изучения текстов костромских писателей выявляются особенности языкового отражения региональной специфики и место костромских авторов в литературном процессе России, их роль в развитии русского литературного языка, в обогащении русской национальной культуры.

Костромские писатели XIX–XX вв. активно используют различные приёмы речевой выразительности, развивают традиции русской классической литературы и проявляют черты языкового новаторства. В их произведениях прослеживаются сквозные словесные образы: *карета*, *Ваал*, *маленький человек*, *Берендей*, *цепи – кандалы* и др.

Метафора *карета* характеризует жизненные устремления героев в творчестве писателей XIX века: в повести Н. А. Некрасова и в пьесе А. Н. Островского становится символом благополучной, обеспеченной жизни. Крылатое выражение *один в четырёх каретах* употребляется в комедии Островского «Бедность не порок». В повести А. Н. Плещеева «Житейские сцены» («Отец и дочь») метафора *карета*, являясь компонентом устойчивого выражения *подать карету*, участвует в создании сатирического образа неудачливого жениха, которому ответили отказом на предложение руки и сердца.

Библейское имя *Ваал* является заглавием драмы А. Ф. Писемского и неоднократно упоминается также в лирике А. Н. Плещеева. В произведениях обоих писателей этот образ символизирует греховное богатство, нравственный разврат и продажность. Генитивная метафора *жрецы Ваала*, неоднократно повторяющаяся в лирическом дискурсе Плещеева, является групповой негативной характеристикой господствующей верхушки общества, влиятельных и развращённых богатством людей, а также лживых, лицемерных, продажных общественных деятелей, поддавшихся соблазну роскоши и денег, отрёкшихся от истинных идеалов бескорыстного служения народу.

Обращение к библейским образам и сюжетам характерно в большей степени творчеству поэтов XIX века (Н. А. Некрасову, А. Н. Плещееву), а также

библейзмы нередко встречаются в лирике начала ХХI столетия (в стихах Владимира Леоновича и Татьяны Иноземцевой).

Традиционной теме *маленького человека* посвящена повесть А. Н. Плещеева, где автор трансформирует исходный фразеологизм: *люди маленькие, тёмные*.

Имя царя *Берендея*, героя пьесы-сказки А. Н. Островского «Снегурочка», использует Василий Бочарников для характеристики опытного и мудрого лесника, оберегающего природу родной земли.

К метафорам *цепи – кандалы* обращаются в своих пьесах Александр Николаевич Островский и Виктор Розов, когда их герои говорят о деловых обязательствах или о семейном долге перед близкими людьми, о домашних привязанностях, ставших для них обременительными.

Создание текстовых оппозиций в произведениях писателей Костромского края связано с противопоставлениями объектов провинциальной русской жизни и крупных зарубежных городов, которые становятся символами западной цивилизации: *Тобольск – Париж* (П. А. Вяземский); *Пахтино – Нью-Йорк* (А. А. Зиновьев); *Илешево – Париж* (В. Леонович).

Языковыми приметам книжной художественной речи являются приёмы создания перифрастических выражений и творческого использования прецедентных имён. С помощью генитивных метафор осуществляются генерализация авторских идей и типизация художественных образов: *всадники Пегаса* (Вяземский); *жрецы Ваала* (Плещеев); *здание суетности, общий экипаж человечества* (Некрасов); *век медных рублей и фальшивых бумаг* (Писемский); *ожог памяти* (Иноземцева); *идея человеческого возвышения* (Корнилов); *склероз души* (Розов) и др. Прецедентные имена используются в произведениях Вяземского (*Нестор, Вергилий, Батый, Рафаэль*); Плещеева (*Гракхи, Ваал, Шуберт*); Островского (*граф Нулин*); Корнилова (*Чапаев*); Леоновича (*Чудотворец Никола*); Иноземцевой (*Золушки*); Розова (*Тургенев, Лев Толстой, Пушкин, Марсель Пруст, Кафка*).

Символические характеристики героев созданы Островским (*нуль во фраке*), Максимовым (*богатырь с пером в руках*), Корниловым (*беспощадный идеалист*), Розовым (*всадники*). Герои пьесы Виктора Розова «С вечера до полудня» относят к всадникам прагматичных и самоуверенных людей, эгоистичных и душевно чёрствых карьеристов, стремящихся любой ценой к жизненному успеху.

Народно-разговорная лексика широко представлена в диалогической речи персонажей в произведениях писателей XIX века (Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, С. В. Максимова, А. Н. Плещеева, А. Ф. Писемского), а также прозаиков XX столетия (Владимира Корнилова и Василия Бочарникова). Диалектные слова встречаются в произведениях Алексея Писемского (*загайкать*) и в текстах Владимира Леоновича (*адуи; обабок*).

Для характеристики героев, событий и ситуаций используются русские пословицы, поговорки и присказки: *Кататься, как сыр в масле; Прошла коту масленица* (Н. А. Некрасов); *Попытка не шутка, а спрос не беда* (А. Н. Остров-

ский); *Чёрного кобеля не домоешься добела; Из песни слова не выкинешь* (С. В. Максимов); *с поклоном и приговором* (А. Ф. Писемский) и др.

Известные писатели XIX века – Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, С. В. Максимов – внесли заметный вклад в развитие русского литературного языка. В их творчестве чётко прослеживается тенденция демократизации языка, осуществляется сближение книжной и народно-разговорной речи. П. А. Вяземский, Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, А. Н. Плещеев обогатили русский литературный язык крылатыми единицами, которые активно используются в современной художественной, публицистической и разговорной речи.

В произведениях Сергея Максимова, Александра Зиновьева, Виктора Бочарникова, Владимира Леоновича отражена региональная специфика. Писатели широко используют костромские топонимы: *Чухлома, Галич, Галицкое озеро, Чухломское озеро* (Сергей Максимов); *Кострома, Чухлома, Чухломский район, Пахтино* (Александр Зиновьев); *Покша, Нелидово, Гридино* (Василий Бочарников); *Кологрив, Илешево; Сквородка, Нижняя Дебря* (Владимир Леонович). Топонимы *Кострома, Волгореченск* упоминаются в пьесе Виктора Розова.

Приложение к монографии содержит учебный словарь крылатых слов писателей Костромского края, обогативших русский литературный язык известными метафорическими выражениями. Их авторство принадлежит именитым литераторам XIX века: П. А. Вяземскому, Н. А. Некрасову, А. Н. Островскому и А. Н. Плещееву. Языковые иллюстрации к словарным статьям включают также лингвокраеведческий материал: употребления крылатых единиц в текстах региональных печатных изданий – в костромских районных и областных газетах. Создание учебного словаря явилось результатом регионального исследовательского проекта студентов-филологов Костромского государственного университета.

Монография и словарь будут востребованы в образовательном процессе по филологическим дисциплинам в вузе, а также в школьном преподавании русского языка и литературы, в том числе в ходе реализации региональных программ. В вузовской подготовке студентов-филологов монография будет использоваться на занятиях по истории русской литературы, филологического анализа текста, истории русского литературного языка, в исследовательской работе обучающихся по созданию выпускных квалификационных сочинений. Учебный словарь пополнит лексикографические фонды лингвокраеведческой лаборатории Костромского государственного университета, будет востребован на практических занятиях по современному русскому языку. В школе словарь крылатых слов может быть использован учителями-словесниками в преподавании учебного предмета «Русский (родной) язык», а также на уроках развития речи и во внеклассной работе, в вузе – студентами-филологами при подготовке конспектов уроков по методике преподавания русского языка и в период производственной (педагогической) практики в средних образовательных учреждениях.

Книга адресуется преподавателям и аспирантам вуза, учителям русского языка и литературы образовательных учреждений Костромы и Костромской области, студентам-филологам и старшеклассникам, а также всем, кто интере-

суется русской словесностью и произведениями писателей, чьё творчество связано с родным краем.

Изучение языковых особенностей произведений писателей Костромского края в динамике развития литературного языка позволяет углубить представления о культурно-языковом своеобразии различных периодов его истории, проследить общие тенденции языковой эволюции и выявить неповторимые черты художественных идиостилей, самобытность языковой личности каждого мастера слова.

Список источников

1. *Ганцовская Н. С.* Язык драматургии Островского // А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома : Костромаиздат : Шуя : Изд-во ШГПУ, 2012. С. 188–194.
2. *Ганцовская Н. С.* Костромское поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова. Кострома : Костромаиздат, 2007. 225 с.
3. *Лебедев Ю. В., Романова А. Н., Котлов А. К.* Литература Костромского края XIX–XX веков : книга для учителя. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. 308 с.
4. *Фокина М. А.* Язык писателей Костромского края : монография. Кострома : Костромской государственной университет, 2022. 173 с.

УДК 821(44).09"20"

Мохаммед Шохра

med.chohra02@gmail.com

Костромской государственной университет

ДИСКУРС ВЛАСТИ В НАУЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИШЕЛЯ ФУКО

В статье рассматривается научный взгляд Мишеля Фуко на анализ дискурса власти. Выявляется теоретическая важность работы ученого в исследовании разных типов дискурса и ее значение в современной лингвистике.

Ключевые слова: Мишель Фуко, дискурс, власть, дискурсивная практика, экстралингвистические факторы.

M. Chohra

Kostroma State University

THE DISCOURSE OF POWER IN THE SCIENTIFIC INTERPRETATION OF MICHEL FOUCAULT

The article analyses Michel Foucault's view of the analysis of the discourse of power. The importance of Foucault's work in discourse analysis is revealed. The article discusses Foucault's influence on linguistics and discourse analysis.

Keywords: Authority, Michel Foucault, discourse, linguistics, discourse analysis.

Дискурс – это тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность.
Мишель Фуко

В 1960-е годы французский исследователь Мишель Фуко поставил перед собой задачу: описать то, что не сформулировано в истории культуры, – историю безумия, наказаний, сексуальности, тюрем. И ему это удалось. Но к описанию этих социальных проблем он приходит через исследование власти и того, как в общественном сознании сменяются парадигмы знания, дискурсы и практики управления ими. Важно проследить, как формировалась личность исследователя и как складывались его научные идеи.

Фуко появился на свет 15 октября 1926 года во Франции. Родился он в семье хирурга, назвавшего сына Полем. Однако сам Фуко предпочитал называть себя Мишелем, и позже именно под этим именем он вошёл в историю.

Мишель начал получать образование в лицее Генриха VI, а позже юноша смог поступить в Колледж Святого Станислава. Несмотря на начавшуюся в то время Вторую мировую войну, молодой человек доучился до бакалавра и позже приступил к подготовке к поступлению в Высшую нормальную школу – одно из самых престижных учебных заведений Франции [4]. Во время обучения в колледже Мишель увлёкся философией. Особенно часто он проводил своё свободное время за трудами Фридриха Ницше, Георга Гегеля и Карла Юнга.

Уже после окончания войны Фуко поступил в Высшую нормальную школу. Там он занялся изучением социальной психологии и психопатологии. За время обучения Мишель несколько раз работал с душевнобольными, подмечая особенности их поведения. Спустя годы Фуко дал метафорическое определение безумию, которое всегда является смыслом, разбитым вдребезги [6].

В начале 50-х годов XX столетия Фуко начал читать лекции. Произведя благоприятное впечатление на профессоров в 1940-х, молодой специалист стал лектором в Высшей нормальной школе. Позже в одной из своих работ Фуко сказал про загадки этого мира, объяснив стремление работать в интеллектуальной среде. Он заметил, что мир покрыт знаками, нуждающимися в расшифровке [4]. В этот же период жизни преподаватель, параллельно с педагогикой занимавшийся изучением философии, приступил к написанию самостоятельных научных работ.

Фуко был не столько теоретиком культуры, сколько, в первую очередь, ее историком. Он рассматривал историю европейской культуры под разными углами зрения. Считал, что в истории культуры многое остается не изученным и не проговоренным. Не написана история безумия – он ее написал. История наказаний, тюрем, любви, сексуальности, медицины – это круг его научных интересов. Например, история медицины существует как некая дисциплина, но это лишь скопление фактов, а надо говорить о том, что на протяжении веков опре-

деляло характер медицинского знания. И вот Фуко поставил в 1960-е задачу: описать то, что в истории культуры не сформулировано [5].

«Порядок дискурса» – это инаугурационная речь, которую Фуко произнес, когда ему предложили читать курс лекций в Коллеж де Франс. Фуко отсылает к тому, что уже сделал в 1960-е: написаны «История безумия» и «Слова и вещи». Он говорит о том, что намерен делать в будущем. Если внимательно прочитать «Порядок дискурса», то будет понятен подход Фуко к культуре и то, как этот подход можно творчески применить в своем собственном опыте.

У Фуко было, можно сказать, четыре главных слова: знание, власть, практика, дискурс.

Мишель Фуко (если рассматривать его исследовательскую работу на «археологическом» этапе – то есть в период деятельности, наиболее близко смыкающейся с изучением дискурса) не был основоположником методологии дискурс-анализа в полном смысле этого слова. Его главной задачей было определение условий и оснований формирования, распространения, фиксирования и распада системы знания. В качестве таковых условий и оснований он видел дискурс (дискурсивную практику, дискурсивные формации).

Согласно Фуко, дискурс имеет отношение к способам мышления и говорения о различных аспектах реальности. Дискурс представляет собой совокупность высказываний относительно той или иной области, и структурирует способ говорения на ту или иную тему, о том или ином объекте, процессе [2].

Дискурс включает в себя совокупность общих допущений, которые могут быть настолько приняты в качестве само собой разумеющихся, что становятся невидимыми для индивидов или присвоенными ими. Дискурсы образуют каркас дискурсивных формаций, упорядочивающих реальность определенным образом. Дискурс и дискурсивная формация поддерживают определенный «режим» производства знания, а также делают возможными одни способы мышления о реальности и исключают другие. Таким образом, они детерминируют, кто может говорить, когда и с каким авторитетом и наоборот, кто не имеет на это права. Анализируя дискурсивные эффекты в фукианском ключе, исследователь отвечает на следующие вопросы: в соответствии с какими правилами возможны те или иные высказывания?; в соответствии с какими правилами упорядочиваются эти высказывания?; в соответствии с какими правилами мы определяем высказывания как истинные или ложные?; какие правила применяются для конструирования картин мира или классификационных систем? [1].

Фуко неоднократно подчеркивает, что знание, принадлежащее одному дискурсу, может исключать знание, принадлежащее другому дискурсу. То, что некоторые дискурсы (например, научно-медицинское представление о теле) начинают доминировать над другими, является результатом социально-исторических процессов, связанных с оперированием дискурсами. Они приобретают статус «истинных», а «истина» рассматривается как эффект действия дискурсивных правил [3].

Дискурс – речь, не обязательно даже словесная. Для Фуко это прежде всего, конечно, дискурс языковой. В широком смысле, это станет ясно потом, дискурсом может быть любое дело, поступок, речь, которая имеет воздействие. Ограничиться можно и лингвистическим пониманием дискурса. Культура – прежде всего пространство дискурса. Но точно так же и пространство производства знания, и власти, и практики.

Люди говорят много и все время. Не важно, устно или письменно. Уже очень рано они начинают зависеть от того, что говорят. И от того, как говорят. Каждый отдельный человек начинает зависеть от того, что и как говорят вокруг него. Человек может быть объектом манипуляции со стороны людей, управляющих дискурсом. Одна из главных проблем культуры заключается в управлении дискурсами: что, когда и кем говорится. Если дискурсом не управлять, то он будет хаотичным. И множественные дискурсы будут образовывать хаос, в котором люди начнут просто тонуть и в котором будет невозможна артикуляция знания. Будет невозможно для отдельных людей достичь власти и осуществлять силу. Если позволить всем говорить, что хотят и когда хотят, не будет ни знания, ни власти. Аристотель писал: все люди от природы стремятся к знанию. От какой природы? Хотят обладать властью. Но если не контролировать то, что люди говорят, – все практики культуры обернутся хаосом. Фуко подчеркивает, что надо исследовать культуру под этим углом зрения, исследовать процедуры контроля над дискурсом и дискурсами. Ученый выделяет три группы таких процедур [4]. Рассмотрим последовательно различные виды контроля над дискурсом.

Внешние процедуры контроля. Кто-то их устанавливает: один человек, группа людей, могут установиться стихийно. Дальше у Фуко начинается речь, непривычная по стилю. Он изобретает необычные употребления слов, новые слова. Возникает причудливая оптика, которую Фуко очень последовательно описывает. Из названий процедур многое понятно. Процедуры внешнего контроля – это прежде всего процедуры исключения: запрет; разделение и отбрасывание; оппозиция истинного и ложного.

Ещё раз подчеркнём, что это именно процедуры контроля над дискурсами, то есть над речью. Через речь только и возможно получить доступ к человеку и человеческой практике. Запрет – можно запретить что-то говорить на какие-то темы силовым установлением. Запрет – то, что в глубокой древности практиковалось как система табу. Табу – запрет на определенного рода действия. Но недаром слово закрепилось и стало означать запрет вообще. Запрет производит одну из наиболее эффективных форм отбора дискурса. Чтобы управлять людьми во всевозможных ситуациях, нужно ограничить область, о которой нельзя говорить. О Ленине и Сталине в определенный период было нельзя плохо говорить. О гомосексуальности в 60–70-е годы XX века было запрещено говорить столь открыто, сколь ныне. Запрет на дискурс о сексуальности был еще более широким в XIX веке. Фактически запрещено всерьез говорить об абсолютной монархии в демократических обществах в эпоху либерализма [6].

Мудрость не от мира сего, юродство. Это один из примеров того, как работала процедура разделения (скорее, без отбрасывания). Поэтому речь безумца имела особый статус внутри всего пространства дискурсов и могла пониматься так, а не иначе. В определенных привилегированных ситуациях безумец фактически становится пророком истины, которая недоступна разуму. Разум и безумие отделены друг от друга, но сохраняют глубинную, иногда парадоксальную, связь. Часто в основе – христианская идея мудрости не от мира сего. Связь между знанием и властью. Безумец знает либо то, чего не знает разумный, либо прекрасно знает то, на что другие предпочитают закрывать глаза. Речь идет о знании и о том, как это знание соотносится с властью и силой. Шут может обладать большей властью, чем король. Ему, как безумцу, который осуществляет дискурс другого, даровано право говорить в другом режиме. Говорить то, что другие не могут сказать. На других наложен запрет. Безумцу разрешено говорить некоторые вещи в лицо королю – процедура разделения [5].

Власть – одно из центральных понятий генеалогического метода М. Фуко. Наиболее подробно концепция власти изложена в первом томе его многотомной работы «История сексуальности» [3].

Власть являет собой «множественность отношений силы» [6]. Эти отношения исходят из неоднородных точек, распределённых по всему социальному пространству, они не локализируются в единственном центре, который осуществлял бы универсальное принуждение. Напротив, властные отношения выражаются во множестве очагов тактического давления и насилия, которые действуют анонимно и всегда отсылают к чему-то другому.

Такая организация приходит на смену новоевропейскому порядку, которому был присущ единственный и чётко определённый источник силы — монархическая власть. Однако именно в силу этой определённости, как считал Фуко, новоевропейское устройство характеризовалось гораздо меньшей тоталитарностью, нежели современность [1].

Другим наиболее важным свойством власти является факт того, что она действует не в качестве агента, пусть и множественного, который принуждал бы других субъектов к выгодным ему действиям. Дело в том, что власть инкорпорируется в практики, которые совершают субъекты любого статуса и класса, то есть она проявляется в способах говорить, организовывать пространство и повседневность, сексуальные практики и т. д.

Таким образом, особое место в ряду лингвистических исследований по теории дискурса занимает научная концепция Мишеля Фуко. Ее сущность неоднократно становилась предметом общеполитического, антропологического, культурологического, социологического, психолингвистического и собственно лингвистического анализа. Ученый считает, что каждая научная дисциплина обладает своим дискурсом, выступающим в виде специфической для данной дисциплины «формы знания» – понятийного аппарата с тезаурусными взаимосвязями. И, как следствие, экстралингвистические факторы выдвигаются на первый план и становятся определяющими по отношению к лингвистическим. В заключение стоит согласиться с мнением Е. А. Кожемякина: «вклад Фуко

в анализ оснований и условий дискурса представляет собой тот базис, на котором, вероятно, и должны выстраиваться методологические модели дискурсивного анализа» [3]. Научные идеи Мишеля Фуко служат методологической базой практического исследования различных дискурсов, в том числе дискурса власти.

Список источников

1. *Бобрикова К. О.* Власть, творчество и дискурс в концепции Мишеля Фуко // *Studiaculturae*. 2013. № 17. С. 179–185.
2. *Кириллов П. Е.* Дискурс. М. Фуко как методология анализа современных социальных институтов и процессов : дис. ... канд. фил. наук. М., 2006. 139 с.
3. *Кожмякин Е. А.* Анализ дискурса как системы рассеивания в традиции французской философии второй половины XX века (М. Фуко, М. Пешё) // *Научные ведомости*. 2008. № 4(44). С. 5–17.
4. *Мишель Фуко: Порядок дискурса.* Лекция. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (дата обращения: 09.03.2021).
5. *Савельева Е. Б.* О взглядах Мишеля Фуко на теорию дискурса // *Вестник Московской международной академии*. 2015. № 2. С. 92–95.
6. *Фуко Мишель.* Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой ; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия» : Университетская книга, 2004. 416 с.

Раздел 4

PRO MEMORIA

Н. Г. Морозов

Костромской государственной университет

МОЯ ВСТРЕЧА С АКАДЕМИКОМ Д. С. ЛИХАЧЕВЫМ В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

Консультация у Д. С. Лихачева по теме моей кандидатской диссертации (по совету моего научного руководителя, д. ф. н. Ф. Я. Приймы) состоялась в теплый сентябрьский день 1980 года. Я очень волновался, заранее заготовил вопросы, но когда началась беседа, то попал под обаяние личности Дмитрия Сергеевича до такой степени, что начал спрашивать совет не о том, что было заготовлено, а совершенно по другой проблеме. Начну с самого начала.

Сейчас уже не помню, как я оказался в академическом коридоре с большими окнами справа и рядом дверей слева. По середине этой изгибающейся галереи была ковровая дорожка. Меня встретила строгая дама в черном пиджаке, такого же цвета юбке, волосы забраны в пучок, и строгим тоном уведомила: «Время Вашей беседы с Дмитрием Сергеевичем – 20 минут». Я лишь молча кивнул головой – голос куда-то пропал. После этого дама испарилась, а я подошел к одной из дверей, пытаюсь прочесть надпись на черной табличке, и вдруг, за спиной, услышал тихий, ласковый голос: «Здравствуйте, Николай Георгиевич». Я обернулся и обомлел: передо мной стоял сам Дмитрий Сергеевич! Это было фантастическое ощущение: тот, кого я видел до этого по телевизору, на фотографиях в книгах, стоял живой, с доброй, ласковой улыбкой смотрел на меня. Бросились в глаза такие детали внешнего облика Дмитрия Сергеевича: невысокого роста, стройный, даже худощавый, одет в коричневый костюм, рубашка синего цвета, темный галстук. Причем костюм был ношенный, но чистенький, и какой-то опрятный. Потом я заметил, что манера держаться у этого человека отличалась особой красотой: жесты скупые, изящно-благородные, когда он звонил по телефону дочери (в Русский музей), то спокойно-плавно снял трубку (в маленькой телефонной будке, тут же, в коридоре) и тем же негромким, приятным голосом попросил её дать мне консультацию. Затем вернулся ко мне, и мы продолжили беседу у окна. Я настолько осмелел под ласковым, доброжелательным взглядом Дмитрия Сергеевича, что вдруг заговорил о заветном, о его методе в статье «Социальные корни типа Манилова». Восторженно, горячо, выразив своё отношение к этой статье, попросил разрешения использовать этот опыт Дмитрия Сергеевича в своей работе. Как сейчас помню особенную

улыбку Дмитрия Сергеевича – печально-добрую – и его сдержанный ответ: «Ну что ж, попробуйте».

Прошла целая вечность с момента этой встречи, в диссертации опыт академика применить было невозможно: во-первых, Федор Яковлевич отсоветовал бы наверняка, да и зачем, накануне защиты, искать новые факты, переписывать работу – всё уже сложилось. Решил приберечь согласие Дмитрия Сергеевича до подходящего случая. Этот «случай» созрел лишь к 2018 году, когда я исследовал литературные истоки образа нового царя Скифии в статье Б. К. Зайцева «Данте у скифов». Твердо знаю, что методологической основой этой моей работы явилась статья Д. С. Лихачева «Социальные корни типа Манилова». Потом я слушал лекцию Дмитрия Сергеевича для аспирантов Пушкинского Дома, неоднократно видел его у входа в музей Пушкинского Дома, беседующего с коллегами. И подумать тогда не мог, что пройдет время, и я буду много лет читать курс истории древнерусской литературы в КГУ им. Н. А. Некрасова и даже осмелюсь написать и опубликовать в одном из научных сборников статью «О литературной полемике в «Слове о полку Игореве». Статья получила одобрительные отзывы коллег. Я словно бы все время ощущал незримое благотворное воздействие Дмитрия Сергеевича, добрую поддержку. И когда я организовал и провёл десять Кирилло-Мефодиевских чтений в КГУ, то и тогда незримое присутствие великого ученого ощущал постоянно. Это ощущение давало энергию и бодрость, радость и свободу.

М. А. Фокина

Костромской государственный университет

ТРАДИЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ В КОСТРОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Межвузовская ежегодная конференция «Кирилло-Мефодиевские чтения» проводится в нашем университете с 2007 года. Традиционно чтения посвящаются Дню славянской письменности и культуры и Международному дню филолога. За пятнадцатилетнюю историю проведения научных собраний по проблемам славяноведения и русистики усилилось международное взаимодействие преподавателей и студентов вуза с представителями других славянских государств, а также укрепились профессиональные и творческие связи с общественными организациями, учреждениями образования и культуры Костромской области. В разные годы участниками конференции были зарубежные гости из Польши, Чехии, Сербии, Белоруссии, Украины.

В 2007–2008 годах в организации конференции активное участие принимали Костромская епархия и Костромская духовная семинария. При их поддержке и по инициативе доцента кафедры литературы Морозова Николая Геор-

гиевича были изданы научные сборники «Духовные основы славянской литературы», куда вошли доклады, сообщения и тезисы семинаристов, студентов и аспирантов, преподавателей вузов.

В 2009 году по инициативе Центра польской культуры Посольства Республики Польша в Российской Федерации состоялись творческие выставки: участники конференции смогли познакомиться с новыми изданиями современной польской литературы; посмотреть репродукции картин Станислава Выспяньского, известного художника, писателя и драматурга; прочитать в оригинале стихи Виславы Шимборской, лауреата Нобелевской премии; перелистать страницы ведущих польских газет и журналов. Организатором выставок выступил председатель Центра польской культуры пан Хероним Граля, ученый-историк, специалист по изучению российского Смутного времени, большой знаток и любитель русской культуры.

В 2013 году состоялся День белорусской культуры. В гости приезжали журналисты союзного канала ТВ, они подготовили съемку учебного занятия по белорусскому языку, которое было проведено профессором кафедры русского языка Ниной Семеновной Ганцовской. Под ее руководством студенты представили выразительное чтение стихов поэтов Белоруссии, комментировали фрагменты памятников белорусской письменности, инсценировали эпизоды драматического произведения, исполнили песню на белорусском языке. Доцент кафедры отечественной истории Лебедева Ольга Александровна и студенты-туристы исторического факультета подготовили презентации популярных туристических маршрутов Беларуси, рассказали о достопримечательностях Минска и других белорусских городов. Университетский фольклорно-этнографический ансамбль «Грالیца» (руководитель: Родионова Ольга Вячеславовна) проникновенно исполнил белорусские народные песни и гимн «Гей, славяне!».

В 2016 году состоялось юбилейное научное собрание «Десятые Кирилло-Мефодиевские чтения». Конференция прошла в рамках Недели национальных языков и культур, организованной Институтом филологии и истории. В чтениях приняли участие представители Московского государственного института международных отношений, Луганского государственного университета имени Т. Г. Шевченко, Военной академии РХБЗ имени С. К. Тимошенко (Кострома). Преподаватель МГИМО, профессор Тяпко Галина Георгиевна рассказала об истории сербской кириллицы, обратила внимание на особенности графики и орфографии первой сербской грамматики на народно-речевой основе Вука Караджича, основоположника современного сербского литературного языка.

В 2017 году соучредителями «Кирилло-Мефодиевских чтений» выступили Костромское областное отделение общества «Знание» Российской Федерации и Костромская общественная организация «Многонациональная Кострома», являющаяся региональным отделением Ассамблеи народов России. На конференцию приехала представительная делегация из Белоруссии. На пленарном заседании выступили ведущие научные сотрудники Национальной академии наук Беларуси: Копылов Игорь Леонович, директор Института языкозна-

ния имени Якуба Коласа и Курцова Вероника Николаевна, зав. отделом диалектологии и лингвогеографии. Они рассказали о белорусской топонимике как источнике для описания диалектной лексической системы; об основных направлениях исследований, результатах и перспективах развития белорусской национальной диалектологии.

По материалам научных собраний 2016–2017 годов был издан электронный сборник «Кирилло-Мефодиевские чтения» (2018), который объединил исследования в области лингвистики, литературоведения, истории и туризма.

В 2021 году состоялась презентация книги Г. З. Шкляра «Выбранные работы. Моўная спадчына» (2020). Герцель Залманович Шкляр (1904–1966) был преподавателем Костромского педагогического института имени Н. А. Некрасова, интересовался славянским языкознанием, русской диалектологией, особенностями языка костромских писателей, а также изучал белорусско-польские словарные отношения. В его научной деятельности выделяются минский и костромской периоды. Круглый стол «Герцель Залманович Шкляр: языковое наследие», посвященный презентации книги, был организован проф. Н. С. Ганцовской и членами лингвокраеведческой лаборатории КГУ. Дистанционное участие в круглом столе приняли белорусские коллеги, научные сотрудники Института языкознания имени Якуба Коласа, по их инициативе книга Шкляра была издана в Минске.

В 2022 году «Кирилло-Мефодиевские чтения» вошли в программу Международной недели национальных языков и культур. Одним из центральных мероприятий недели был творческий конкурс «Пушкинское слово на русском и родном языках», который проводится в вузе с 2016 года. Это состязание организуется для студентов костромских вузов в нескольких номинациях. В номинации «Иностранные студенты» традиционно приняли участие курсанты военной академии и студенты сельскохозяйственной академии. Они читали произведения Пушкина в оригинале, на русском языке, а затем – в переводе, на своем родном языке. Конкурсанты делились читательскими впечатлениями, комментировали прочитанное, отвечали на вопросы членов жюри. Первое место заняли студенты сельскохозяйственной академии Фаиз Арсяд (Индонезия), Азрил (Индонезия) и Салиму Тиам (Мали). Они подготовили литературную композицию «У лукоморья дуб зелёный...», использовали элементы инсценировки, их поэтическое прочтение было эмоциональным и убедительным. Второе место разделили студенты сельскохозяйственной академии и военной академии: Султанова Айэлита и Султанова Бурулсун (Киргизия); Нгуен Ким Уи (Вьетнам). Киргизские девушки выбрали для чтения стихотворение А.С. Пушкина «К морю», а вьетнамский курсант выразительно декламировал «Канон в честь Глинки», комментируя слова и выражения, которые были трудными для восприятия и понимания иностранного читателя. Третье место заняли курсант Батчулуун Эрдэнэбаатор (Монголия) и студент сельхозакадемии Калпаков Алымбек (Киргизия). Алымбек читал пушкинское стихотворение «Няне», а монгольский участник – фрагмент из романа «Евгений Онегин». Победительницей конкурса в номинации «Отечественные студенты» стала Романова Екатерина, студентка

3 курса направления подготовки «Музыка» (Институт культуры и искусства КГУ). Она прочитала ярко, выразительно, эмоционально стихотворение Пушкина «Родрик», обосновала выбор произведения и поделилась своим читательским восприятием. Второе место заняли Сорокина Алина и Маркова Татьяна, студентки 3 курса (Отечественная филология). Девушки прочитали стихотворения «Признание» и «Русалка», представили интересный филологический анализ поэтических текстов. На третьем месте оказались Шарыпова Олеся (1 курс, Иностранные языки) и Тростина Юлия (2 курс, Лингвистика). Они читали стихи «Зимний вечер» и «Поэту» по-русски и в переводе на иностранные языки. Во внеконкурсной программе участвовали преподаватели кафедры отечественной филологии. Праздник завершился фотографированием конкурсантов и коллективным чтением пушкинского стихотворения.

Торжественное празднование Дня славянской письменности и культуры становится все более значимым событием в жизни университета: увеличивается число участников и улучшается качество научно-просветительских мероприятий, развивается творческий и интеллектуальный потенциал студентов и преподавателей, укрепляются международные связи, усиливается социальное взаимодействие вуза с общественными, культурными и учебными организациями региона.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Астахова Анастасия Николаевна, студентка Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Саратов)

Большова Мария Олеговна, студентка 5 курса Костромского государственного университета (Кострома)

Владимирова Оксана Николаевна, студентка 4 курса Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского

Коптелова Наталия Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор Костромского государственного университета (Кострома)

Кулебянова Юлия Сергеевна, студентка 5 курса Костромского государственного университета (Кострома)

Мамаева Дария Александровна, студентка Российского университета дружбы народов (Москва)

Мезенцева Анна Игоревна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Черноморского высшего военно-морского ордена Красной Звезды училища им. П. С. Нахимова МО РФ (Севастополь)

Морозов Николай Георгиевич, кандидат филологических наук, независимый исследователь (Кострома)

Орлова Наталия Юрьевна, магистрант 1 курса направления подготовки «Зарубежная филология и межкультурная коммуникация» Костромского государственного университета (Кострома)

Осипова Елена Александровна, аспирант кафедры истории Костромского государственного университета (Кострома)

Павлова Алла Эдуардовна, кандидат филологических наук, доцент Костромского государственного университета (Кострома)

Слепенков Виталий Александрович, студент Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Саратов)

Смирнова Полина Павловна, магистрант 2 курса направления подготовки «Отечественная филология» Костромского государственного университета (Кострома)

Соколовская Алёна Александровна, студентка 3 курса Российского университета дружбы народов (Москва)

Сорокина Эльвира Александровна, студентка Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль)

Федотова Анна Александровна, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль)

Фокина Мадина Александровна, доктор филологических наук, профессор Костромского государственного университета (Кострома)

Шохра Мохаммед (Алжир), аспирант кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета (Кострома)

Юдникова Алёна Александровна, аспирант кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета (Кострома)

Научное издание

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы межвузовской научной конференции,
посвящённой Дню славянской письменности и культуры
и Международному дню филолога
(г. Кострома, 24 мая 2022 года)

Научные редакторы и составители:
К о п т е л о в а Наталия Геннадьевна
Ф о к и н а Магина Александровна

16+

Верстка О. В. Тройченко

Выполнено с использованием программы
Microsoft Office Word 2010

Системные требования:

ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Мб RAM;
Свободное место на HDD 1,5 Гб;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3)
и выше; Adobe Acrobat Reader; интегрированная видеокарта с памятью
не менее 32 Мб; CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь.

Подписано к использованию 28.12.2022. 1,28 МБ. [Печ. л. 6,5]
Заказ 268. Электронное издание. Тираж 500.

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17.
Тел.: 49-80-84. E-mail: rio@kstu.edu.ru

Титул	Сведения об издании	Выпускные данные	Содержание
--------------	--------------------------------	-----------------------------	-------------------